

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ.

ПОЕМА

въ пяти пѣсняхъ,

СОЛОМОНА ГЕСНЕРА.

Перевелъ съ нѣмецкаго

Иванъ Захаровъ.

- - - - - paulo majora canamus
Non omnes Arbusta juvant, humilesque Myricae

irg. Ecl. IV.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
иждивенїемъ типографщика и книгопродавца
I. K. Шнора. 1781.

Его превозходительству
Господину ГенералЪ-Порутчику,
двора
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Гоф-мейстеру,
Сенатору,
Кабинета члѣну,
и
ОрденовЪ,
Святаго Александра Нѣвскаго,
ПольскихЪ,
Бѣлаго орла и святаго Станислава
Кавалеру,
Милостивому Государю моему
ИВАНУ ПЕРФИЛЬЕВИЧУ
ЕЛАГИНУ.

мною книгу приписавъ имяни Вашему, засвидѣтельствовать свѣту мою преданность и почитаніе къ Вашему Превозходительству. Слабъ и не зрѣлъ трудъ мой, но естьли будетъ милостивымъ Вашимъ принятїемъ удостоенъ, то поостритъ меня впредь показать отечеству лутчїе и совершенные наставленїй вашихъ плоды.

Милостивый Государь!

Вашего Превозходительства

всенижайшїй слуга

И. З.

Увѣдомленіе
отъ
Переводчика.

Соломонъ Геснеръ тилографщикъ въ Цурихѣ и творецъ сей Поемы, имѣя дарованіе нѣжно, просто, и вдругъ величественно писать, присовокупилъ къ тому искуство вырѣзывать на мѣди и чисто печатать книги. Въ литературѣ началъ онъ упражняться, и прославился уже, имѣвъ отъ роду меньше 20 лѣтъ: возрастъ въ которой другіе люди едва только начинаютъ соображать понятія. Сію поему, въ которой добродѣтель представлена любезною, и порокъ изображенъ во всей гнусности, въ которой прекрасныя картины натуры плѣняютъ душу, а нѣжность и простота слога разумъ возхищаютъ, въ первой разъ издалъ онъ въ 1758 году, и перепечатывалъ оную, такъ какъ и всѣ свои сочиненія, въ 4 частяхъ состоящія, много разъ, то нѣмецкими то римскими буквами. Въ 1770 году прибавилъ къ онымъ 5ю часть. Всѣ изданія дѣлъ сего автора отпечатаны съ совершенною чистотою, съ исправностію, и съ украшеніями гравированными имъ самимъ.

Увѣдомленіе отъ Переводчика.

Въ V частяхъ его трудовъ, слѣдующія сочиненія: въ I. Авелева смерть. Во II. пастушья поема Дафнидъ; и Нощь. Въ III. Идилліи. Въ IV. Евандеръ и Альцимна, пастушья комедія въ 3 дѣйствіяхъ; Ерастъ, комедія въ 1 дѣйствіи; картина изъ всемірнаго потопа; и первой мореплаватель, поема въ 2 пѣсняхъ. Въ V. Идилліи вновь сочиненныя; переводныя повѣсти сочиненныя Дидеротомъ; и писмо къ Г. Фислину о селидбенной живописи.

Всѣ его сочиненія писаны измѣрянною прозою, къ каковой нѣмецкой языкъ, подобно италіянскому удобенъ. Сей родъ прозы имѣетъ средину между стихами и обыкновенною прозою, заключая въ себѣ приятности первыхъ и способности другой; въ чемъ однакожъ удалось только Г. Геснеру, а прочіе изъ нѣмецкихъ писателей, хотѣвшіе подражате ему, не успѣли.

Переводъ сей поемы напечатанъ уже былъ въ ежемѣсячномъ изданіи, подъ имянемъ Утренняго Свѣта; а нынѣ выдается особо. Всевозможное раченіе употребленное къ поправкѣ перваго изданія, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не тщательно выработаннаго, оправдаетъ можетъ быть вторичной сей трудъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Сочинителево.

Теперь осмѣлился я къ важному предмѣту (*) чтобъ узнать, могутъ ли способности мои дальше простираться, нѣжели до нынѣ испыталъ я оныя. Любопытство достойное всякаго человѣка! Часто стращаютъ автора, которой въ одномъ родѣ сочиненіи былъ щастливъ, и хотятъ его ограничить въ ономъ, какъ будто бы въ томъ родѣ онъ всѣ свои намѣреніи и всю силу дарованія своего нашелъ; хотя онъ больше по стѣченію обстоятельствъ, и можетъ быть часто по нечаянности, нѣжели по особой склонности, на сію стезю попадаетъ. Ежели свѣтъ и не почтитъ такого сочинителя, которой въ вышшую поезію вдался, то онъ уже за трудъ свой и награжденъ удовольствіемъ, приведя къ концу твореніе не малаго пространства. Устремлять мысли свои на великое множество различныхъ вещей, относиться къ на-

(*) Сія поема послѣ Дафнида и Идилліевъ писана.

чальнымъ побужденїямъ дѣйствїй, изображать свойствы, и изъ слѣдствїя сплетенныхъ обстоятельствъ выводить понятїя объ оныхъ, есть такое упражненїе, съ прелестїю, котораго ни что не можетъ сравниться. Вся природа тогда для автора, какъ нерукотворенное хранилище пребывающихъ и возможныхъ существъ, изъ котораго разумъ его все то извлекаетъ, что украсить можетъ любимѣйшїя его предмѣты. Тогда вся душа его въ движенїи, и тогда-то обнаруживаются въ немъ такїя способности, которыя бы можетъ быть вѣчно несвѣдомы были.

Такъ на конецъ, (скажутъ нѣкоторые,) мы только героическїя стихотворенїя и трагедїи читать станемъ. Тѣ, такорые такова опасаются нещастья, благоволятъ знать что я то только говорю, что сей родъ трудовъ приноситъ сочинителю несравненно больше и различнѣе удовольствїи, нѣжели стихотворенїе малаго пространства; и такое же, думаю, должно принесть и читателю онаго. Не много однакожъ писателей имѣютъ времяни и охоты, чтобъ надъ великими трудиться сочиненїями большая часть со всѣмъ другими упражненїями отъ того удалены, а нѣкоторыя предпріявъ опытъ оставили, и другой Музѣ, хотя и не столь стыдливой, склонности свои посвятили; и по сему

можемъ мы во всякомъ родѣ стихотворства имѣть лутчія всегда сочиненіи. Симъ никого огорчить я не стараюсь: ибо хотя и желаю больше Омировъ, но въ тожъ время думаю, что Есопъ и Анакреонъ удивленія всего свѣта достойны.

Удивятся нѣкоторые, а другіе осердятся, что я Библейское выбралъ бытіе. Послѣдніе изъ сихъ люди стараго вѣка, будучи иными причинами отъ упражненія въ новѣйшей поезіи отвлечены, и по великому усердію къ Вѣрѣ, такъ же и по предразсужденіямъ съ издѣтства своего, думаютъ что святость Вѣры будетъ унижена стихотворствомъ: сіе заключаютъ они разсуждая по дурнымъ сочиненіямъ ихняго времяни нѣмецкихъ стихотворцовъ, которые, изключа изъ нихъ малое число, ни свѣденія ни уваженія о себѣ не заслуживаютъ. Стихотворецъ тогда былъ только расказъ и шутъ для забавы благородной нѣмецкой націи. Первыхъ прошу я примѣтить; да и говорю я только съ ними . . . (съ тѣми я не говорю, которые читая наши Библейскія стихотворенія, красотъ и пользы столь мало въ нихъ нашли, что и предприятіе въ томъ за грѣхъ поставляютъ; симъ не достаетъ нѣкотораго чувства; и съ ними схватиться было бы столько же смѣшно, какъ бы для показанія пути передъ слѣпымъ

итти со свѣчою.) и такъ прошу я первыхъ примѣтить, что симъ не почтеніе приобрѣтетъ, но бѣдственно уладетъ стихотворство, ежели оно слѣдуя по стезямъ Вѣры, ни малой не получить отъ нее пользы: ибо истинное стихотворство должно изображать чувствованія добродѣтели и благоговѣнія. Оно должно благороднымъ образомъ увеселять разумъ и изправлять сердца; оно должно приводить людей къ ощущенію красотъ природы и ко благонравію; да когда и шутитъ оно, то должно чистить разумъ, и насаждать въ душахъ презрѣніе къ подлостямъ и грубіянству. Другова рода стихотворство презираю я отъ всего сердца.

Ежели стихотворство таково, какъ я сказалъ, тогда не безчестно источникъ его почерпать изъ Вѣры. Оно избираетъ Библейскія бытія для того, что всякой Вѣру нашу исповѣдующей, въ правдѣ оныхъ не сумнѣвается; для того, что оныя его больше нѣжели другія приключенія пользуютъ; и для того что оно тогда имѣетъ случай ясно показать, какія истинной законъ дѣлаетъ впечатлѣнія въ человѣкѣ во всякихъ обстоятельствахъ. Оно извлекаетъ изъ священныхъ повѣствованіи разныя свойства, и чрезъ правдоподобныя околичности старается обнаружить оныя, и истинну ихъ учинить нравоучительною. Ежели безумныя головы за сіе

примутся, тогда сочиненія ихъ по истиннѣ больше вредны, нѣжели полѣзны будутъ; да и не таковы ли же всѣ дурныя сочиненія?

Къ тому же ето такая вольность, которую себѣ всѣ народы позволили, и которая въ самое время Реформаціи никокова въ Нѣмцахъ сумнѣнія не производила; тогда позволяли публично представлять драмматическія сочиненія изъ Библіи почерпнутыя, которыхъ не хорошая поезія, но доброе намѣреніе защищало.

Но по етому Библія здѣлается на конецъ баснею, скажутъ еще. Тогда спрошу я, какая исторія сію имѣла участь? Омиръ и Виргилій воспѣвали дѣянія изъ древнихъ преданій взятыя; но ни одного не знаю я народа, которой бы столько былъ глупъ, что бы ими выполнивалъ исторію, и забылъ бы что они стихотворцы а не историки.

Еще есть нѣкоторой родъ людей, которые называются знающими свѣтъ; имъ не понравятся герои говорящія только о законѣ, весма степѣнные, и мало остраго имѣющіе ума. Но ежелижъ они удачно по нравамъ ихъ и по ихъ мыслямъ изображены будутъ, то сколь много тогда отъ свѣта, которой прямо жить умѣетъ, отличатся! Какая глупая мысль! какія нравы! Они

имъ столькожъ должны показаться смѣшными, какъ Омировы Ирои многимъ французамъ, по тому что тѣ не французы. Симъ скажу я изъ дружбы, что мнѣ какъ молодому человѣку, которой и жить хорошо умѣть хочетъ, въ ихъ одобренїи великая нужда, и что я для того въ угожденїе имъ, ету же поему на ихъ ладъ вдругорь перестрою. Тогда вмѣщу въ нее любовныя пронырствы, (и куды безъ нихъ годится епическая поема?) все что тонкой имѣетъ вкусъ (какъ ето смѣшно!) истощу въ оную. Тогда Авель будетъ нѣжнинькой господчикъ, Каинъ какъ альжирской пиратъ, а Адамъ ничего иного не скажетъ, какъ пожилой и знающей свѣтъ французъ.

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ.

Пѣснь Первая.

Пѣснїю превозходною дерзаю днесь возгласить семейство перваго по бѣдственномъ паденїи человѣка, и перваго который прахъ свой возвратилъ землѣ, который свирепствомъ единоутробнаго умерщвленъ брата. Покойся днесь, нѣжная сельская свирель, на коей прежде возпѣвалъ я приятную простоту и нравы земледѣлцевъ. Поборствуй мнѣ, о Муза, или благородное одушевленїе! ты которое возхищаешъ душу пѣснопѣвца, когда онъ въ часы нощи блѣдною освѣщаемый луною, или во мрачной дубровѣ, или при осѣненномъ источникѣ, въ тихомъ уединенїи размышляетъ. Ежели тогда божественный возторгъ овладѣетъ его душею, то разпаленное его воображенїе паритъ выспрь, и дерзновеннымъ полетомъ духовные и зримые мїры, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ возможности протекая, собираетъ разсѣянныя чу-

деса и сокровенныя красоты. Обременясь безценными корыстьми возвращается оно вспять, созидаетъ и соплетаетъ различное собранiе оныхъ; а бережливый разумъ съ кроткою властiю назираетъ, избираетъ, отвергаетъ и согласнаго ищетъ ихъ союза. О сколь быстро летятъ тогда въ возхитительномъ трудѣ златые и благо вкушенные часы! Колико достоинъ таковый трудъ упражненiя и почитанiя благородныхъ душъ! Достоинъ онъ бодрствiя при возбуждающемъ пѣнiи петела до возхожденiя денницы, дабы стяжать почитанiе и любовь тѣхъ которыхъ просвѣщенный вкусъ умѣетъ каждую цѣнити красоту, и дабы ощущенiя добродѣтели въ чувствительныхъ возбуждать сердцахъ. Праведно чтитъ потомство сосудъ хранящiи прахъ пѣснопѣвца устарелымъ ефѣемъ обросшiй, котораго избрали Музы да непорочности и добродѣтели учитъ мiръ. Слава его существуетъ незабвенна, всегда юнообразна, а побѣдные знаки завоевателя въ блатѣ изтлѣваютъ, и великолѣпная гробница безславнаго Государя, можетъ быть теперь въ пустынѣ, въ дикихъ терновникахъ, лежитъ раздробленная и сѣрымъ покрыта мхомъ, на коей редко токмо за-

блуждшійся отдыхаетъ путешественникъ. Хотя къ достиженію сего величія не многимъ природа благоволила, но и сорѣвнованіе имъ ужъ славное есть усиліе. Уединенное гуляніе мое и всякіи досуговъ моихъ часъ да будетъ посвященъ ему!

Тихіе часы возводили румяное утро, и на осѣненную землю росу низливали; солнце разширяя первые свои лучи за мрачными на вершинахъ крутыхъ горъ растущими кедрами, украшало блестящею зорею въ тускломъ небѣ плавающія облака. Тогда Авель и его возлюбленная Ѳирсія шли изъ сѣни своей въ ближнюю, ясминами и розами благоухающую, бесѣдку. Нѣжнѣйшая любовь и чистая добродѣтель изъявляли приятные смѣхи на голубыхъ прекрасной Ѳирсіи очахъ, и прелестное веселіе на розовыхъ ея ланитахъ; волны бѣлокурыхъ волосъ развѣваяся на юныхъ персяхъ и на раменахъ, гибкія лобзали ея колѣна. Такова шла она возлѣ Авеля. Русыя кудри осѣняли возвышенное чело юноши и низпадали на плѣча; умное степѣнство соединялося съ улыбками въ его очахъ. Шествовалъ онъ съ сею свободною прият-

ностію, каковою украшается Ангелъ въ твердое облекаяся тѣло, да явитъ себя смертнымъ; представшу ему нѣкоему праведнику въ уединеніи молящемуся со благовѣстіемъ отъ Господа, хотя и окружаетъ тѣло образуя человѣка, но въ безпримѣрной красотѣ его Ангелъ блистаетъ. Ѳирсія взглянувъ на Авеля съ нѣжною веселостію рекла ему: Возлюбленный! теперь, когда птицы возбуждаются отъ сна на утреннюю пѣснь, сдѣлай мнѣ удовольствіе, воспой новое пѣснохваленіе, которое вчера сочинилъ ты на паствѣ. Что приятнѣе быть можетъ, какъ пѣніемъ прославлять Господа? О какъ сердце мое кипитъ священнымъ наполняяся возторгомъ, когда ты поешъ и когда изображаешъ рѣченіями тѣ чувствованія, которыя только я ощущаю, но обьяснити не могу! Обьемля ее отвѣтствуетъ Авель: Все чего ни требуютъ отъ меня сладчайшіе твои уста, о моя Ѳирсія! будетъ исполнено. Какъ скоро узрю я на очахъ твоихъ желаніе, мгновенно удовлетворить его поспѣшаю. Сядемъ на мягкіи мохъ; и я воспою пѣснохваленіе. Се другъ возлѣ друга сѣли они во благоуханной бесѣдкѣ, коея отверстіе утреннее солнце озлащало; и тако Авель началъ пѣснь свою.

Удалися, о сонъ, отъ очей каждаго существа, изчезните обманчивыя мѣчты! Разумъ паки является и озаряетъ душу, яко утреннее солнце озаряетъ страну сiю. Буди благословенно прекрасное за кедрами возходящее солнце! Ты изливаешъ цвѣтъ и прелести во всю природу, и всякое благолѣпiе оживленное тобою сорадуется намъ. Удалися, о сонъ, отъ кажаго существа, бѣгите, о вы обманчивыя мѣчты, ко මракамъ нощи! Гдѣ же сiи нощные мраки? въ дремучiе лѣса и въ разсѣлины крутыхъ горъ, или въ густыя сѣни сокрылися они, и со оживотворяющею прохладностiю въ жаркiи полдень тамо насъ ожидаютъ. Тамъ, гдѣ утро возбудило ранѣе всѣхъ орла, какое куренiе отъ сверкающихъ вершинъ горъ и отъ свѣтозарныхъ челъ холмовъ, въ ясный утреннiи воздухъ, какъ жертвенное куренiе отъ олтаря возходитъ? Се природа торжествуетъ утро, и земля Зиждителю благодарственную приноситъ жертву. Вся тварь да хвалитъ Его, Его зиждущаго и сохраняющаго всяческая! Въ хвалу-бо Ему изпущаютъ младые цвѣтки утреннѣе свое благоуханiе; Ему птицы воспѣваютъ различныя пѣсни въ высотѣ воздуха и на древесныхъ вѣ-

твяхъ, возходящее встрѣчая солнце; въ хвалу Ему изходитъ левъ изъ обитаемаго вертепа и страшнымъ изрыканіемъ своего возторга стѣпи оглашаетъ. Душа моя да хвалитъ Господа, Творца и Вседержителя! Человѣческое пѣснохваленіе да взыдетъ ко Всемогущему первѣе всѣхъ: ему-бо подобаетъ хвалити Его, когда еще всѣ твари на ложахъ своихъ почиваютъ въ крѣпкомъ снѣ, когда ни верхи древесъ, ни листвія кустовъ не произносятъ гласа. Возкликни громогласно пѣснь моя въ тихомъ сумракѣ, да разбудятся тобою всѣ окрестныя твари къ похвалѣ Творца. Велелѣпно, величественно созданіе Твое, въ которомъ Ты намъ недостойнымъ являешъ премудрость свою и благостыню. Всякая мысль моя почерпаетъ возхищеніе изъ сего безконечнаго океана красоты, и проливаетъ оное въ изумленную мою душу. Какъ можетъ она изрѣщи Тебѣ хвалу? Что преклонило Тебя, о Всемогущій? Не безконечное ли милосердіе, что Ты изъ священныя тишины окрестъ престола Твоего царствующія изшелъ, и создалъ бытіи изъ небытія, и неизмѣримыя свѣтилы изо тьмы? А ты, о росоносное утро! когда по мановенію Владыки возходитъ солнце и прого-

няетъ нощь, когда въ обновленной красотѣ блистаетъ природа и всю покоющуюся сномъ тварь ко прославленію Онаго возбуждаетъ, не точный ли ты образъ того утра, когда Господь творяй носился надъ новою землею? Безпредѣльное молчаніе царствовало на необитаемой землѣ, когда зиждущіи возремелъ Гласъ; рѣкъ, и мгновенно возшумело стадо безчисленно различествующихъ видовъ и красотъ, и на пестрыхъ крылахъ взлетело въ воздухъ, забавлялося на цвѣтоносныхъ лугахъ, въ кустарникахъ и на густыхъ верхахъ древесныхъ; свистящія ихъ пѣсни сквозь удивлянныя дубровы и бурный воздухъ возгласили Творцу хвалы. Или тогда, какъ Онъ вторично носящіися надъ землею воззвалъ зверей. Рѣкъ еще, и вдругъ разверзлися глыбы земли, и преобразилися въ нещетные виды; оживленный тогда холмъ ставъ конемъ скакалъ на лугу, ржалъ и помавалъ гривой; сильный левъ изторгаяся изъ персти, будучи половиною глыбы и половиною льва, изпытывалъ первымъ рыканіемъ свою сущность; тамо зыблется гора, и грядетъ по томъ превращенная слономъ: тако возкликнули вдругъ безчисленные гласы къ Зижди-

телю. Подобно сему, великій Боже, возбуждаешь ты каждое утро тварей своихъ отъ безчувственнаго сна; они встаютъ и зряся окруженны сокровищами Твоего милосердія, неизщетными прославляютъ Тебя устами. Впредь, се зрю я святое событіе! впредь размножатся человѣки на всей землѣ, и тогда, ахъ! тогда-то на каждомъ холмѣ воздвигнутся Тебѣ олтари; изъ всякія тогда тѣни, съ каждаго злачнаго луга, когда утреннѣе солнце возбудитъ племена разсѣянные отъ возтока до запада, вознесутся къ Тебѣ хвала и благодареніе отъ земли.

Тако пѣлъ Авель сѣдящъ возлѣ своей супруги. Возхищенная благоговѣйнымъ возторгомъ, казалася она еще внимавшею; но по томъ обнявъ бѣлѣйшими лилей руками его вы́ю, и съ нѣжностію на него взирая, рѣкла: Возлюбленный! съ какимъ божественнымъ изумленіемъ вниманіе мое возносилось съ пѣснію твоею! О мой любезный! не токмо слабое тѣло мое подкрѣпляютъ нѣжныя твои попѣченія, но и душа моя управляемая тобою возносится. Когда же она заблуждается на пути своемъ, окружается мракомъ, и въ священный повергается возторгъ, тогда возставляешъ ты ее,

разсѣеваешь мракъ и претворяешь безмолвное восхищенїе мое во превозходныя изрѣченїя мыслей. Ахъ! сколь часто благодарю я .... всякїи уединенїя моего часъ радостными благодарю слезами превѣчную Благодать, что Она тебя для меня, а меня для тебя сотворила, давъ равное согласїе во всемъ что души постигать и сердца наши желати могутъ.

Рѣкла, и нѣжная съ непорочностїю любовь пролила несказанныя прелести въ каждый звонъ ея гласа, въ каждый оборотъ ея движенїя. Авель не отвѣтствовалъ; но взглянувъ на нѣе съ горячностїю, и къ персямъ своимъ прижавъ, изъяснилъ онъ чувствованїя свои паче нѣжели слова изобразити могутъ. Увы! тако блаженъ былъ человѣкъ, когда онъ ко удовольствїю своему ни чего не требовалъ отъ земли, кромѣ плодовъ благосклонно ему даваемыхъ, ни чего не молилъ у Неба, кромѣ добродѣтели и здравїя, доколѣ его алчность не изобрѣла ненасытныхъ вожделенїи, не изыскала многихъ нуждъ, и щастїе свое не погребла въ блистательной бѣдности. Чего желали они больше, къ соединенїю себя щастливѣйшими узами кромѣ любви, добродѣтели и прелестей? Но нынѣ,

сколь часто сїе случается! добродѣтельная чета, (Небо сотворило ея другъ для друга,) въ горкихъ слезахъ лишенная надежды таетъ: ибо неимущество днямъ ихъ угрожаетъ горестїю и гладомъ, или гордое и обманчивое честолюбїе родителей мучительскїя любви ихъ полагаетъ препоны.

Тако имъ сѣдящимъ, Адамъ и Ева подошли къ бесѣдкѣ; они слушали предъ оною утреннюю пѣснь и разговоры ихъ; по томъ вошли и облобызали дѣтей своихъ. Ихъ благоденствїе и добродѣтель проникли чувствїя нѣжныхъ родителей несказанною радостїю, которая на ланитахъ ихъ изображалась. И Мегала, Каинова супруга, вошла за ними въ бесѣдку. Печаль о Каиновомъ строптивомъ и крутомъ нравѣ, впечатлѣла на чело ея степѣнство, и изобразила нѣжную томность въ черныхъ ея очахъ и блѣдность на окруженныхъ темными кудрями ланитахъ. Когда Ѳирсїя обнимала своего супруга, радующаяся бытїе свое для него имѣя, тогда въ вертоградѣ, внѣ бесѣдки насажденномъ, плакала Мегала; но отеревъ слезы съ приятною вошла къ нимъ улыбкою, и съ нѣжнымъ дружествомъ поздравила

брата своего и сестру. Въ сіе жъ время проходилъ и Каинъ мимо бесѣдки; слышалъ и онъ Авелеву пѣснь, и видѣлъ сколь нѣжно лобзалъ его отецъ. Яростный обратилъ онъ къ нимъ взоръ, и рѣкъ: Какъ они возхищенны! какъ они лобзаютъ его, что воспѣлъ онъ пѣснь! Удобно ему сочинять и пѣть пѣсни, ежели спать не хочетъ сѣдя́ въ тѣни при стадѣ своемъ праздно; но мнѣ, опаляемому солнечнымъ зноемъ въ тяжкой работѣ, мнѣ нѣтъ ни времяни къ пѣнію ни охоты. Утомленнаго дневнымъ трудомъ ослабшія члѣны мои требуютъ въ нощь покоя, а на утро паки работа ожидаетъ меня на нивѣ. Слабаго, празднолюбиваго юношу, (умеръ бы онъ единожды трудъ мой понеся,) преслѣдуютъ они всегда радостными слезами и нѣжными обьятіями; но меня .... я презираю женообразное мягкосердіе, ... меня тѣмъ не отягчаютъ они, хоть я и воздѣлываю непокоривую землю во весь жаркіи день. Съ какимъ стремленіемъ текутъ ихъ радостныя слезы!

Тако проходилъ онъ на ниву. Слова его услышаны были въ бесѣдкѣ. Мегала ставъ еще блѣднѣя упала возлѣ Ѳирсіи и плакала неутѣшно; Ева уныло прекло-

нясь ко своему супругу такъ же о первенцѣ своемъ сокрушалась; но Авель имъ сказалъ: Возлюбленные мои! я пойду на пашню къ моему брату; обниму его, и все ему скажу что братская любовь внушить удобна; обниму и не прежде выпущу изъ моихъ обьятїи доколѣ онъ не обѣщаетъ мнѣ изъ груди своей всякую изтребить вражду; доколѣ онъ любить меня поклянется. Ахъ! я испытывалъ глубину души моей и внутренность моего сердца, что бъ приобрѣсти брата моего любовь; весьма часто все мое вниманїе употреблялъ я, не найду ли чего, что бы открыло мнѣ путь къ его сердцу; часто успѣвалъ я въ томъ и угасшую возпламенялъ любовь; но увы! досада и неудовольствїе паки возобновляли его угрюмость и потушали священный сей пламень.

Печальный отецъ отвѣтствуетъ ему: Я самъ, любезный сынъ мой! я самъ пойду къ нему. Ахъ! я все ему скажу, что моя отческая любовь, что разумъ мой сказать возмогутъ. Каинъ! Каинъ! увы! какими горестными сокрушенїями раздираешъ ты мое сердце! Можно ли, что бъ страсти въ душѣ грѣшника, столь ужасный произвели ма-

тежъ, и добродѣтель и милосердіе попрали! О горе мнѣ бѣдному! Какія мрачныя предчувствія ужасомъ воспящаютъ взоръ мой, въ предъидущее къ позднымъ потомкамъ простираемый! О грѣхъ! грѣхъ! сколь пагубную разстройку произвелъ ты въ душѣ человѣка! Тако вѣщалъ Адамъ, и въ печальной задумчивости вышелъ изъ бесѣдки къ перворожденному на ниву. Каинъ узрѣлъ его идуща; оставилъ работу свою, и рѣкъ: Къ чему сія задумчивость, родитель мой? Съ таковымъ суровымъ челомъ не обнималъ ты брата моего. Ахъ! уже грозятъ мнѣ упреки изъ твоихъ очей.

Съ дружественнымъ болезнованіемъ возгласилъ ему Адамъ: Буди благословенъ, о мой первенецъ! Ты вѣдаешъ, что заслужилъ упреканія; ибо грозу оныхъ усматриваешъ изъ очей моихъ. Такъ, Каинъ, ты достоинъ ихъ. Скорбь тобою въ груди отца твоего питаемая, мучительная скорбь провождаетъ меня къ тебѣ.

А не любовь, пресѣкъ Каинъ: она единому Авелю принадлежитъ?

И любовь, Каинъ! отвѣтствовалъ Адамъ, и любовь; Небо мнѣ въ томъ

свидѣтель! Сіи слезы, сія скорбь, сіи сокрушенія, терзающія меня и рождшую тебя въ болѣзняхъ; сіи печалію провождаемые часы и успокоенія отчужденные нощи, что суть иное какъ не попечительная любовь? О Каинъ! Каинъ! ежели бы ты насъ любилъ, то первое твое стараніе было бы отереть съ лицъ нашихъ сіи скорбныя слезы, и удалить печальную тьму окружающую наши дни. О есть ли еще, ... естли еще почитаніе ко Всевѣдцу внутренность твою созерцающему, есть ли еще малѣйшая искра дѣтскія любви во груди твоей тлѣетъ, любви къ твоимъ родителямъ, то сею любовію, ахъ! сею любовію заклинаю тебя, возврати намъ спокойствіе наше, наше угасшее веселіе возврати! Не питай долѣе сей строптивости въ душѣ твоей, и сей жестокой вражды противу того, коего любящее тебя сердце тщится сію злобу, сію ядовитую плеву изъ сердца твоего изторгнуть. Тебя огорчаютъ, Каинъ, и бурную ненависть въ душѣ твоей возраждаютъ пролитыя нами радостныя слезы, и нѣжныя возхищеніи при его чистой добродѣтели ощущенныя; и окрестъ летающіе Ангели радостно одобряютъ всякое благое дѣло; самъ Всемогущій взираетъ на оное

со щедрымъ благоволѣнїемъ съ высоты Своего престола. Премѣнишъ ли ты всеобщую природу въ томъ что прекрасно и благо есть? Не въ нашей состоитъ сїе власти; но когда бъ оно и во власти нашей было, о Каинъ! то не горестная ли то власть, что бъ нѣжнымъ впечатлѣнїямъ сей благородной радости сопротивляться, которая сердца наши въ сладкїй восторгъ повергаетъ. Яростный громъ и страшно обуреваемая полнощь, не производятъ приятнаго на устахъ смѣха, и крутые вихри души и волненїе необузданныхъ страстей, не даютъ уже ни каковой сердцу отрады.

Не ужели вѣчно, отвѣчалъ Каинъ, будите вы меня сими досадными преслѣдовать упреками? Есть ли не всегда приятный смѣхъ на устахъ моихъ пребываетъ, или слезы нѣжности не текутъ по ланитамъ моимъ, то не ужели въ твердомъ мужествѣ моемъ только презрительный видите вы порокъ? Съ дерзкимъ смѣльствомъ трудныя намѣренїя предпринимая, и тяжкїя исполняя работы, не могу я токмо постоянству на челѣ моемъ изображенному повелѣть, что бы оно въ слезы и нѣжный обратилось

смѣхъ. Можетъ ли ворковать орелъ какъ юная горлица?

Днесь возгласилъ ему Адамъ съ важностїю на челѣ его величественно изобразившеюся: Долго ли тебѣ самому себя обольщать? Потщишся ли ты, преодолѣвъ свое окаянство, сокрыть оное отъ себя? О Каинъ! се не мужественная твердость на челѣ твоемъ впечатлѣнная говоритъ; но вражда и неудовольствїе въ груди твоей обитающая и на поступки твои простертая изторгается; она все окрестъ тебя въ печальную одела тьму. И отъ куду же бы происходило сїе роптанїе при твоей работѣ, сїе неприязненное поведѣнїе вразсужденїи всѣхъ насъ? Чѣмъ ты недоволенъ? Есть ли бъ мы могли, о есть ли бъ мы могли удовлетворить печаль твою и дни твои озарить, яко утро юныя вѣсны озаренно, то бы усерднѣйшее наше желанїе тѣмъ было исполнено. Но Каинъ! чего алчетъ твое неспокойствїе? Не всѣ ли източники благоденствїя предъ тобою протекаютъ? Не предлагаетъ ли природа всѣ свои прелести тебѣ? Не всякое ли блаженство, не всякое ли удовольствїе естество, разумъ и добродѣтель, все что прекрасно и благо есть,

намъ предлагаетъ, а по тому и тебѣ предложенно? Но ты всего убегаешъ, и оставляя безъ употребленія ропщешъ на бѣдствіе. Или недоволенъ ты участіемъ блаженства отъ Превѣчнаго Милосердія даннымъ падшему человѣку? Щастія ли Ангеловъ ты желаешъ? Вѣдай, что и Ангели могли быть недовольны; они хотѣли быть богами и утратили небо. Ропщешъ ли ты на пути Зиждителя съ безконечною премудростію управляющаго грѣшниковъ судьбою? Тварь, смертный, червь, изъ среды неизмѣримаго творенія Его прославляющаго, можетъ подымать отъ праха главу свою, и роптать противу Того, Коего мановеніе управляетъ небо, Коего всемогущее милосердіе всякая благовѣствуетъ тварь; предъ окомъ Коего весь лабиринѳъ нашея судбины предлежитъ отверстъ; Который вѣдаетъ что есть, что будетъ, и какъ изъ присовокупленнаго къ тому зла благо процвѣсти долженствуетъ. Отжени, сынъ мой! отжени, о мой первенецъ! мракъ отъ помысловъ твоихъ. Не допусти чтобъ неудовольствіе и печаль свѣтозарные помрачили предъ тобою предмѣты, и всѣ источ-

ники блаженства въ туманѣ отъ тебя сокрыли!

Какое облегченіе подадутъ мнѣ такія увѣщанія? прискорбно Каинъ рѣкъ. Есть ли бъ могъ я развеселить себя, тогда бы все окрестъ меня радости исполнилось; все бы просіяло яко утро! Но могу ли повелѣть бурѣ утишиться, и быстротекущей рекѣ стать неподвижно? Я отъ жены къ бѣдствію рожденъ; величайшую чашу проклятія пролилъ Господь на часы рожденія первенца. Источники, изъ коихъ вы почерпаете удовольствіе и блаженство, текутъ не для меня.

Слезы полились изъ очей отца человѣковъ. Ахъ! сынъ мой! рѣкъ онъ; такъ,... увы! такъ: проклятіе всѣхъ отъ жены рожденныхъ поразило. Но возлюбленный! не ужели Господь на часы рожденія первенца устремилъ паче проклятіе, нежели на насъ когда мы грѣхомъ осквернялись? Сего Онъ не учинилъ, сей безконечно милосердый Богъ! Нѣтъ Каинъ! ты не къ бѣдствію рожденъ; не создалъ Господь изъ небытія ни единой для страданія твари. Хотя и можетъ человѣкъ злополученъ быть; но

убегая щастія злополученъ быть онъ можетъ. Тогда токмо когда разумъ въ борбѣ наглыхъ страстей нечестивыми и безпредѣльными вожделеніями побѣжденъ будетъ, станетъ человѣкъ злополученъ, и всякое представляющееся ему блаженство въ обманчивый обратится ядъ. Не можешъ ты повелѣть бурѣ утишиться, и быстротекущей рекѣ стать неподвижно; но разумъ свой можешъ ты извлечь изъ мрака, да просвѣтитъ онъ твою душу: онъ властенъ повелѣть бурѣ во внутренности твоей волнующейся утихнуть; онъ всякое твое вожделеніе, каждый поступокъ, каждую возбуждающуюся испытуетъ страсть: тогда умолкнутъ нечестивые пороки, и суетныя пожеланія и вредныя вожделенія изчезнутъ, яко утренніи туманъ изчезаетъ предъ лицемъ солнца. Я видѣлъ, Каинъ, видѣлъ я радостныя слезы на ланитахъ твоихъ, когда разумъ добродѣтельныя твои образовалъ дѣйствія; и тогда веселіемъ душа твоя была наполнена. Не истинну ли я вѣщаю, Каинъ? Не былъ ли ты тогда благополученъ? Не свѣтла ли тогда душа твоя была, яко незагражденное тучами солнце? Призови

сей лучь божества, призови изпыстующіи разумъ; тогда сопутница его любезная добродѣтель, всѣ радости возвратитъ во твое сердце, и всѣ источники щастія къ тебѣ прольетъ. Ахъ! возлюбленный! вонми увѣщаніямъ моимъ; и по вервому внушенію воцарившагося въ тебѣ разума, иди и обними брата своего. Коликими слезами прольется его радость! Съ какимъ возхищеніемъ приметъ онъ тебя въ обьятія свои!

Я обниму его по возвращеніи съ нивы, Каинъ рѣкъ; а днесь зоветъ меня работа. Обниму его .... Но нѣтъ! къ сей женоподобной нѣжности мужественная душа моя ни когда не прикоснется; къ сей нѣжности, которая толико любезнымъ его учиняетъ, и толь радостныя изъ очей вашихъ извлекаетъ слезы; тѣ слезы, коихъ малымъ пролитіемъ въ раю умягченъ ты былъ, кои на всѣхъ насъ проклятіе навлекли .... Но увы! нещастный! едва я тебя не упрекнулъ. Я чту тебя, отче мой, и молчу. Рѣкъ и возвратился ко своей работѣ.

Горько плачущіи Адамъ остановился, и ломая руки: Ахъ Каинъ! Каинъ! возопилъ ему во слѣдъ, и

ты меня упрекаешъ! Увы! я достоинъ того; но ты не долженъ ли щадить отца своего отъ порицанiи, которыя какъ пламенные мечи поражаютъ его душу? Ахъ я бѣдный! тако будутъ .... о ужасное мерзкое предчувствiе!... тако будутъ потомки мои утопшiе во беззаконiяхъ и преслѣдуемымъ грѣху наказанiемъ постигнутые, попирая прахъ мой проклинать меня перваго грѣшника! Сiе вѣщая, возвращался Адамъ съ поля, прискорбенъ, лице преклонивъ къ землѣ, тяжкiя испуская воздыханiя и руки воздевая къ небу. Каинъ взглянулъ ему во слѣдъ, и рѣкъ: Сколь жалостно воздеваетъ онъ руки! Какъ сокрушается, стенаетъ! Я поразилъ его упреканiями, мучительными, угрызающими упреканiями возлюбленаго поразилъ отца. Куды влечетъ меня изступленное бѣшенство. Адъ свирепствуетъ во внутренности моей! Я, да, я окружаю ихъ тьмою мучительныхъ сокрушенiи; я огорчаю, умерщвляю веселiя ихъ, я окаянный! Между человѣками жить я недостоинъ; подобало бы жить мнѣ между чудавищами свирепствующими въ пустыняхъ. Уже далеко онъ, а еще я слышу стенанiя его. Съ какою болезненною косностiю онъ идетъ!... Не

устремиться ль мнѣ за нимъ, не обнять ли колѣна его, и всѣмъ что свято есть не молить ли его о прощенїи? Такъ!... се вижу я, что не извнѣ бѣдствїя мои произходятъ; но въ моемъ собственномъ, неогражденномъ добродѣтелью сердцѣ, возстаютъ сїи бурныя тучи, и веселїе отъ меня и отъ нихъ яростно прогоняютъ. Возвратитеся, о разумъ, и ты о добродѣтель! Возникните изъ бѣснующагося волненїя страстей, и потушите адскїи душу мою заражающїи пламень. Се тамо стоитъ родитель, яко безчувствъ неподвиженъ, и воздевъ руки къ небу, кажется что въ горести своей жалуется на меня. Побѣгу повергнуться ко стопамъ его, о я пребѣдный!

Уже спешитъ Каинъ къ отцу своему, который во изнеможенїи оперся на пень, и наклоня главу молчалъ и проливалъ горкїя на землю слезы. Съ жестокимъ усиленїемъ поколебало сїе зрелище душу сыновню; онъ падаетъ предъ нимъ на прахъ, обьемлетъ колѣна его, льетъ слезы, боязненныя возводитъ на него взоры, и вопїетъ: Прости меня, отче мой!... Но нѣтъ, я недостоинъ нарицать тебя отцомъ своимъ; достоинъ я, чтобъ ты съ омерзенїемъ отвра-

тился отъ меня. Но ахъ! зри слезы моего разкаянія, обрати взоръ свой на нещастнаго, и прости меня!... О я изступленный! я былъ глухъ при твоихъ увѣщаніяхъ; но тогда, отче, какъ ты проливая слезы и воздевая къ небу руки шелъ отъ меня, тогда ужасъ овладѣлъ душею моею, исторгъ ее изъ гнуснаго пороковъ блата; и днесь,... днесь я рыдаю предъ тобою, зрю всю мерзость мою, съ отвращеніемъ вижу запустеніе внутренности моей, и прошу,... прощенія прошу, у Бога, у тебя, родитель мой, у брата моего, у всѣхъ кого оскорбило мое бѣшенство!

Встань, Каинъ! встань, сынъ мой! и обними меня; тако рѣкъ возхищенный отецъ, съ горячностію его обнимая. Обитающіи на небесехъ со щедрымъ благоволѣніемъ взираетъ на твои слезы. Сынъ мой! мой возлюбленный! обними меня!... Въ какую радость печаль моя обратилась! Торжественный, благословенный часъ, въ который мой сынъ, мой первенецъ, миръ, спокойствіе, и приятное веселіе возвращаетъ намъ, въ который онъ меня съ чувствительными обьемлетъ слезами! Обними, придержи меня, сынъ мой! отъ радости

подгибаются мои колѣна; но немедля, любезный! пойдемъ да обнимешъ тебя братъ твой!

Едва вознамѣрилися они итти искать Авеля на пасствѣ, какъ онъ возлѣ матери своей, Мегалою и Ѳирсїею провождаемый, изъ кустарника къ нимъ устремился. Тайно бо слѣдовали они за Адамомъ, дабы разговоръ его скрывшись за кустами слышать. Авель съ разпростертыми къ Каину бежитъ руками, обьемлетъ его съ горячностїю, рыдаетъ и не можетъ обьяснить своего возхищенїя. Братъ мой! любезный братъ! вопїетъ ему прерывающимся гласомъ, такъ ты любишъ меня! Скажи, ... ахъ скажи, что бы слышали мы то изъ устъ твоихъ. Ты любишъ меня: о неизреченная радость!

Да, братъ мой! я люблю тебя: тако отвѣтствовалъ Каинъ заключа его въ свои обьятїя. Простишъ ли ты ... ахъ! простите ли вы всѣ содѣланныя мною вамъ оскорбленїя? Простите ли, что столь долго, я недостойный, спокойствїя васъ лишалъ, и горестями и унынїемъ отяготилъ жизнь вашу? Душа моя какъ молнїя изъ тьмы исторгшись,

прогнала сїю свирепую тучу; сей колючїи тернЪ изЪ груди моей блаженство изтребившїи, вырванЪ днесь, и никогда не возродится. Прости меня, братЪ мой! и гнусную мглу прошедшаго забудь воспоминать.

Мгновенно отвѣтствуетЪ ему Авель, нѣжныя обьятїи повторяя: Оно мною забвенно, любезный братЪ! забудь и ты. Возбуждаяся кЪ радости и возторгамЪ во прекрасное весеннѣе утро, должны ли мы печаль легкаго сновидѣнїя помнить? О КаинЪ! КаинЪ! естьлибЪ я веселїе мое, половину моего возхищенїя возмогЪ обьяснить тебѣ! Но я нѣмѣю; могу только рыдать, обнимать тебя и рыдать.

При семЪ нѣжномЪ зрѣлищѣ Ева проливала радостныя слезы, и возопила по томЪ: О дѣти мой! дражайшїя дѣти! что днесь я чувствую, того ни когда не ощущала; сЪ того времяни какЪ впервые услышала я, о мой первенецЪ! изЪ устЪ твоихЪ сладчайшее имя матери, ни когда я толикаго возхищенїя не ощущала. Ужасное, угнетающее бремя низпало теперь сЪ меня, и неизрѣченное веселїе напаяетЪ мою душу. ОтЪ нынѣ станете вы протекать, о часы!

смѣхами и радостію увѣнчанные! Миръ и согласіе водворится между вами, между вами которые подъ моимъ лежали сердцемъ, которые питалися моими сосцами. Такъ, теперь уподобляюсь я плодоносной лозѣ, сладчайшимъ гроздіемъ обремененной: да всякъ мимоидущіи благословитъ тебя, тебя которая столь сладкіи возрастила виноградъ. Обнимитесь, дѣти мои! обнимитесь! теперь придите ко мнѣ, я облобызаю каждую каплю вашихъ слезъ, каждую драгоцѣнную каплю, которую на ланиты ваши братская пролила любовь. Тако вѣщая съ неизреченнымъ возхищеніемъ обнимала она сыновъ своихъ. И Мегала и Ѳирсія облобызали ее, радостными омоча слезами; а по томъ Каинова супруга сестрѣ своей рѣкла: Пойдемъ, любезная! ... О какое веселіе! да будетъ день сей днемъ торжественнымъ! ... Пойдемъ, нарвемъ прекраснѣйшихъ цвѣтковъ, наилутчихъ наберемъ плодовъ и украсимъ ими въ бѣсѣдкѣ трапезу нашу. Да будетъ день сей днемъ райскимъ, и да протечетъ онъ въ приятныхъ возхищеніяхъ. По семъ спѣтатъ они ... радость придаетъ крылія ихъ ногамъ .... ко древамъ плодоноснымъ и во цвѣтущіи вертоградъ.

Каинъ и Авель держася за руки, и и подлѣ нихъ Адамъ и Ева, упоенные совершеннымъ удовольствіемъ, пошли на холмъ. Прибывъ на оный, уже сестры въ прохладнѣйшей бесѣдкѣ приготовили столъ изъ разновидныхъ плодовъ, перекладенныхъ благовонными цвѣтками, которые составляли прекрасное смѣшеніе блеска цвѣтовъ и благоуханіи приятныхъ. Всѣ они сѣли къ сему прелестному обѣду; радость и веселіе собесѣдовали имъ; и въ сладкихъ разговорахъ нечувствительно прохладнаго вечера достигли.

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ.

Пѣснь Вторая.

Возхищенные сидѣли они въ сѣни; и тогда отецъ человѣковъ рѣкъ тако: Днесь чувствуеемъ мы, дѣти! какая радость напаяетъ послѣ добраго дѣянія души наши; чувствуемъ, что тогда только совершенно благополучны мы, когда добродѣтельны. Добродѣтелію возносимся мы ко блаженству духовъ чистыхъ, ко блаженству райскія жизни; напротивъ того неукрощенныя нечистыя страсти свергаютъ насъ оттуду, и вовлекаютъ въ гнусный лавиринѳъ, въ которомъ безпокойство, уныніе, бѣдность и раскаяніе ожидаютъ насъ. О Ева! могли ль помыслить мы, чтобъ толикое благоденствіе на сей проклятію преданной землѣ опредѣлено намъ было, тогда какъ держася за руки прекрасный мы покидали Рай; (часто сіе съ горестію я воспоминаю,) когда мы одни, только одни великую населяли землю?

Адамъ умолкъ, и Авель простеръ къ нему слово: Родитель мой! ежели ты при наступленіи столь пріятнаго вечера можешъ еще пробыть здѣсь съ нами, ежели важнѣйшія размышленія въ уединенный сумракъ тебя не призываютъ, то внемли прошенію моему, и повѣдай намъ еще о тѣхъ времянахъ, въ которыя ты съ Евою только одинъ на сей великой и не обитаемой землѣ поселился.

Всѣ взирали тогда съ кроткимъ вниманіемъ на Адама, нетерпѣливо ожидая соблаговолитъ ли онъ прозбу сію исполнить. Могу ли я, вѣщалъ онъ Авелю, въ сей радостный день отказать въ прошеній твоемъ? Повѣдаю вамъ о тѣхъ времянахъ, въ которыя учинены грѣшному человѣку столь великія обѣщанія, и толико неожиданное спасеніе и благость возвѣщенны. Ева! съ чего начну я сію повѣсть? Съ того ли, какъ мы держа другъ друга трепещущими руками удалялися отъ Рая? Но, о возлюбленная! уже готовы слезы омочить твое лице. Начни съ того, дражайшіи, отвѣщала Ева, когда въ послѣдніи разъ обратясь на Рай возрыдала я и упала въ обьятія твои. Но что тогда чув-

ствовала я, Адамъ, то оставь мнѣ разказать теперь самой; тыщадя меня извѣстишъ сїе обстоятельство недостаточно. Уже далеко за нами пылалъ мечь Ангела, со щедрымъ сожалѣнїемъ изводившаго насъ изъ Рая, продолжала Ева; гласъ его еще намъ напомиихалъ обѣщанїя и неизреченную благость раздраженнаго Бога. Уже сошли мы на землю, и безплодную проходили пустыню; не было уже тамъ Едема; нашъ путь не благовонными устланъ былъ цвѣтками, ниже плодоносными кустарниками и рощами усажденъ былъ; рѣдко разсѣяны они были на безплодномъ бору, какъ острова разсѣяны въ морѣ. Въ безмолвномъ шествїи нашемъ, земля представлялась намъ страшною степью. Безпрестанно обращаясь къ Раю, плакала я и не смѣла встрѣтить взорами своими очей прельщеннаго мною, который шелъ подлѣ меня и раздѣлялъ со мною несчастїе и горесть. Наклонивъ главу шелъ онъ, и то безмолвно озиралъ окрестности проходимой страны, то смотрѣлъ на меня; видѣлъ слезы мои, не могъ ни одного сказать слова, и рыдая прижималъ меня ко своей груди. Тако прибыли мы ко склоненїю нѣкоего холма, гдѣ возвышенный рай сокрылся

отъ очей нашихъ; тамо остановилась я, и обратясь на оный плачущая рѣкла: Увы! въ послѣднiи можетъ быть разъ вижу я тебя, о мѣсто рожденiя моего, тебя прекрасный рай! гдѣ ты, ахъ! смѣю ли тебя наимяновать, мой любезный? испросилъ себѣ у Зиждителя содружницу, и гдѣ произошла тебѣ изъ собственнаго твоего ребра погибель. Кто наслаждается днесь благоуханiемъ вашимъ, прекрасные цвѣтки, возращенные попечительною моею рукою? Кто гуляетъ во благовонной вашей тѣни, прохладные кусты? Цвѣтущiе вертограды и рощи, чей взоръ увеселяютъ днесь многоразличные ваши плоды? Уже я ни когда не увижу васъ; мнѣ оскверненной грѣхами пречистъ всякiй благоухающiи воздухъ, всякое пресвято мѣсто. О горе мнѣ! Сколь бѣдственно человѣкъ упалъ! человѣкъ, другъ Ангеловъ! который толь непороченъ, толь святъ отъ Создателевыхъ вышелъ рукъ! Погибъ и ты, и ты .... о возлюбленный! могу ли тебя инако назвать? прельщенный мною погибъ и ты. Ахъ! не возненавидь меня, не оставь меня бѣдную! ради нашего злополучiя, ради обѣщанiя человѣколюбнымъ Судiею намъ даннаго, не оставь меня бѣдную! Хотя и не достойна

я кромѣ ненависти и презрѣнія твоего; но возволь мнѣ раболѣпно слѣдовать по стопамъ твоимъ, и въ семъ бѣдствіи нашемъ пещися о твоемъ спокойствѣ. Единый взоръ твой да будетъ мнѣ знакомъ желанія твоего и воли! Гдѣ ты будешъ жить, тамъ стану я собирая цвѣтки усыпать твое ложе, стану, пустую обтекая страну, искать тебѣ въ пищу наилутчихъ плодовъ; и ежели единымъ сожалѣтелнымъ взоромъ наградишъ ты мои низкія услуги, то счастлива я буду несравненно! Тако вѣщая упала я въ обьятія моего мужа. Онъ съ горячностію прижалъ меня ко своей груди, омочилъ лице мое слезами, и рѣкъ: Не будемъ, о дражайшая супруга! горкими упреканіями бѣдность нашу въ горчайшее обращать зло? Оба мы достойны вяще наказанія нѣжели оное претерпѣваемъ. Судяй праведный Судія, не великими ли насъ обѣщаніями обрадовалъ? Хотя и окружаетъ ихъ священный мракъ непостижимости; но безпредѣльная милость Его и въ самомъ мракѣ семъ озаряетъ насъ. А естли бы Онъ наказалъ насъ по дѣламъ нашимъ, ахъ! что бы мы тогда стали? Нѣтъ, любезная моя! да не содѣлаютъ насъ докучливыя жалобы и сѣтующіе упреки

милостей Его недостойными, и уста наши не оскверняясь тѣмъ, токмо для глубочайшаго благоговѣнія и теплыхъ да отверзаются молитвъ. Онъ, предъ всевидящимъ Окомъ Котораго густѣйшіи мракъ ни чего не сокрываетъ, созерцая сокровеннѣйшія помышленіи грѣшника, милосердо узритъ и слабую нашу хвалу, и нашу благодарность, и немощныя стремленія наши ко благу. Обними меня, Ева! буди и въ бѣдствіи нашемъ благословенна! Да взаимная помощь облегчаетъ оное, да единодушно ополчася противу нашего сопостата, поженемъ грѣхи, и къ первоначальному достоинству нашему столь близко достигнути потщимся, колико развращеніе допуститъ насъ; да миръ и нѣжная любовь пребудутъ всегда между нами, и мы помощїю другъ другу обязанные безпѣчально и нетягостно понесемъ возложенное на насъ бремя; и тако пойдемъ во срѣтеніе смерти, которая, какъ видно, медлѣнно въ намъ приходитъ. Теперь сойдемъ къ растущимъ предъ горою тополамъ; вечеръ уже наступаетъ, и мѣсто сіе будетъ способно для препровожденія намъ нощи. Ты умолкъ, и я обнявъ тебя

отерла власами слезы, и сошла за тобою съ горы къ тополовымъ древамъ, предъ оною стоящимъ. Ева окончавъ повѣсть, съ нѣжною улыбкою взглянула на Адама, который началъ продолженіе оной. Пришедъ къ тополамъ, нашли мы въ горѣ вертепъ тѣнію сихъ деревъ загражденный. Зри, Ева! рѣкъ я, зри какія удобствы предлагаетъ намъ природа; виждь сію спокойную пещеру, и сей чистый источникъ подлѣ ней журчащіи. Здѣсь устроимъ нощное пребываніе наше; но прежде входъ въ оную отъ нощнаго нападенія враговъ заградить потребно. Какихъ враговъ? вопросила Ева боязливо. Или не уразумѣла ты, сказалъ я, что проклятіе всѣ созданія поразило, что союзы дружества между всѣми живущими тварями разторжены, и что слабѣйшіи сталъ сильнѣйшаго добычей? Тамо на полѣ видѣлъ я львичища злобнымъ рыканіемъ гнавшаго устрашенную серну; видѣлъ я и брань между птицъ въ воздухѣ летавшихъ. Уже не властелины мы надъ сими тварьми, по крайней мѣрѣ надъ тѣми, которыхъ силамъ не соотвѣтствуетъ мочъ наша. Игравшіе доселѣ окрестъ насъ, дружелюбно ласкаясь, пестрый тигръ и косматый левъ, грозный изпущая нынѣ изъ очей пламень, со страшнымъ

рыканіемъ мимо насъ пробѣгаютъ. Хотя и можемъ мы усмирить однихъ ласкою, и противу превозходныхъ силъ другихъ разумомъ защититься, но безопаснѣе будетъ, ежели сплетенными вѣтвями загражу я вертепный входъ. А я пойду, вѣщала Ева, и нарву цвѣтковъ и травъ на устланіе нашего ложа; и соберу плоды съ кустарниковъ и деревъ на пищу. Тогда началъ я сплетать вѣтви предъ входомъ вертепа, а Ева оглядываясь что бы не потерять меня изъ виду, собирала робѣя съ кустарниковъ и съ деревъ плоды. По семъ возвратилася назадъ, и предложила мнѣ оныя на свѣжей травѣ.

Тогда возлегли мы въ вертепѣ на цвѣткахъ, и начали вкушать умѣренную нашу трапезу, приятными разговорами сопровождая. Но вдругъ набѣжала черная туча, и затмила низходящее солнце; страшно разпростерлася она надъ нами, и печальнымъ мракомъ одела землю; природа въ скорбной тишинѣ истребленія своего ожидающею казалась. Поднялся бурный вѣтръ, заревѣлъ въ горахъ и пронзилъ дремучіе лѣса; по томъ изъ черныхъ тучь молніи заблистали, и

звучный громЪ произвелЪ на воздухѣ ужасный трескЪ. Ева уклонилася кЪ задыхающейся моей груди и рѣкла: Се грядетЪ всемогущїи Судїя! сколь грозно грядетЪ ОнЪ неся смерть, моимЪ преступленїемЪ раздраженный, намЪ и всей природѣ! О АдамЪ! АдамЪ! ... но безгласна, трепещуща вЪ обьятїяхЪ моихЪ осталась. Возлюбленная! рѣкЪ я, падемЪ предЪ пещерою на колѣни, и принесемЪ молитву Грядущему выше страшной тьмы, стопамЪ Коего пламя и сей ужасный предЪидетЪ звукЪ! О ты, Который сЪ неизрѣченнымЪ дружествомЪ предстоялЪ мнѣ, когда я Творческою дѣсницею Твоею изЪ небытїя совершенЪ проснулся, колико ужасенЪ Ты идущїи во образѣ Судїи! По семЪ вышли мы изЪ вертепа, и покрывЪ блѣдное лице трепещущими руками упали на колѣни, молилися и ожидали, доколѣ станетЪ надЪ нами Судїя и изЪ среды грома рѣчетЪ: ты умрешЪ, а ты земля потребишися отЪ ярости моея! Но вЪ сей часЪ воды полилися сЪ неба, молнїи не озаряли уже облаковЪ, и громЪ слышался токмо вЪ далекѣ. Я поднявЪ тогда главу сказалЪ: Господь протекЪ мимо насЪ, Ева! не сокрушитЪ ОнЪ земли, и мы умремЪ не сего дня; да и кЪ чему же

бы въ прочемъ было Его обѣщанїе, ежели бы Онъ изтребилъ насъ и потомственное въ насъ сѣмя? Вѣчная Премудрость не раскаевается во своихъ обѣтахъ. Тогда престали мы трепетать, облака расточились, и низходящее солнце прелестное сїянїе по нихъ простерло, подобное такому возхитительному зрѣлищу, какъ бы Ангельскїе лики парили на росныхъ облакахъ въ высотѣ Едема, и небесное ихъ блистанїе далѣе воздушнаго круга разширяясь, каждое облако яко пламенемъ осїявало. Тако свѣтозарно было тогда западное небо; вся подъ нимъ земля въ разлїянномъ пламяни веселящеюся являлась, каждый оживлялся цвѣтъ, каждый ко ослѣпляющему блеску возвышался; и мы озаренные вечеряющимъ солнцемъ пали наколѣни, и во священномъ восторгѣ явленїе сїе торжествовали. Тако прошла первая надъ нами буря. Вечерняя заря поблѣдневъ къ сумраку склонилась, и луна прїятнѣйшїи пролила на раздробленныя облака свѣтъ; тогда-то почувствовали мы въ первые на члѣнахъ нашихъ нощный хладъ, равно какъ въ полудни опалялъ насъ необычайный солнца жаръ. Мы облеклися въ кожи, которыя благотворный нашъ Судїя, прежде изше-

ствія нашего изъ рая, далъ намъ для препоясанія чреслъ нашихъ, во знаменіе того, что и въ бѣдствіи нашемъ сожалѣя щедрыя помощи своея не лишаетъ насъ; и легли въ пещерѣ на мягкую траву и цвѣтки, ожидая въ приятныхъ обьятіяхъ сна. Пришелъ онъ, но не такъ скоръ и сладокъ какъ прежде въ непорочности нашей: тогда воображенія наши только чистые и веселые предмѣты ощущали; но днесь они тѣхъ забавъ были отчужденны, и безпокойствіе, и страхъ, и угрызаемая совѣсть, всѣляли въ нихъ боязненные, странные, мрачные виды. Спокойна была нощь, приятенъ сонъ; но сколько съ тою нощію несравненъ, когда я, Ева, велъ тебя первократно во брачную сѣнь, когда цвѣтки приятнѣе обыкновеннаго благоухали! Ни когда пѣсни нощныхъ птицъ съ толикимъ согласіемъ не раздавались; ни когда луна не изливала столь чистаго свѣта, какъ въ сіе время когда рай первую праздновалъ брачную нощь. Но почто косню я изобразуя предмѣты, которые усыпленную возбуждаютъ скорбь? Уже питалося утреннѣе солнце свѣтлою земли росою, когда наши отворилися очи, и изъ рѣдка на древахъ уединенныя воспѣвали

птицы: ибо не обитало на землѣ другихъ животныхъ, кромѣ удалившихся по проклятіи изъ рая: ибо въ вертоградѣ Господнѣ ни каковое истлѣніе было уже невмѣстно. Тогда мы вышедъ предъ пещеру принесли Господу молитву нашу; и по томъ сказалъ я Евѣ: Пойдемъ далѣе; протекая взорами сію отверстую страну, вижу я, что можемъ мы избрать себѣ въ жилище такое мѣсто, которое болѣе изобилія и разновидности въ пищѣ и красотахъ имѣетъ. Видишъ ли ты сію по зеленой долинѣ извивающуюся реку? Тамо стоящіи холмъ являетъ на обильномъ травою хребтѣ своемъ многодревесный вертоградъ. Слѣдую за тобою, возлюбленный! куда ты меня ни поведешъ, давъ руку мнѣ сказала Ева; и мы предпріяли путь свой къ холму. Тогда увидѣла Ева предъ собою птичку, которая произнося томный и прискорбный крикъ кружилась въ воздухѣ, и по томъ изнеможенная и дрожащая крыліями, спустилася на низшій кустарникъ. Ева приближилась къ ней, и увидѣла другую птичку предъ сѣтующею лѣжащу на травѣ бездыханну. Долго она разсматривала сію наклоняся къ ней; по томъ поднявъ ее съ земли хотѣла разбудить: Она не просыпается, сказала Ева, и тре-

пещущею рукою положила ее паки на траву; и ни когда но проснется. Слезы полилися изъ очей ея. А ты, о сѣтующая! тако продолжала она ко другой обратяся: можетъ быть, ахъ! можетъ быть ето была твоя подруга! Я, я навлекла проклятіе и бѣдствіе на землю и на всяку ея тварь, о страждущая неповинно! се я, я нещастная! Плачущая обратилася она ко мнѣ, и рѣкла: Что знаменуетъ сіе злоключеніе? сіе престрашное злоключеніе? всякое чувство неключимо, всякіи оцепеневшіи членъ способность свою утратилъ; какъ я нарѣку сіе? смерть .... истлѣніе! Ахъ! ужасъ всѣ мои обьемлетъ члѣны! Ежели сіе смерть, и ежели подобна она угрожаемой намъ смерти, о какъ ужасна! и ежели она такъ же и тебя похититъ отъ меня, и ты .... о! .... Адамъ! трепещу .... лишаюсь силъ! Рыданіе ея усугубилось, и въ жесточайшую погруженная горесть преклонилася она къ землѣ. Я обнялъ плачущую мою супругу и рѣкъ: Не умножай, любезная! сѣтованія своего и болѣзни; пойдемъ въ твердомъ упованіи на Управляющаго съ безконечною премудростію всею вселенною, Который хотя и облекается таинственнымъ мракомъ, но возходя на

верховное свое судилище благостыню и любовь всегда къ себѣ соприсутствовать призываетъ. Не уже ли воображенїе наше станетъ намъ представлять токмо страшные будущаго виды, и разумъ нашъ единое лишъ созерцати бѣдство? Симъ ослѣпленные совратимся мы отъ путей премудрости Его и благостынни, и сами отъ себя во глубочайшую бѣздну золъ погрязнемъ. Судьбы Его о насъ неизмѣримо премудры суть и благи; и тако съ крѣпкою надеждою предадимся Его путеводительству, и со священнымъ и благоговенїя исполненнымъ удивленїемъ восхвалимъ Его.

Послѣ сего продолжали мы путь къ холму, пробираяся сквозь плодоносные кустарники окружающїе онаго подошву. На вершинѣ его изъ среды малыхъ плодоносныхъ деревъ, густой возвышался кедръ и разпростиралъ отъ высоты своей далекую окрестъ себя прохладу; подъ тѣнїю его протекалъ по цвѣткамъ излучистый ручей. Отъ туду представлялась намъ необозримая въ открытомъ видѣ страна, и отъ слабаго ока въ туманномъ воздухѣ терялась. Вотъ райская тѣнь, произнесъ я, спо-

койное жилище; но рая здѣсь уже мы не найдемъ. Пріими насъ подъ кровъ тѣни своея, высокіи кедръ! А вы, о разновидныя древа! не безъ благодарности стану я срывать плоды ваши; они мнѣ будутъ за тщательное мое объ васъ попеченіе наградой. О Всемогущіи! призри отъ небесъ милосердымъ окомъ на обитель нашу, и услыши смиренную молитву, теплое благоговѣніе и благодарность, которыя каждый день и часъ сквозь верхи сихъ тѣней къ тебѣ возсылаемы отъ насъ будутъ. Здѣсь убо въ потѣ лица своего станемъ мы вкушати нашу пищу, и подъ сею тѣнію, Ева, станешъ ты родити съ болѣзнію чадъ своихъ; отсюду потомки наши разсѣлятся по землѣ, и подъ сими древами постигнетъ насъ нѣкогда ближущаяся смерть. О Боже! Боже! обрати на жилище грѣшныхъ милостивое око! Тако вѣщалъ я, и Ева возлѣ меня возведъ слезящіе глаза на небо, съ благоговѣніемъ молилась.

Тогда началъ я подъ тѣнію кедра созидати сѣнь, водруженными въ землю коліями окружая, и отъ одной стѣны до другой гибкія сплетая вѣтви; а Ева отошедъ отъ меня провождала ручей

между цвѣтками, или загустѣвшіе кустарники разбирала, или привязывала къ колышкамъ наклонившіеся на тонкомъ стеблѣ цвѣтки, или зрѣлые собирала плоды; и тако первократно вкусили мы пищу въ потѣ своего лица. По томъ пошелъ я на берегъ реки собирать тростникъ на кровлю моей сѣни, и увидѣлъ пасущихся пять агнцевъ, подобныхъ бѣлизною полдневнымъ облачкамъ, и посредѣ ихъ юнаго овна. Тихо приближился я къ нимъ, желая узнать не убѣгутъ ли и они такъ же отъ меня какъ левъ и тигръ, игравшіе прежде предомною; но они не убѣгали, и я погналъ ихъ тростію на тучную холма паству, гдѣ Ева, упражненная сплетеніемъ нагбенныхъ вѣтвей, въ подобіе бесѣдки, не видала сего малаго стада, доколѣ ихъ блеяніе о себѣ ей не возвѣстило. Она озиралася, и отъ радости опустила изъ рукъ колеблющіяся вѣтки; сперва испужавшися стояла она неподвижна, по томъ возхищенная сказала: Ахъ! они столькожъ какъ и райскія ласковы и тихи. Радуюсь тебѣ, милое стадо! ты будешъ съ нами жить; здѣсь растетъ тучная мурава и благовонныя травы; здѣсь и свѣтлый течетъ ручей. Сколь приятно будетъ, во время попеченія на-

шего о кустарникахъ и деревахъ, видѣть васъ прыгающихъ предъ нами по травѣ! Тако вѣщая, гладила Ева волнистое ихъ руно.

По состроенїи сѣни, сидѣлъ я съ Евою подъ тѣнїю ея входа; задумчивы сидѣли мы, но Ева прервала молчанїе тако: Прекрасна и разными видами страна сїя, равно какъ и холмъ, многими растенїями украшены; однакожъ можемъ мы между растенїями всего здѣшняго округа наилутчїя выбрать, я пересадить на нашъ холмъ; тогда онъ столькоже уподобится раю, сколько рай, по извѣщенїю посѣщавшихъ насъ Ангеловъ, уподобляется небу, и подражательную онаго будетъ имѣть тѣнь. Ахъ! сколь прекрасно было то благословенное мѣсто! Вся природа проливала тамъ щедро сладчайшїе свои дары, все возрастало тамъ съ избыточною роскошью прекрасно; безчисленное множество пестрыхъ цвѣтковъ, злаковъ и плодовъ перемѣшивалися вися на стебляхъ и кустахъ; несчетные роды деревъ разширяли тамо прохладную тѣнь; соборъ несказанныхъ красотъ, всякаго великолѣпїя и всѣхъ приятствъ! Но изъ всѣхъ сихъ прелестей видимъ мы здѣсь только малѣйшую долю. Можетъ

быть подверженная проклятію земля не можетъ больше сего производить, или со скудною бережливостію во всѣхъ концахъ своего пространства раздѣляетъ ихъ различно. Да и видѣла уже я, Адамъ, какимъ образомъ смерть и изтлѣніе, (думаю что и сіе есть также смерть,) всю природу во свою власть взяли; видѣла согнившіе и спадшіе съ деревъ плоды, увядшіе цвѣтки, также и засохшіе кусты, которые украшавшихъ ихъ листовъ и плодовъ обнаженные прискорбно стояли; хотя въ тоже время молодыя отрасли показывалися подлѣ изсохшихъ, свѣжіе плоды заступали мѣста спадшихъ, и изъ разсѣянныхъ сѣмянъ увядшихъ цвѣтковъ прозябали ихъ изчадія. Такъ-то и мы Адамъ, нѣкогда увянемъ, оставя процвѣтшихъ при насъ чадъ нашихъ.

Умолкла; но я унылымъ рѣкъ ей гласомъ: Увы, дражайшая! иныя помышленія меня терзаютъ. Сколь легко, сколь желательно предпочелъ бы я все потерянному богатству! но то меня сокрушаетъ, то мучительнѣйшая моя трата, что изгнанъ я изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ благоволилъ Вседержитель являть намъ божественное свое лице, гдѣ Онъ

умѣряя сіяніе своего величества прохождалъ по рощамъ, и гдѣ священное молчаніе присутствіе Его торжествовало. Ахъ! тогда дерзалъ я часто, падши ницъ разглагольствовати съ Нимъ; и Всемогущій снизходилъ внимати слова своея твари, и мнѣ отвѣтствовать. Но увы! сіе чистыхъ духовъ преимущество мы потеряли. Пречистое Существо возхощетъ ли быти между оскверненныхъ грѣхами, и сходити на ту землю, которая проклятіе его заслужила, хотя Оно и съ сожалѣніемъ взираетъ на насъ съ высоты своего престола, и хотя благостыня Его превышаетъ во окаянствѣ погрязшихъ дерзскую надежду? Кажется что и Ангели низходящіе на землю для исполненія Его воли, оставляя блистаніе свое, не видимы быстро протекаютъ сіе исполненное истлѣнія мѣсто: ибо мы недостойны дружества духовъ, которые Господа не раздражили.

Тако разглагольствуя погрузилися мы по томъ во мрачную задумчивость, и печально взирали на предлежащую землю. Внезапу лучезарное облако простерлось на оную съ неба; по томъ остановилося на холмѣ, и изъ сіяющія его

среды вышелъ небесный юноша, величественнымъ веселїемъ паче онаго блестящїи. Мгновенно возставъ пошли мы преклоня главы наши во срѣтенїе ему; и Ангелъ тако намъ вѣщалъ: Имѣющїи престолъ свой на небесехъ, внялъ словамъ вашимъ. Иди, рѣкъ Онъ мнѣ, и рцы сѣтующимъ: Небеса незаключаютъ Меня въ себѣ, но всякая точка Моего творенїя присутствїемъ Моимъ освященна. И кто повелѣваетъ солнцамъ производити свѣтъ? Кто дѣйствуетъ что звѣзды не остановляются въ теченїи своемъ, что земля производитъ плоды, и что день и нощь слѣдуютъ по перемѣнно? Кто хранитъ существы продолжая имъ дыханїе и жизнь; и кто хранитъ тебя самого отъ смерти и тли? Я всегда съ тобою, глаголетъ Господь, и сокровеннѣйшїя мысли твои созерцаю.

Священнымъ ужасомъ обьятый стоялъ я сїянїемъ облеченъ, и возведя мерцающее око рѣкъ: Непостижимы суть щедроты Господни; призираетъ Онъ нашу бѣдность, и Ангеловъ своихъ ко грѣшникамъ посылаетъ. Увы! я стыжусь тебя, небесный вѣстникъ! и едва смотрѣть дерзаю; но позволь мнѣ предло-

жить себѣ о смущающей меня опасности. Я чувствую, со священнымъ возторгомъ вижу Божїе присутствїе во всемъ Его созданїи владычествующее; и ни какъ не могу требовать отъ чистѣйшаго Существа, что бы Оно и лицезрѣнїя своего оскверненную грѣхами удостоивало тварь; но размножившїеся человѣки, ставъ может быть развратнѣе, не будутъ ли и еще нещастнѣе, и намѣренїя Всесовершеннѣйшаго Существа не представятся ли имъ непонятнѣе и темнѣе? Ибо сколько я согрѣшилъ, не могутъ ли потомки мои больше согрѣшить? Когда меня уже не будетъ во свидѣтельство имъ Господней благостыни, хотя и малѣйшее несѣкомое станетъ имъ сїе доказывать, то не будетъ ли для нихъ слабъ сей гласъ природы, ежели Богъ продолжитъ сокрывать лице свое отъ человѣковъ? Увы! сїе помышленїе отягощаетъ меня!

Небесный Житель благоволилъ на слова мои дружественно отвѣтствовать: Отецъ человѣковъ! Сей, въ которомъ пребываетъ и живо все что только существуетъ во всей вселенной, сѣмени твоего не покинетъ; хотя и часто согрѣшенїя ихъ требуя мести

взыдутъ къ Нему, да пріиметъ Онъ громъ и на судилищѣ своемъ явится имъ, съ такимъ ужасомъ что повергшіеся во прахѣ грѣшники трепеща возопіютъ: Се есть Богъ! Но еще чаще сего станетъ Онъ являться имъ своимъ милосердіемъ. Ежели совратятся они со своего пути, то человѣколюбно паки поставитъ на него: ибо произведетъ между человѣками мудрыхъ, которые просвѣтятъ разумъ ихъ, извлекутъ изъ блата буйства и отпаденія, и паки обрѣтенными стезями истинны поведутъ. Часто станетъ онъ посылать къ нимъ пророковъ, да возвѣщаютъ имъ Всевышняго судъ или милость, событіе которыхъ еще отдаленность въ нѣдрѣ своемъ заключаетъ, дабы увѣрены были, что Вѣчная Премудрость непостигаемою связію судебъ управляетъ. Не рѣдко возглаголетъ Онъ къ нимъ чрезъ Ангеловъ своихъ, не рѣдко чудесами; и будутъ праведники, къ которомъ Онъ самъ со престола своего снизходити станетъ, доколѣ на послѣдокъ ко спасенію человѣковъ великое откроется таинство, и сѣмя жены поперетъ главу зміину.

Ангелъ умолкъ; благосклонный гласъ его ободрилъ меня еще сказать ему: О небесный другъ! ежели смѣетъ изгнанный тако имяновать тебя? Но возхотятъ ли Ангели ненавидѣть того, которымъ не гнушается Превѣчный, и надъ которымъ безпредѣльная Божія щедрота столь чудесно является, что небеса удивленія своего изрѣщи и заключенная во бреніе душа благодарности своея изъяснить не можетъ. Ахъ! соблаговоли мнѣ еще тебя вопросить: не позволено ли тебѣ открыть мнѣ таинствы, священнымъ покрытыя мракомъ? Что знаменуетъ сіе великое обѣщаніе? Сѣмя жены поперетъ главу зміину; и что значитъ проклятіе? Ты смертію умрешъ. Ангелъ отвѣщалъ: Что мнѣ позволено открыть, то открою тебѣ; и вѣдай, Адамъ, что когда ты согрѣшилъ; ... человѣкъ палъ, рѣкъ тогда со престола Божіи гласъ, и онъ умретъ. Мгновенно страшный мракъ окружилъ по томъ Всевышняго престолъ, и величественное, ужаса исполненное молчаніе простерлося по всему небу. Но не долго владычествовало сіе страшное молчаніе; разточившійся мракъ открылъ блистающіи престолъ; и ни когда еще Богъ съ толикимъ велелѣпіемъ Ангеламъ не

являлся, кромѣ того времяни, когда Онъ вышедъ изъ Святилища и не стройнымъ еще въ теченіи солнцу и звѣздамъ рѣкъ: будите! и когда зиждущіи гласъ проникъ неизмѣримое пространство. Тогда раздалися по всему небу глаголы Его устъ: Я не отвращаю лица своего отъ грѣшника, и земля будетъ свидѣтельствомъ безконечныя Моея благостыни. Сѣмя жены поперетъ главу зміину; адъ не возрадуется о своей побѣдѣ, и смерть лишится своея добычи. Торжествуйте небеса! возгласилъ Превѣчный; и ослѣпляющимъ блистаніемъ низложенъ бы сталъ тогда Архангелъ, естли бы престолъ вскорѣ въ умѣренное сіяніе не облекся. Во весь небесный день торжествовало тогда всевышнѣе царство великое таинство неисповѣдимыя благостыни. Но какими чудесами Богъ со грѣшникомъ примирится, сіе веліе таинство и отъ Архангеловъ сокрывается во мракѣ. То мы только вѣдаемъ, и тебѣ позволено также вѣдать, что смерть могущества своего лишилась; она разрѣшитъ душу, которую Господь и во бреніи не забываетъ, отъ узъ проклятія; и тѣло возвратитъ въ персть, чтобъ душа возне-

сенная въ небесное царство была безконечно блаженна, яко же и мы. А днесь внемли Адамъ, что речетъ тебѣ Господь: Я буду милостивъ къ тебѣ и ко племяни твоему; и въ засвидѣтельствованіе того, что Я великое тебѣ обѣщаніе не предамъ забвенію, сооруди жертвенникъ на семъ холмѣ, и каждый годъ по наступленіи того дня, въ который сотворилъ Я тебѣ сей обѣтъ, снидетъ пламя съ небеси и на жертвенникѣ твоемъ возгорится; тогда возложи на олтарь юнаго агнца, да огнь потребитъ его. Симъ открылъ я тебѣ таинство, вѣщалъ Ангелъ, сколько позволено сотворенному существу оное проникнуть. Еще соблаговолилъ мнѣ Всевышніи, прежде отшествія моего, васъ увѣдомить, что не одни вы здѣсь живете, и что на сей землѣ, хотя и преданной проклятію, обитаютъ съ вами чистые Духи, по повелѣнію Превѣчнаго пекущіеся о защитѣ и о пропитаніи вашемъ. По семъ приступивъ Ангелъ, коснулся очамъ нашимъ. Слабо человѣческое слово изобразить красоты велелѣпнаго зрѣлища! Мы увидѣли безчисленный сонмъ разсѣянныхъ по землѣ небесныхъ Отроковъ, несравненно прекраснѣйшихъ Евы, когда она

сотворенная руками Превѣчнаго пришла ко мнѣ и ко своимъ обьятїямъ прелѣстнымъ возбудила меня гласомъ. Единые изъ нихъ повелѣвали тонкимъ выходить изъ земли туманамъ, и въ выспрь на пернатыхъ крылїяхъ возносили ихъ, дабы они жемчужную росу и прохладный низливали на землю дождь; другїе покоилися при пѣнистыхъ водоемахъ, стараясь что бы източники ихъ не изсякли, и что бы произрастенїя чрезъ то влажныя своея не лишились пищи. Многїе разсѣяны были по лугамъ и пеклися о созрѣнїи плодовъ, или прозябающїе цвѣтки украшали цвѣтомъ огня, или вечернїя зари, или небесъ, и дышали на нихъ, что бы они приятный производили запахъ; множество различно упражненныхъ летали въ густотѣ рощей. Отъ прекрасныхъ крылъ ихъ легкїя происходили ветерки, которые иногда вѣяли шумя сквозь тѣни, или тихо надъ цвѣтками плавая, удалялися по томъ прохладиться на извивающїеся източники и журчащїе ключи. Иные почивая отъ трудовъ сидѣли подъ тѣнями, и раздѣлясь на лики, при гласѣ златыхъ арфъ воспѣвали Вышнему хвалы, въ неудобь слышимыхъ смертному уху пѣсняхъ. Многїе ходили

по здѣшнему холму, или сидѣли въ приятной тѣни нашей бесѣдки, и по часту съ небеснымъ дружелюбіемъ на насъ взирали. Но вскорѣ помрачилися паки очи наши, и возхитительное сіе зрѣлище изчезло.

Се суть Духи Хранители земные, рѣкъ тогда намъ Ангелъ. Многія красоты и чудеса природы не удобны суть ко вкушенію чувствамъ смертныхъ; но Создатель благоволитъ, что бъ всѣ красоты Его творенія мыслящія существы вкушали; а сіи отъ глазъ вашихъ сокрытыя чудеса составляютъ удовольствіе и удивленіе несчетнаго числа Духовъ. Повелѣно имъ такъ же спомоществовать природѣ въ скрытномъ ея трудѣ, устроевая разнообразныя дѣйствія по предписаннымъ ей изкони законамъ. Равномѣрно учреждены они Хранителями человѣковъ и наблюдателями ихъ дѣлъ, непримѣтно отъ нихъ грозящія имъ бѣдствія отвращая; они провождаютъ ихъ по стезѣ подобной лавиринѳу во всю ихъ жизнь, дабы изъ представляющагося зла благо для нихъ произходило; они суть мирные свидѣтели домашнихъ твоихъ утѣхъ, и самыя сокровеннѣйшія дѣянія твои сопровождаютъ, или одобрительнымъ

благоволенїемъ или негодованїемъ печальнымъ. Ими-то благословитъ Господь изобилїемъ края земные; ими произведетъ гладъ и бѣдство въ отпадшихъ отъ Него народахъ, когда соблаговолитъ ихъ путями казней обратить къ себѣ.

Тако дружелюбно бесѣдовалъ съ нами Ангелъ, и паки во свѣтлое облако возвратился. Мы пали на колѣни, и неизрѣченнымъ исполнены будучи возхищенїемъ о безконечной благости Превѣчнаго, воздали Ему благодарность.

Вскорѣ по томъ соорудилъ я жертвенникъ на вершинѣ холма; а Ева съ тѣхъ поръ тщилася сотворить во кругъ онаго подобїе рая. Обрѣтенныя на лугахъ и пригоркахъ цвѣтоносныя растѣнїя, пересаждала она окрестъ жертвенника, и орошала ихъ каждое утро и каждый вечеръ чистою водою изъ журчащаго ручейка, проведеннаго ею излучистымъ около цвѣтковъ токомъ. О вы, парящїе окрестъ меня, Ангели Хранители! вѣщала она тогда, докончайте труды рукъ моихъ; безъ вашей помощи старанїя мои будутъ безплодны! Возрастите сїи цвѣтки прекраснѣе нежели цвѣли они на природномъ своемъ ложѣ: ибо сїе

мѣсто Господу посвященно! Между тѣмъ насаждалъ я широкій кругъ древесъ, который днесь величественнымъ и мирнымъ осѣненіемъ жертвенникъ окружаетъ.

Въ таковыхъ упражненіяхъ протекло лѣто, и знойнаго освободило насъ жара. Уже и пестреющая осень приближалася къ концу; бурные начали дуть ветры, и горы хладными туманами какъ ризою покрылись. Скорбно взирали мы на унывающую природу, и не вѣдали, что изтощенной благодѣяніями землѣ, надлежало опочить успокоеніемъ зимнимъ; ибо прежде проклятія, и цвѣтоносная вѣсна и лѣто и осень были всегда нераздѣльны, всегда веселы и единообразны. Между тѣмъ сѣтованіе природы паче и паче умножалось; увядшіе цвѣтки спадали, и только малая изъ нихъ часть цвѣли еще изрѣдка возлѣ жертвенника и на поляхъ, печально близкаго истлѣнія своего ожидая; вскорѣ порывистые вихри похитили съ деревъ поблекшіе ихъ листья, сорвали съ вѣтвей плоды, съ ревомъ и дождемъ промчалися по тощимъ лугамъ, и унылыя верхи горъ снѣгомъ покрыли. Въ боязненномъ ожида-

нїи смотрѣли мы на сїе запустенїе, первымЪ дѣйствїемЪ произнесеннаго на землю проклятїя оное почитая. Неужели природа лишится и послѣднихЪ оставленныхЪ ей красотЪ? ВЪ разсужденїи рая земля была скудна оными, однакожЪ довольно еще имѣла она богатствЪ кЪ успокоенїю и кЪ забавамЪ вЪ жизни нашей; но ежели проклятїе столь пагубно опустошитЪ землю, то сколько горестна, сколь бѣдна будетЪ жизнь наша! ТакЪ мы разсуждали, и ободряли по томЪ другЪ друга изгонять изЪ сердецЪ нашихЪ всякїй неудовольствїя помыслЪ, и возлагать упованїе со глубочайшимЪ благоговѣнїемЪ на Господа. ВЪ теченїе сего времяни старалися мы запастись плодами, и высушили оные помощїю огня, отЪ повреждения и согнитїя предохраняя; по томЪ укрылЪ я тщательно сѣнь свою, дабы она отЪ ветровЪ и дождей насЪ защищала. Между тѣмЪ малое наше стадо ходя печально по холму, пожинало вЪ запустенїи оставшуюся зелень. Часто ходилЪ я самЪ на луга и на пригорки собирать имЪ запасный кормЪ. Медлѣнно и скучно протекали вьюгами и дождями обуреваемые дни; но вскорѣ животворящее солнце паки явилось и прогнало темныя тучи, лег-

кія ветерки развѣяли густые съ горъ туманы, паки обновленная природа веселый явила видъ, пріятная зелень одела землю, пестрое смѣшеніе цвѣтковъ, радующихся возвратившемуся солнцу, луга покрыло, древа и кустарники разнообразнымъ процвѣли украшеніемъ, и во всей природѣ владычествовало одушевленіе и радость. Тако благорастворенное утро года, цвѣтоносная вѣсна возвратилася на землю. Кругъ молодыхъ деревъ, коими осѣнилъ я жертвенникъ, большею противу другихъ опушился зеленью, и Ева съ радостнымъ удивленіемъ узрѣла, что каждый цвѣтокъ, посажденный ею въ освященномъ мѣстѣ, паки разцвѣлъ или нѣжную изпустилъ отрасль. Тщетно покусился бы я, о мои любезныя дѣти! изобразить вамъ тогдашнюю нашу радость. Неизрѣченнымъ возхищеніемъ исполнены пошли мы къ жертвеннику; солнце лучезарнѣйшимъ сіяніемъ освѣщало сіе святое мѣсто; каждая тварь казалася приносящею тамо похвалою своею Господу жертву; окрестные цвѣтки наполняли воздухъ пріятнѣйшимъ благовоніемъ, и различными разцвѣтаніями украшенныя древа благоуханіе свое на жертвенникъ проливали. Крылатые жители злаковъ

изъявляли радость свою жужжанїемъ, а птицы на древахъ пѣнїемъ безпрерывнымъ. Мы пали на колѣни; радостныя слезы полилися изъ очей нашихъ, мѣшаяся на цвѣткахъ съ утреннею росою, и усердная молитва наша вознеслась къ Создателю природы, къ сему милосердому Богу, Который изъ самаго очевиднаго зла только совершеннѣйшее производитъ благо.

Тогда началъ я воздѣлывать малую ниву на холмѣ, и собранныя въ прошедшую осень сѣмяна плодовитой повѣрять землѣ, или пересаждать на холмъ плодоносныя растѣнїя, кои находилъ я разсѣянныя въ дальныхъ окрестностяхъ сей страны; и часто сама природа, или случай, или мое размышленїе открывали мнѣ способы и выдумки къ облегченїю моей работы. Однакожъ часто я ошибался, упущая способное для земледѣлїя и насажденїя время и мѣсто; часто также и выдумки мои тщетны были къ изобрѣтенїю облегченїя въ моемъ трудѣ; но еще бы чаще ошибался я, чаще бы изобрѣтенїя мои оставались тщетны, ежели бы Ангели Хранители не влагали того въ мой разумъ.

Единожды весьма рано смотрѣлъ я изъ сѣни своей на жертвенникъ, и увидѣлъ что низпосланный отъ Господа огнь свѣтло при изчезающемъ сумракѣ пылалъ на поверхности олтаря, и утреннѣе солнце поднимающїйся отъ онаго столпъ дыма озлащало. Ева! возопилъ я, днесь наступилъ торжественный день великаго обѣтованїя. Зри! пламень отъ Господа на жертвенникъ нашъ низпосланъ; пойдемъ туда немедлѣнно; посвятимъ день сей Богу, и всякое другое дѣло оставимъ; ты иди и нарви благовоннѣйшихъ цвѣтковъ на украшенїе жертвы, а я пойду заклать юнѣйшаго изъ нашихъ агнцовъ. По томъ вышелъ я изъ сѣни и заклалъ прекраснѣйшаго агнца. Се первая живущая тварь преданная мною смерти. О жалостное позорище! возтрепеталъ я отъ ужаса и рука моя онѣмела бы, ежели бы къ сему священному убїйству повелѣнїе Всевышняго меня не ободрило. Съ какимъ стономъ сїе невинное животное въ трепещущихъ рукахъ моихъ билось, и съ какими страшными движенїями за изтекающую жизнь свою лишаясь силъ боролось; на послѣдокъ повереглося предо мною бездыханно! При семъ видѣнїи страшныя предчувствїя овладѣли моею

душею; но я преодолѣвъ оныя возложилъ жертву на олтарь, а Ева пришедъ осыпала ее благовонными цвѣтками. Со священнымъ благоговѣнїемъ пали мы предъ жертвенникомъ на колѣни; и тогда хвала и благодаренїе наше возпылали ко Господу, милосердо воспомянувшему намъ торжественное свое обѣщанїе. Священное молчанїе царствовало окрестъ насъ, подобно тому, какъ празднуетъ земля Божїе присутствїе; и смертному нашему уху слышалося тогда, аки бы окружающїе насъ Ангели свои пѣснопѣнїя къ нашей молитвѣ присоединяли. Вскорѣ пламень потребивъ жертву погасъ на олтарѣ, и небесное благоуханїе исполнило всю страну.

Мало спустя времяни по семъ торжественномъ днѣ завѣта, возвращался я при закатѣ солнца на холмъ опочить отъ трудовъ во объятїяхъ моей любезной; но втунѣ искавъ ея въ хижинѣ нашей и подъ тѣнїю бесѣдки, обрѣлъ на конецъ сидящу при източникѣ силъ лишенную, и тебя, мой первенецъ, лежащаго на ея персяхъ. Болѣзни дѣторожденїя постигли ее при семъ потокѣ во время обыкновенныхъ ея трудовъ. Радостными слезами она орошала тебя, и

взглянувъ по томъ на меня съ нѣжною улыбкою: Радуйся, отецъ человѣковъ! рѣкла мнѣ, Господь меня облегчилъ въ моихъ болѣзняхъ, и се рожденный мною сынъ. Благословя его увидѣвшаго свѣтъ, нарѣкла я Каиномъ его. О мой первенецъ! Господь милостиво призиралъ на часъ рожденія твоего; да въ похвалу ему всѣ дни жизни твоей будутъ посвященны. Сколь слабъ, сколь неключимъ рожденный отъ жены! Но возрастай какъ юный цвѣтокъ растетъ вѣсною; да будетъ жизнь твоя приятнымъ Господу благоуханіемъ! И я пролилъ тогда радостныя слезы, бережно взялъ тебя на руки и рѣкъ: Радуйся, матерь человѣковъ! да препрославленъ будетъ Господь, болѣзни твои облегчивый! А ты, о Каинъ! первый изъ человѣковъ съ болѣзнію отъ жены рожденный, о ты начинающіи жить для смерти, радуйся на землѣ! Призри о Боже! милостиво съ высоты небесъ на слабую тварь Свою, и излей щедрое благословеніе на его разцвѣтающую жизнь! Съ какимъ возхищеніемъ буду я вкоренять въ юный его разумъ чудеса Твоея благостыни! Рано и поздно стану я приучати отроческіе уста его славословить Тебя, Господи. Тако, о матерь человѣковъ! тако безчисленные роды

процвѣтутъ тебя окружая! Тако нѣкая мирѳа стояла прежде уединенна, но нѣжные отрасли вышли отъ матерняго его стебля; и сколь часто вѣсна украшала ея новыми листами, толикожъ разъ одаль младыхъ ея лѣторослей новые отпрыски выступали; и днесь одна сїя мирѳа разширясь составляетъ малую благовонную рощу. Подобно сему, возлюбленная моя! (и сїе воображенїе не облегчаетъ ли твои болѣзни?) подобно сему размножатся во кругъ холма сего чада наши. Съ вершины его увидимъ мы разсѣянныя по равнинѣ спокойныя ихъ жилищи; и ежели преждеврямянная смерть не похититъ насъ отъ нихъ, то увидимъ ихъ, подобно трудолюбивымъ пчеламъ, соединенными силами собирающихъ въ сѣни свои пищу, выгодности и всѣ приятности сей жизни. По часту будемъ мы ходить съ сей высоты въ ихъ жилищи и въ плодоносныя ихъ осѣненїя посѣщать внуковъ нашихъ, станемъ повѣствовать имъ о чудесахъ Господнихъ, поучать добродѣтели и благочестїю, сорадоваться имъ въ радостяхъ, и утѣшать въ ихъ печаляхъ. Тогда съ верху нашего жилища увидимъ мы тысящу домашнихъ курящихся олтарей, и дымъ жер-

твенный облечетъ нашъ холмъ священными облаками, сквозь кои теплыя наши молитвы за человѣческій родъ ко Господу возходити будутъ; и когда настанетъ торжественный день завѣта, и снидетъ небесный на первый и святѣйшій жертвенникъ пламень, тогда соберутся они на холмъ, и мы выйдя изъ среды ихъ принесемъ жертву, а они преклоня колѣни обширный учинятъ около насъ кругъ. Тако, о Каинъ! вѣщалъ я въ сладостномъ моемъ возхищеніи, и съ нѣжною радостію цѣловалъ твои ланиты. Тогда родительница твоя паки приняла тебя на слабыя свои руки, и я помогши ей со цвѣтковъ встать препроводилъ изнеможенную въ ближайшую сѣнь. Вскорѣ бодрость и сила подкрѣпили малые твои члѣны, и веселіе и смѣхи явилися на очахъ твоихъ и ланитахъ. Уже могли нѣжныя твои ноги ходить по цвѣткамъ, уже начинали юныя твои уста произносить дѣтскія рѣченія, когда Ева произвела на свѣтъ возлюбленную твою Мегалу. Обрадованъ прыгалъ ты тогда около новорожденной, цѣловалъ ее и осыпалъ свѣжими цвѣтками. По семъ родила Ева тебя Авель, а напослѣдокъ и Ѳирсію, любезную твою. О какими восторгами напояла насъ радость!

когда смотрѣли мы на младенческія ваши игры и невинныя забавы, и когда юный вашъ разумъ искушая раждающіяся силы, мало по малу достигалъ своей зрѣлости. Внимательное наше попеченіе тщилося тогда всѣ склонности ваши предостеречь отъ поврежденія, дабы процвѣтали они яко душистый кустъ цвѣтковъ вѣсеннихъ, и соединенны благовоніе добродѣтели изпущали: ибо тогда еще какъ младенчествуя играли вы на лонѣ моемъ, понялъ я, что рожденный во грѣхѣ человѣкъ такуюже имѣетъ нужду въ удобреніи, какъ и проклятая Богомъ земля; и едиными токмо прилежными попеченіями производятся дарованія и благородныя склонности въ человѣкахъ. И се пришли уже вы въ совершенный возрастъ, и какъ юныя поросли плодоносными стали древами. Прославленъ буди Господь, удививый на всѣхъ насъ толь многія чудеса Своея милости! Не изтребляйте ни когда, любезныя дѣти! изъ сердецъ вашихъ нѣжной другъ ко другу любви и чистой добродѣтели; и благодать и благословеніе небесъ водворятся на всегда въ жилищахъ вашихъ.

Адамъ умолкъ. Какъ нѣжный юноша при возлюбленной своей сидящїй, на зарѣ утра внимаетъ пѣнїе соловья; все молчитъ тогда; сладкая пѣснь его согласуяся съ ихъ чувствованїями извлекаетъ изъ очей ихъ слезы; но вдругъ пѣнїе прерывается, и они долго еще простирая взоры къ вершинѣ древа, гдѣ воспѣвала птица, тихо слушаютъ; но тщетно, уже не поетъ она, и только разногласное пѣнїе другихъ птицъ слышно. Тако жена и дѣти Адамовы приклоня слухъ еще внимающими его казались. Всѣ приключенїя повѣствуемыя имъ сочувствовали они ему; иногда ланиты ихъ покрывалися блѣдностїю и слезами, иногда отрадою и веселїемъ. По томъ всѣ возставъ воздали благодаренїе отцу человѣковъ; и Каинъ благодарилъ, но будучи твердъ душею не плакалъ и не смѣялся.

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ.

Пѣснь Третїя.

Днесь вышли они изъ сѣни; Авель нѣжно обнялъ брата своего, и по томъ освѣщаемые луною пошли, каждая чета въ свое жилище. Авель целуя супругу свою рѣкъ: Какая радость напоетъ душу мою! Братъ мой ... ахъ! братъ мой не гнѣвается болѣ, и хочетъ меня любить! О какъ возхищали меня пролившїяся сего дни по ланитамъ его слезы! Нѣтъ, роса не оживотворяетъ толико вѣсну, колико сїи слезы меня оживотворили. Ярящаяся въ душѣ его буря утишилась, и спокойствїе и радость паки возвратились къ намъ. О Ты, съ несказаннымъ милосердїемъ первосозданныхъ соблюдавшїй, когда уединенны великую обитали они землю, ахъ! повели неспокойствїю, да ни когда не возмутитъ оно его душу!

Ѳирсїя обняла его, и радостное возхищенїе одушевило слова ея: Тихїи дождь

не прохлаждаетъ такъ опаленную зноемъ паству, вѣщала она; возвратившаяся весна по первой суровой зимѣ, не столь много возхитила уединенно на землѣ обитавшихъ, ахъ! колико меня возхитили сіи слезы и брата нашего возвратившаяся любовь! О благословенный часъ! юность и свѣтлое веселіе возвратилися на лицы родителей нашихъ, радованіе и возторгъ каждаго напояетъ грудь. Ахъ! мнѣ зрится прекраснѣе естество, и блѣскъ твой яснѣе, о ты тихо грядущая луна!... Тако изъ устъ ея гласила радость.

Между тѣмъ и Каинъ съ Мегалою шелъ въ сѣнь свою; она нѣжно взирая на него, принесла руку его къ устамъ своимъ и рѣкла: Любезный мой! доколѣ равнодушію пребывать на челѣ твоемъ? Не уже ли возвратившееся спокойствіе въ сердце твое, не можетъ пролить веселія въ твои очи и вложить смѣхи въ твои уста? Хотя и всегда мужественный разумъ твой всякую умѣрялъ радость и скрывалъ ее во глубинѣ сердца; но, возлюбленный! какъ тогда изъявлялось веселіе и возторгъ на ланитахъ каждаго, какъ оно лилось изъ каждаго ока, когда ты дружественно лобзалъ своего брата!

Тогда Превѣчный благословлялъ тебя со престола Своего, и летающіе во кругъ насъ Ангели радостныя проливали слезы. Позволь, о мой любезный! нѣжной любви моей, позволь возкипѣвшей радости моей обнять тебя! Тако вѣщая, съ горячностію прижимала его ко груди своей.

Каинъ обнялъ ее и рѣкъ: Избыточная радость ваша оскорбляетъ меня; да, она оскорбляетъ меня! Не то ли, какъ бы въ слухъ вѣщаетъ она мнѣ: Каинъ днесь исправился, а прежде былъ онъ строптивый, порочный мужъ, братоненавидѣцъ. Такъ пороченъ не былъ я, и .... смѣшонъ! Ненавидѣлъ ли я брата своего, ежели не гонялся за нимъ со слезами и съ обълятіями моими? Нѣтъ, никогда ненавистенъ не былъ мнѣ братъ мой, никогда; но его мягкосердечное, женоподобное сложеніе, всякую похищало у меня къ нему склонность; и оно... оно оскорбляло меня! Но... Мегала! не тщетно размышленія чело мое помрачаютъ. Отецъ нашъ всегда неблагоразумно поступалъ, предавая намъ постыдную своего грѣхопаденія повѣсть, и всѣ злотворныя послѣдствія его. На что вѣдать, намъ и частыя повторенія внимати, что его и Евиною виною потеряли

мы рай, и ихъ виною днесь несчастны суть? Не вѣдая сего, бѣдствіе наше терпѣливѣе бы мы сносили, и не скорбѣли бы о утратѣ, которая бы тогда въ невѣденіи отъ насъ пребывала. Мегала удержала горкія слезы, и взирая на супруга своего, какъ бы испрашивая позволѣнія отвѣтствовать, нѣжнымъ произношеніемъ ему рѣкла: Ахъ! не гнѣвайся, любезный мой! что не могу я удержать слезъ моихъ! не гнѣвайся, естли осмѣливаюсь тебя просить! Увы! не совокупляй прогнанныя унынія тучи паки надъ главою своею; просвѣти свою душу, и не примѣчай тамо только бѣдствія и скорби, гдѣ безконечную благостыню и человѣколюбіе видѣть ты долженствуетъ. Не упрекай любезныхъ родителей повѣствующихъ намъ чудеса, которыя Богъ надъ падшими показалъ, что бы посѣять въ душахъ нашихъ благоговѣйную благодарность и твердое упованіе на Него. Увы! не упрекай ихъ! ихъ которыхъ каждая безпокойствія слеза, каждое бѣдствія чувство въ нашихъ движеніяхъ зримое, неизреченною горестію терзаетъ. Преодолей, о возлюбленный! преодолей возбуждающееся паки негодованіе, чтобъ никогда оно въ сердце твое

не возвратилось, и чтобъ скорбнымъ мракомъ и твои и наши не объяло дни! Умолкла, и заплаканными очами нѣжно взирала на него. Тогда въ грозномъ Каиновомъ видѣ дружеская явилася усмѣшка. Я преодолю его, преодолю возбуждающееся негодованіе; обними меня, любезная! ни когда уже не покроетъ оно скорбнымъ мракомъ твои дни и мои. Тако рѣкъ ея обнимая.

Уже давно Анамелехъ, (тако нарицаетъ его адъ) соглядалъ Каиновы поступки; хотя и былъ онъ низшаго степени духовъ, но въ гордынѣ и любочестіи не умѣреннѣе былъ сатаны. Часто гнушаяся клевретами своими, удалялся онъ отъ нихъ въ уединенную страну ада, гдѣ по разкаленному полу сѣрные ключи извивалися между зловоннокурящимися горами, которыя мрачные верхи свои ко своду адскому возноси, сгущенныя бурныя тучи сокрывали: ужасный отсвѣтъ позади горъ взвивающагося и съ тучами спирающагося пламяни, разстилалъ смурый сумракъ на черную тьму его пути. Тогда, какъ адъ кичливымъ шумомъ возклицалъ побѣду и хвалы царю своему, изъ новаго творенія возвратившемуся и гордо со пре-

стола своего повѣствовавшему, какъ обольстилъ онъ новосозданныхъ и принудилъ Владыку небесъ новому творенію рукъ Своихъ произнести проклятіе и смерть; тогда возкипѣлъ черный ядъ зависти въ груди его. Подобаетъ ли сатанѣ токмо и во кругъ его престола надменно сидящимъ, славу стяжать и честь? и мнѣ ли между презрительною толпою не уважаему во тьмѣ ада пресмыкаться? Нѣтъ, я изобрѣту такіе подвиги, коимъ удивится адъ; и тогда... тогда самъ сатана, яко подлѣйшій въ адѣ, со трепетомъ имя мое наречетъ! Тако размышлялъ Анамелехъ, и въ уединеніи злокознествовалъ запустеніе вселенной и бѣдство и сѣтованіе человѣкамъ. И удалось ему, что самъ адъ съ отвращеніемъ имя его нарицалъ. Онъ бо, который по томъ злочестиваго онаго наустилъ царя, Виѳліемскихъ незлобивыхъ побить младенцевъ; осклабляяся взиралъ онъ, какъ вочеловѣчившіеся діяволы звѣрствовали надъ ними, раздробляя ихъ объ обагренныя кровію стѣны, или обоюду острымъ мѣчемъ въ объятіяхъ вопіющихъ матерей разсѣкая. Тогда взлетѣвъ на высокія бойницы града, внималъ онъ возхищенъ вопль умирающихъ чадъ и рыданіе без-

утѣшныхъ матерей; съ адскою глядѣлъ радостію, какъ юные трупы растерзанные и глубокими изъявленные ранами лежали разметанны по стогнамъ, и подъ кровавыми пятами бѣгающихъ по нихъ убійцъ скрежетали; и какъ ихъ матери и отцы, и братья и сестры, болѣзненно рыдая, въ невинной плавали крови.

Я взойду, по томъ вѣщалъ онъ, взойду на землю, и испытую что то есть, Ты умрешъ; взойду и умерщвлю. И се стремится онъ изъ вратъ ада, по проложенному сатаною пути, чрезъ вѣтхую Нощь и чрезъ возмущенное царствіе Хаоса. Тако вооруженный корабль, которымъ по пространному морю разбойникъ управляетъ, плыветъ расширенными ветрилами съ нощи носимый; по томъ пристаетъ онъ къ счастливымъ берегамъ, гдѣ на спокойныхъ обитателей нѣкоего села подкравшіеся нападаютъ грабители, и цвѣтущее онаго юношество плѣняютъ; тогда родители, и сестры, и безутѣшныя невѣсты рыдая на брегѣ, со стономъ вопіютъ удаляющемуся во слѣдъ хищнику. Быстро, но долго однако же заблуждаетъ онъ во тьмѣ незданнаго

царствія Нощи, доколѣ на предѣлахъ міра не освѣтили его отдаленнѣйшіе солнцы. Яко душегубецъ, нощнаго ради смертоубійства темнымъ вечеромъ идущіи въ царственный градъ, который въ долинѣ безчисленными озаренъ свѣтильниками предлежитъ ему, робко вкрадывается въ оный, и каждыя озаряющія его удаляется свѣщи; тако боязливо прокрадывался отверженный чрезъ міроздание на землю. Не долго носился онъ надъ нею, для сбрѣтенія мѣста обители человѣческой: острый, проницающіи его взоръ скоро оное нашелъ; и онъ низринулся съ высоты воздуха въ тѣнистую рощу. Се земля, вѣщалъ, которой Оный проклятіе изрѣкъ; съ горнія высоты зрѣлъ я подъ собою рай пламенными мѣчами стрегомый; прекрасенъ онъ, и небеснымъ полямъ подобенъ: его то потеряли они! Однако и земля сія не есть же адъ! Можетъ быть раболѣпною молитвою стужающіе, они умѣрили гнѣвъ Его; можетъ быть грубое тѣло ихъ предано такимъ мукамъ и страданіямъ, которыя на тѣлахъ чистыхъ еѳирныхъ духовъ дѣйствія производить не могутъ; и по тому здѣсь могъ бы я благополученъ быть, ежели бы адъ не во всѣ мѣста слѣдовалъ за мною. Но я

вижу здѣсь странствующихъ Ангеловъ; мнѣ должно убѣгать ихъ соглядатайства, чтобы не возпрепятствовали они мнѣ въ предприятіяхъ моихъ. Тамо упражненныхъ на холмѣ вижу я падшихъ; но не зрятся бѣдствующи они: можетъ быть бѣдствія ихъ начнутся вдругъ по смерти .... извѣдаю сіе, и убію. Но мало того; я на такое наущу ихъ дѣло .... ибо сердце ихъ по видимому ко всякому отверзто обольщенію; и ежели удалось сіе сатанѣ посредствомъ легкаго обмана, когда еще были они совершенны, то сколь способнѣе достигну я къ тому теперь, когда они болѣе не совершенны суть и прокляты! .... На такое наущу дѣло, что съ ужасомъ полетятъ Ангели отъ земли, и Оный, сотворивый ихъ, раздробитъ громомъ своимъ, или низринетъ ихъ во глубину ада; и тогда съ черныхъ береговъ взирая, громогласно посмѣемся мы, какъ во пламенныхъ волнахъ тартара плавать будутъ сіи лѣпообразные обитатели новаго міра! Тамо стоитъ одинъ на нивѣ мрачною задумчивостію отягченъ; ежели бы могъ я чертамъ лица его вѣрить, то великія бы произвелъ чрезъ него дѣла. Пойду къ нему и каждую склонность его, каждую мысль

его изпытую. Рѣкъ, и не видимъ скитался между человѣками, злохитро обманъ и смертоубійство умышляя.

И днесь леталъ отверженный близь Каина и супруги его, разговоры ихъ внимая. Едва вступили они въ сѣнь свою, остановился онъ и съ издѣвающеюся усмѣшкою возопилъ: Не совокупляй прогнанныя унынія тучи паки надъ главою своею; преодолей возбуждающееся негодованіе .... Бѣдный противоборецъ! благо ни когда не прозябетъ на упрямой землѣ твоей; я всегда изторгать его стану. А прогнанныя унынія тучи ... га! мрачнѣе и гуще соберу я ихъ надъ главою твоею, какъ вѣчнотемную, вѣршины адскихъ горъ покрывающую мглу. Легкій трудъ! ты самъ совокупляешъ ихъ, а мнѣ только помогать остается. О сладкое упражненіе! я помогу тебѣ собрать ихъ въ помышленія твои: тогда сѣтованіе и бѣдство, новое, неизвѣстное еще смертнымъ бѣдство, извергнется отъ сихъ тучъ въ среду человѣковъ; и тогда обуреваемыя дни ваши обниметъ тьма, черна яко нощь которая, ни когда не просвѣщаяся, въ адѣ пребываетъ.

И се приятная взошла денница, и все сладкихъ пѣсней и веселія исполнилось. Каинъ собравъ свои орудія намѣревался итти на ниву; уже Авель нѣжно поздравилъ его, и хотѣлъ стадо свое на орошенную гнать паству; и Мегала и Ѳирсія готовилися итти въ вертоградъ, по средѣ котораго сооруженъ былъ олтарь, какъ Ева съ горестными изъ сѣни своей движеніями вышла. Печальнымъ пораженны страхомъ оступили всѣ плачущую: Ахъ матерь!.... ты плачешъ? ахъ! о чемъ плачешъ ты? Тако вопрошали они. Ева обратя на нихъ полныя слезъ очи рыдающая рекла. Увы, любезныя дѣти! или не слышали вы болѣзненныхъ воздыханій отъ сѣни нашей исходящихъ? Жестокіе недуги напали въ нощь сію на вашего отца; и днесь берется онъ съ болѣзнію, всѣ кости его снѣдающею, со всякимъ борется вздохомъ изъ тяжкодышущей груди его излетающимъ, и удерживая стѣнанія силится меня утѣшать. О чада! тяжкіе, мрачные страхи душу мою возмущаютъ, и стѣсненное сердце мое всякому днесь утѣшенію загражденно. Часто, когда успокояся не вздыхаетъ онъ, то въ важныя погружается размышленія;

горестно по томъ вращается на ложѣ своемъ, холодный потъ течетъ съ чела его, и удерживаемыя слезы сугубо льются изъ очей. О предчувствіе, страшное предчувствіе!... ты какъ тяжкая гора смятенную угнетаешъ мою душу! Поддержите меня, дѣти! поддержите несчастную, и поведите въ сѣнь нашу. По семъ слезящая пала она на рамена Мегалы, и печальнымъ препровожденіемъ дѣтей своихъ послѣдуемая, вошла въ сѣнь.

Горестны стали они во кругъ отеческаго ложа. Тогда спокойнѣе онъ лежалъ; и лице его и всѣ движенія возвѣщали, колико душа его въ обуреваніи терзающей болѣзни владычествовала не преодолима. Съ нѣжною улыбкою возрѣлъ онъ на скорбящихъ, и рѣкъ: О любезнѣйшія мои! дѣсница Господня низпослала на прахъ мой недуги, да свирѣпствуютъ они во утробѣ моей. Хвала Господу, все премудро управляющему! Ежелижъ повелѣлъ Онъ недугамъ, да разрѣша они узелъ, душу мою ко плоти сей привязующій, возвратятъ прахъ землѣ, тогда съ подобающимъ обоженіемъ буду я, страшнаго ожидая часа, хвалить Владыку живота и смерти, до-

колѣ не разпадется прахъ; и тогда разрѣшенная отъ тѣла проклятіемъ обремененнаго душа, достойно возхвалитъ Его. Да, Всемогущій! Ты позволяешъ толь горделиво помышлять душѣ смертнаго. Праведно, чтобъ я первый возвратилъ прахъ землѣ; но о Всесильный! буди поборникъ мнѣ! благоволи, да твердое упованіе свѣтозарно водворится въ душѣ моей! не остави, о! не остави меня, когда хладный часъ смерти пріидетъ ко мнѣ, и послѣднія содраганія возтрепещутъ въ костяхъ моихъ! Не смущайте меня, Ева, и вы любезныя чада! не утѣшнымъ стѣнаніемъ вашимъ. О!... въ какой безмолвной горести погруженныя стоите вы! Любезнѣйшія!... ахъ! не смущайте меня стѣнаніемъ безутѣшнымъ! Можетъ быть сіи страданія суть первые предтѣчи смерти, которую медлѣнно удаленный еще предводитъ часъ; и можетъ быть Господь изцѣлитъ отъ недуговъ кости мои. Но предуготовте сердца ваши, чтобъ горесть ихъ не побѣдила, когда Онъ душу мою возметъ изъ бренія, отъ сей земли, отъ васъ возметъ меня.... При семъ прослезился болящіи отецъ, и смиренно взиралъ на свое семейство; полный слезъ взоръ его на каждаго устремлялся, но

долговремяннѣе и прискорбнѣе остановился обращенъ на Еву. По томъ продолжалъ онъ: Хотя, ахъ! видѣніе первыя смерти и ужасно будетъ, хотя и поколеблетъ оно внутренность вашу; но ужаснѣе будетъ смерть перваго. Да помилуетъ васъ Господь, Онъ, Который ни когда не оставлялъ насъ въ бѣдствіи, Который въ страшный не оставитъ и меня часъ! Днесь выдте, любезныя дѣти! идите и молитеся; можетъ быть сладкіи покой ободритъ утомленные мои члѣны.

Отецъ человѣковъ умолкъ; и слезящія чада преклонилися облобызать томную его дѣсницу. Увы, родитель нашъ! тако вѣщали, мы пойдемъ, преклонимъ колѣни и помолимся о тебѣ; да облегчительное успокоеніе прострется сладко по твоимъ члѣнамъ; и, ахъ! да столько внушитъ Господь молитву нашу, что бы прежде возбужденія твоего, повелѣлъ Онъ удалиться недугамъ отъ члѣновъ твоихъ!

Тихо воздыхая отступили дѣти отъ ложа его и вышли изъ сѣни; токмо Ева осталась въ ней. Теперь хочу я предаться сну, сказалъ Адамъ; но не

плачь, о дражайшая моя супруга! или мое возбужденное страданіе прогонитъ приходящіи сонъ. По семъ скрылъ онъ лице свое въ облекающую его кожу, и тщательно воздерживался утаить отъ жены своей лютую горесть, утопленную душу его терзающую. Ты ли се, тако размышлялъ онъ въ себѣ, ты ли престрашный часъ? Такъ, ето ты, и сколь лютообразно носишся ты надомною! О Боже! Боже! не остави меня грѣшнаго! Но колико ни ужасенъ ты, о смертный часъ! хотя бы наипаче былъ ужаснѣе, однакожъ бы утѣшался я, ежели бы могъ умереть за всѣхъ, за всѣхъ прейти въ персть одинъ! но и они послѣдуютъ мнѣ; надъ всякимъ женою рожденнымъ разпрострешъ ты нѣкогда свои ужасы, свои трепета преисполненныя тьмы: ибо что иное можетъ изъ нѣдръ моихъ произойти, какъ не грѣшникъ смертный? Что ни получитъ отъ меня жизнь, должно умереть! Увы! отъ васъ смертію удалиться, отъ васъ которые днесь окружая меня рыдали, удалиться отъ любезнѣйшихъ, которые жизнь мою тысящею сладчайшихъ украшали радостей. Ева, о дражайшая супруга! колико будешъ ты лежащая на

гробѣ моемъ рыдать! Такъ, о страшное, трепетное видѣніе! не содрогнется ли тогда почивающій прахъ мой, когда осиротѣвшія чада оплакивать будутъ успшихъ родителей, безпомощные родители утѣху старости своей единороднаго сына, братія сестру; когда нѣжная супруга возрыдаетъ на трупѣ мужа, и на трупѣ отрока возплачется невѣста? О! не кляните меня, дѣти! не кляните почіющій прахъ мой! Достойно есть приближающаяся смерть трепетомъ и страхомъ вооруженна; достойно ощущаемъ мы все бремя проклятія въ послѣдніи часъ, въ часъ, который изъ сей грѣховной извлекаетъ насъ жизни, хотя онъ разлучая смятенный прахъ съ душею и уничтожаетъ проклятіе и блаженною учиняетъ душу, ежели она при всей слабости своей всякое преодолѣвала несовершенство и къ добродѣтели устремлялась. Увы! не кляните, о чада! прахъ мой; жизнь бо сія не есть жизнь, но прерывное сновидѣніе, только разпущающійся къ жизни шипокъ. Разсыптеся, о горы, подавляющія мою душу! умру я, да ... тогда прейду изъ смерти въ жизнь, и буду ожидать ихъ тамо какъ чадолюбивый отецъ, который во свѣтозарное

вѣсеннѣе утро первый возставъ отъ сна ожидаетъ, при восходящемъ солнцѣ, возбужденія любезнѣйшихъ своихъ и пришествія ихъ въ объятія его. Тако размышлялъ Адамъ; и сладкій по томъ нашелъ на него сонъ, съ облегченіемъ и покоемъ.

Между тѣмъ сидящая подлѣ него Ева воздѣвъ руки плакала, и дабы не разбудить спящаго, тихо вѣщала: Увы! что я чувствую! Меня, бѣдоносное слѣдствіе грѣха, о проклятіе! меня угнѣтай сугубымъ бременемъ своимъ, пролѣй страданія сугубо на меня! Какія болѣзни, какое бѣдствіе ни претерпѣваете вы, то все отъ одной меня произходитъ; и ахъ! всякая болѣзнь, всякое чувствуемое вами бѣдство, меня усугубленнымъ страданіемъ угрызаетъ: ибо я первая согрѣшила! Ежели ты умрешъ ... о какъ содрагаюсь я! какой хладной объемлетъ меня страхъ! смертный страхъ неужели ужаснѣе быть можетъ? ... Ежели ты за вину мою умрешъ, Адамъ! увы! тогда какъ послѣдній, смертный трепетъ овладѣетъ тобою; не взирай съ гнѣвнымъ презрѣніемъ на меня; не клянште меня,

дѣти, не клянитѣ меня бѣдную тогда! Хотя и ни малаго мнѣ упреканія изъ устъ вашихъ не изторглось; но ахъ! не всякій ли вашъ вздохъ, не всякая ли слеза ваша есть мнѣ мучительнымъ упреканіемъ? О Всемогущій! внемли, ахъ! внемли слезную молитву мою, прекрати недуги его; или когда они предтѣчи смерти суть, и тѣло его долженствуетъ возвратитися землѣ, страшное помышленіе! то не разлучи меня съ супругомъ; благоволи и мнѣ умереть съ нимъ, пріими прежде мою душу, да не вижу смерти его: я бо первая согрѣшила. Умолкла и безутѣшно рыдала подлѣ спящаго.

У идущаго на ниву Каина обсохли на ланитахъ слезы; и онъ тако рѣкъ: Прослезился я при ложѣ родителя; его воздыханія и слова поразили мою душу. Однако же.... не умретъ онъ, того я уповаю. О Боже! не предай смерти любезнѣйшаго отца! Да, прослезился я; не рыдалъ я однакоже какъ братъ мой; толь женоподобенъ не могъ я быть. Се и днесь скажутъ, Каинъ твердаго сложенія, Авель наипаче отца любитъ, понеже я не стѣналъ какъ онъ. Я люблю родителя, нѣжно люблю его какъ

и онъ; но не могу повелѣть слезамъ проливаться.

Изнеможенный скорбію Авель влекся на паству, и еще слезы лилися изъ очей его. Днесь падъ на землю, преклонилъ онъ чело свое во цвѣтки омоченной слезами травы, и тако молился Господу.

Глубочайшимъ благоговѣніемъ буди прославленъ, о Ты съ безпредѣльнымъ благоутробіемъ и премудростію судьбу смертнаго Вѣдущій! Горестію пораженъ дерзаю я молить Тебя, ибо позволилъ Ты грѣшнику слезныя возсылать къ Тебѣ молитвы; сіе цѣлебное утѣшеніе далъ Ты намъ въ бѣдствіи нашемъ. Хотя и не подобаетъ уповать мнѣ, что бы премѣнилъ Ты пути премудрости Своея ради мольбы вопіющаго червя: мудры бо и благи суть пути Твои; но о Господи! только утѣшенія и крѣпости въ бѣдствіи молю. Ежели же не противно намѣреніямъ премудрости Твоея, то даруй намъ .... о! даруй ей мужа, ей которая неутѣшима надъ нимъ рыдаетъ; даруй ей того, который и блаженство и бѣдствіе раздѣлялъ съ нею, который жизнь свою съ ея

сопрягъ жизнью! Даруй стѣнящимъ дѣтямъ дражайшаго отца, прогони часы смерти его до дней дальнѣйшихъ! Отъ единаго мановенія Твоего, о Господи! лютые недуги изчезнутъ; и тогда радость, и возторгъ, и препинающееся благодареніе отъ обители смертныхъ возпошлются къ Тебѣ. Даруй должайшее между нами пребываніе давшему намъ бытіе: да долговременнѣе проповѣдуетъ онъ намъ безпредѣльное милосердіе Твое; да долговременнѣе сыновъ и дщерей нашихъ, косноглаголющихъ внуковъ своихъ, поучаетъ хвалить Тебя. Но ежели премудрость Твоя предуставила, умереть ему ... ахъ! прости горести, изнеможенной языкъ мой запинающей и колеблющей утробу мою! ... умереть отцу моему! ... то буди поборникомъ ему въ преисполненный ужаса часъ, въ часъ смерти тѣла его! Прости тогда нашему рыданію и скорби, и низпошли утѣшеніе и крѣпость къ перенесенію нашего бѣдства; не остави насъ въ горести нашей, подкрѣпи насъ, да не уничижимся въ сѣтованіи, и да восхвалимъ премудрость Твою въ бѣдахъ!

Тако съ подобающимъ смиреніемъ лежащіи ницъ молился Авель. И се

внемлетъ онъ тихіи шумъ, и обоняетъ приятное благоуханіе наполнившее окрестную страну; поднявъ главу свою отъ земли, видитъ онъ единаго отъ Ангеловъ Хранителей, небесною красотою облеченнаго, ему представша; розы вѣнчали его чело, уста его были прелестны яко вѣсенняя денница, и сладкотекущимъ гласомъ онъ рѣкъ ему: Друже! Господь внушивый моленіе твое, повелѣлъ мнѣ облещися во твердое тѣло, и утѣшеніе и уврачеваніе въ сѣтованіи вашемъ снести вамъ. Предвѣчная Премудрость, всегда о благѣ каждыя твари бдящая, равно и о пресмыкающемся печется червѣ, яко же о свѣтоносномъ Ангелѣ; Она благоутробно повелѣла землѣ, да прозябетъ изъ нѣдръ своихъ цѣлебныя зѣлія на пользу обитателямъ ея, которыхъ тѣло днесь болѣзнямъ и всѣмъ злотворнымъ вліяніямъ отверсто, каковыя естество послѣ проклятія въ парахъ на нихъ изпускаетъ, дабы они изтлѣніе предводили. Зри и пріими, друже! травы и цвѣтки изъ числа оныхъ цѣлебныхъ зѣлій. Иди, и уваря ихъ въ чистой изъ източника водѣ, дождь болящему отцу здравіе въ питіи.

Ангелъ вручивъ ему цвѣтки и травы невидимъ бысть. Авель несказаннаго возхищенія преисполненный возопилъ: О Боже! достоинъ ли я, бренный грѣшникъ, что бы толико милосердо внушилъ Ты моленіе мое? Ахъ! чѣмъ смертный можетъ возблагодарить Тебя? какъ можетъ онъ достойно Твою безконечную прославить благостыню? Не можетъ сего смертный: пѣснохваленіе Ангеловъ къ сему не довлѣетъ! Быстротекущъ спѣшитъ онъ радостію побуждаетъ къ сѣни своей, и съ заботливымъ нетерпѣніемъ приуготовляетъ цѣлебное питіе. По томъ стремится въ сѣнь отчую, гдѣ Ева при ложѣ его рыдающая сидѣла, и Ѳирсія и Мегала печальны стояли подлѣ ней. Съ удивленіемъ видятъ они заботливую его поспѣшность, радость въ очахъ его, и смѣхи на его устахъ. О мои возлюбленныя! вѣщалъ онъ, возхвалите Господа, отрите скорбныя слезы съ очей вашихъ; Человѣколюбецъ внушивъ молитву нашу, низпослалъ намъ помощь. Молящемуся мнѣ на паствѣ явился Ангелъ, и вручивъ цѣлебныя травы: увари ихъ въ чистой водѣ, повелѣвалъ, и даждь отцу своему здравіе въ питіи. Возхищеннымъ удивленіемъ

поразило ихъ слово его; и хвалу и благодареніе Жизнодавцу возгласили ихъ уста. Днесь принявъ отецъ благовонное питіе, привсталъ на одрѣ своемъ, и съ чистосердечнымъ смиреніемъ благодарилъ Господа; по томъ взявъ руку сына своего, нѣжно прижалъ ее къ ланитамъ своимъ, и омоча слезами рѣкъ: О сынъ, любезный сынъ! буди благословенъ! Ты, чрезъ котораго низпосылаетъ Всесильный помощь мнѣ, котораго добродѣтели Господу угодны, и котораго моленіе столь милосердо Онъ внушаетъ, буди благословенъ! И Ева и дщери ея пришедъ обнимали Авеля, чрезъ котораго послалъ Богъ помощь Свою.

Когда они обнимали его, Каинъ возвратился съ поля. Страшныя опасности тревожатъ меня, рѣкъ онъ; пойду къ сѣни родителя, можетъ быть моя потребна тамо помощь; и ахъ! можетъ быть онъ умретъ, а я злополучный, не пріиму послѣдняго благословенія изъ устъ его! По семъ приходитъ онъ и видитъ радость и нѣжныя объятія, внемлетъ отца благословящаго сына, удивляется, какъ возхищенная Мегала къ нему устремившаяся обнимаетъ его и повѣствуетъ, какимъ способомъ Господь

чрезъ Авеля низпослалъ помощь имъ. Каинъ приступивъ къ ложу отчему, лобзаетъ десницу его и речетъ: Здравствуй, родитель мой! и да прославленъ будетъ Господь паки намъ тебя даровавый!... Но, отче! развѣ нѣтъ твоего мнѣ благословенія? Его ты благословилъ, чрезъ котораго вспомоществовалъ Всесильный; благослови же и меня, родитель мой; я твой первенецъ! Нѣжно взглянулъ на него Адамъ, пожалъ руку его, и рѣкъ: О Каинъ, Каинъ! буди благословенъ!... О ты, первый изъ нѣдръ моихъ произшедшій! буди Господня благость надъ тобою, всегда миръ въ сердцѣ твоемъ, и не прерывный въ душѣ твоей покой! По семъ обратился Каинъ къ брату, обнялъ его, (и какъ могъ бы онъ не обняти, когда его всѣ нѣжнаго возхищенія исполненныя обнимали?) и вышелъ изъ сѣни, окольными стезями проходя въ густой лѣсъ; тамо остановился онъ задумчивъ, и возопилъ:.... Покой, непрерывный въ душѣ твоей покой.... Какъ возможно.... мнѣ спокойну быть?... Не принужденъ ли я былъ благословеніе прозьбою изторгнуть, которое не умоляемо благословляя брата изо устъ его изходило? Пусть я первенецъ; великое пре-

имущество! но я, злополучный, первое токмо имѣю право къ бѣдствію и презору. Чрезъ него послалъ помощь Господь, и ему ни какое уврачеваніе не отрѣченно, дабы предпочтительно мнѣ учинити его любезнымъ. Должны ли они уважати меня, котораго не уважаетъ Господь, и котораго Ангели не уважаютъ? Мнѣ не являются они, гнушаяся проходятъ мимо меня; и когда я до утомленія членовъ воздѣлываю ниву, и потъ съ запекшагося течетъ моего лица, тогда гнушаяся проходятъ они мимо меня, ища его, который изнѣженными руками играетъ во цвѣткахъ, или празденъ стоитъ у стада, или отъ избытка нѣжности своей нѣсколько проливаетъ слезъ, что тамо, гдѣ низходитъ солнце, багряныя явились облака, или что роса на пестрыхъ свѣтится цвѣткахъ. Горе мнѣ первенцу сущу! ибо по видимому проклятіе на одного меня, или по крайнѣй мѣрѣ тягчайшее онаго бремя, устремленно. Ему все сорадуется естество, а я токмо одинъ снѣдаю хлѣбъ свой въ потѣ лица своего, токмо одинъ я злополученъ. Тако мрачными обуреваемъ размышленіями, скитался онъ въ лѣсу.

Солнце низпустилося за осиненные холмы; и вечернюю багряность разпростерло на разкаленныя облака и на всю окресность; тогда рѣкъ Адамъ: Солнце низпускается за холмы, и я хочу изъ сѣни моей въ зеленый выдти вертоградъ; хочу прежде скончанія дня возхвалити Господа милосердо меня изцѣлившаго. И се возсталъ онъ съ ложа своего; юнолѣтняя возвратилася въ члѣны его сила; и Ева и дщери провождали его въ возращенный предъ сѣнію вертоградъ. Величественно зрѣлося вечеряющее солнце на оризонтѣ; и Адамъ преклоня колѣни, возхищенными обозрѣвалъ очами приятно озаренную окрестность, и со смиреннымъ благоговѣніемъ возгласилъ: Се, Всемогущій! се паки предлежу я лицу Твоему, и прославляю неизчерпаемое милосердіе Твое! Куда сокрылись вы, о недуги? Вы терзали составы мои, вы какъ огнь пожигали внутреннюю мою; но душа моя изъ челюстей вашихъ изторглась уповая на Господа; Человѣколюбецъ вкушивъ молитву нашу, обратилъ взоры Свои съ небесъ на землю, и недуги престали свирѣпствовать во мнѣ; здравіе и крѣпость возвратилися паки въ составы мои.

Еще не время смерти похитить прахъ мой, еще подобаетъ мнѣ въ тлѣнномъ тѣлѣ хвалить Тебя, и наипаче познать нескончаемаго благоутробія Твоего чудеса, которыя Ты являешъ сущимъ въ прахѣ человѣкамъ. Тебя буду я прославлять, о Безконечный! отъ паденія утренней росы до луннаго возхода. Изъ сей бренной плоти душа моя будетъ возклицать Тебѣ благодареніе и хвалу, доколѣ не умретъ плоть; и тогда, о безпредѣльно Благій! тогда торжествующая надъ прахомъ носиться будетъ душа грѣшнаго, и вкушая жизнь величіе Твое созерцать. А вы, о свѣтоносные Ангели! возрите въ жилище грѣшника, въ жилище смерти обратите взоры. Земля сія, (холмы ея поколебались и увяла ея весна, когда палъ грѣшникъ, когда и вы отвращали отъ насъ свое лице,) земля сія есть позорищемъ неизчерпаемаго милосердія Его; возрите, и достойнѣе въ священномъ удивленіи прославьте ея; а человѣкъ, увы! человѣкъ удивленіе свое токмо слезами и рыданіемъ изобразити можетъ! Благословенно буди, о ты паки мнѣ зримое, прекрасное солнце, прежде захожденія своего, благословенно буди! Когда утренній твой лучь блисталъ изъ за кѣдровъ, тогда стѣнящей

лежалъ я въ болѣзни, и освѣщающаго сѣнь мою съ воздыханіемъ его благословлялъ; днесь лучь твой за холмами блистаетъ, и я колѣнопреклонно благодарю Господа, Который прежде захожденія твоего исцѣлилъ меня. Будите благословенны, высокія горы, и холмы разсѣянные по лугамъ! Еще око мое озаренныхъ васъ утреннею и вечернею багряностію увидитъ. Благословлю и васъ хвалу поющія птицы! Еще пѣсни ваши будутъ услаждать ухо мое, и рано возбуждать меня къ утренней молитвѣ. О журчащіе источники, будите благословенны! Еще члѣны мои на брегахъ вашихъ почивати станутъ, и пріятный шумъ вашъ сладкій производить во мнѣ будетъ сонъ. А вы, о рощи, купины, бесѣдки! Паки въ тѣни вашей буду я, занятъ важными размышленіями гулять уединенный; и еще прохлажденіе ваше будетъ изливатися на главу мою. Буди благословенно, о всецѣлое прекрасное естество, и препрославленно буди имя Господа, Господа недуги мои уврачевавшаго, и подкрѣпившаго прахъ мой, да не умретъ онъ!

Тако молился Господу отецъ человѣковъ. Безмолвное естество каза-

лося содѣйствующимъ молитвѣ его, и твари сорадующимися ему возвращенному въ животъ. Прекрасно простерло солнце послѣдніе свои лучи въ вертоградъ, и погрузилося по томъ за холмъ; цвѣтки изпустили приятное благоуханіе юнымъ вѣтрамъ, дабы они на Адама оное подували; и птицы, перепорхивая по вѣтвямъ, согласнея во кругъ его пѣли. Днесь пришедшія, Каинъ и Авель, съ радостнымъ, возторгомъ увидѣли возвращеннаго во здравіе отца. Отъ моленія возставъ, обнялъ онъ супругу и чадъ своихъ; возхительныя слезы протѣкли изъ очей его; и по томъ возвратился онъ въ сѣнь свою. Тогда Каину рѣкъ Авель: Любезный братъ! чѣмъ возблагодаримъ мы Господа, Который услышавъ молитву нашу даровалъ намъ дражайшаго отца? Я пойду къ жертвеннику моему, и при возходящей лунѣ пожру Господу юнѣйшаго агнца изъ всего моего стада. Пойдешъ ли и ты, возлюбленный! къ олтарю своему принести Господу жертву?

Косвенно взирая на него Каинъ, вѣщалъ: И я пойду къ жертвеннику своему и пожру Господу, что скудость

нивы мнѣ доставляетъ. Дружелюбно Авель отвѣтствуетъ ему: О любезный! Господь мало взираетъ на агнца предъ нимъ горящаго, мало и на нивные плоды, которыхъ изтребляетъ пламя; только бы чистою вѣрою возпламененно было жертвующаго сердце.

Каинъ возразилъ ему: Хотя и скоро спадетъ огнь съ неба и потребитъ твою жертву: ибо чрезъ тебя Господь послалъ помощь, а меня тѣмъ не удостоилъ; но я пойду и пожру Ему. Истинное благодареніе пылаетъ во груди моей: исцѣленный бо родитель и мнѣ равно какъ и тебѣ драгоцѣненъ. Да устрояетъ Господь о мнѣ бѣдномъ по благоволенію своему!

При семъ Авель съ горячностію палъ на выю брата своего и рѣкъ: Ахъ братъ мой! по что нагодуешъ ты, что чрезъ меня исцѣленъ отецъ нашъ? Богъ облегчивъ его чрезъ меня, милосердо облегчилъ и всѣхъ насъ. О возлюбленный! преодолѣй негодованіе свое: ибо Господь внутреннюю нашу созерцая, зритъ и непристойное негодованіе, и слышитъ наитишайшій ропотъ твой. Люби меня, какъ я тебя люблю! Иди и жертвуй;

но ни чѣмъ, ни какою нечистою не помрачи молитву свою страстью: тогда милосердо Господь приметъ благодаренїе и молитву твою, и благословитъ тебя со престола Своего.

Каинъ не отвѣтствуя пошелъ въ поле: братъ его сокрушенъ взирая во слѣдъ ему отшелъ на паству; каждый къ своему жертвеннику. Авель закололъ юнѣйшаго и прекраснѣйшаго агнца, возложилъ его на олтарь, осыпалъ благовонными вѣтвями и цвѣтками, и зажегъ жертву. Исполненъ священнаго благоговѣнія, преклонилъ онъ колѣни предъ олтаремъ, и приносилъ Господу отъ чистаго сердца жертву хваленія и благодарности; между тѣмъ жертвенный огнь высоко въ нощи возпламенился; и Господь повелѣлъ утишиться вѣтрамъ и въ спокойствіи пребывать странѣ: ибо приятна была ему жертва.

Каинъ возложилъ полевые плоды на олтарь свой, зажегъ жертву и преклонилъ колѣни; мгновенно страшный сквозь кустарники заревѣлъ шумъ, и порывистые изторгшися изъ оныхъ вихри, потушили жертву и окружили

злополучнаго пламенемъ и дымомъ. Съ трепетомъ отскочилъ онъ отъ жертвенника. И се страшный изъ оцѣпеняющей нощной тьмы произшелъ гласъ, рѣкущій: По что трепещешъ ты, и чего ради отчаяніе на лицѣ твоемъ впечатлѣнно? Исправися, и прощу грѣхи твои; аще же не исправишься, то обличающіе грѣхи и казни ихъ водворятся въ кущѣ твоей. По что ненавидишъ брата своего; по что гонишъ праведника, иже любитъ тя, и чтитъ яко первенца? Гласъ умолкъ; а Каинъ ужасомъ содрагаемый, побѣгъ отъ жертвенника, и въ темной заблуждалъ нощи; бурный ветръ гналъ ему злоніе жертвеннаго куренія во слѣдъ. Сердце его вострепетало, и хладный изъ члѣновъ его выступилъ потъ. Между тѣмъ устремя взоры чрезъ пространное поле, увидѣлъ онъ жертвенное пламя брата своего тихимъ извиваніемъ въ нощи возходящее; отвратилъ отчаяніемъ пораженное лице свое и дражащими устами возопилъ. Се.... се жертвуетъ любимецъ! О! не могу снести сего зрѣлища, и хотя единожды взгляну,.... адъ пылаетъ въ утробѣ моей!.... то буду.... трепещущими устами, буду его проклинать. Изтлѣніе!

смерть! гдѣ я васъ найду? придите ко мнѣ злополучному! О отче, отче! по что ты согрѣшилъ! Могу ли я предстать взору твоему съ симъ блѣднымъ отчаяніемъ на лицѣ моемъ впечатлѣнномъ? чтобъ увидѣлъ ты совершенное злополучіе мое, чтобъ злополучіе сѣмяни своего возчувствовалъ? Нѣтъ, пусть буду я злополученъ, но не отмщуся надъ отцемъ своимъ! хладный ужасъ поразитъ его; и сіе видѣніе муки мои усугубитъ. Такъ! на мнѣ пребываетъ гнѣвъ Господень, проклятіе, презорство! Я только злополучнѣйшая тварь обитающая на сей землѣ; звѣри дубравные, пресмыкающіеся черви зависти моей достойны суть. О Человѣколюбче! Господи; ежели Ты, о справедливый Боже! милосердъ быти ко мнѣ можешъ, то не изтощай болѣе гнѣва своего на меня; или, ахъ! уничтожь меня! .... Но .... о неистовый злодѣй! ежели исправишься ты, тогда проститъ Онъ грѣхи твои! избирай, прощеніе или бѣдство; неизрѣченное, нескончаемое бѣдство! Да, я согрѣшилъ, и злопреступствы мои крутяся надъ главою моею, требуютъ мщенія отъ Тебя, о Право-

судный! Колико праведно мщеніе Твое, когда по степѣнямъ удаленія отъ совершенства и добра, страдаемъ мы; и ахъ! отъ того и злосчастенъ я! Обрати меня съ развращеннаго пути моего, разточи отъ лица Своего мрачныя злопреступствы вопіющія на меня! Умилосердися, о Боже! умилосердися, умѣньши бѣдствіе мое; или... изтреби меня!

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ.

Пѣснь Четвертая.

Еще нощная роса утучняла землю, еще въ молчанiи дремлющiя пребывали птицы, еще покоилася въ долинахъ нощь, и блѣдный сверкалъ сумракъ на вершинахъ горъ, когда мрачными размышленiями обуреваемый Каинъ вышелъ изъ своей сѣни. Мегала, не знавъ что слышитъ онъ ее, рыдала надъ нимъ въ часы нощныя, и воздѣвъ руки молилася объ немъ. Вышедъ изъ сѣни, тако онъ роптал: (Гласъ его въ уединенной тишинѣ утренняго сумрака, какъ дальнiй слышался громъ). Гнусная нощь! коль черные виды мѣчталися воображенiю моему! ужасъ за ужасомъ! Но опочило бы воображенiе мое, изчезли бы мѣчты, спокойно бы я уснулъ, ежели бы ее стонъ и рыданiе меня не разбудили. Не уже ли мнѣ къ горестямъ только просыпаться? не ужь ли нѣтъ мнѣ ни одного спокойнаго отъ нихъ часа? О чемъ рыдала она? обо мнѣ? однакожъ не вѣдаетъ она объ

отверженной жертвѣ. О! сего плача, сего воздыханія, сего стона, не могъ я перенести! они похитили ужъ теперь спокойствіе отъ меня на весь день! Одобрительная улыбка препровождаетъ каждое, и самое подлѣйшее, брата моего дѣло; а меня мрачная скорбь во всѣ преслѣдуетъ мѣста. О Мегала! я люблю тебя, какъ самого себя люблю; но по что огорчаешъ ты краткіе успокоенія моего часы?

По томъ остановился онъ подъ навѣсившимся съ каменной крутизны кустомъ. Здѣсь, ахъ! здѣсь не отрѣки мнѣ помощи своей, не отрѣки подкрѣпленія своего, о сладкій сонъ! тако вѣщалъ. Колико злополученъ я! изнеможенъ искалъ я тебя въ сѣни своей; и едва опокояющія разпростеръ ты надо мною крылія свои, то и разбудилъ уже меня болѣзненнаго рыданія вопль. Здѣсь, здѣсь однако же ни кто не помѣшаетъ мнѣ; развѣ ужъ сама неодушевленная природа погонитъ меня и спокойствія въ часахъ. Благоволи на сіе, земля! о ты, которая во строжайшемъ проклятіи своемъ тяжкой требуешъ работы, продолжительной жизни ради, или продолжительнаго ради бѣдства; ... и не

уже ли краткія, отъ работы сей оставшіяся счастливыя минуты, откажешъ ты мнѣ отдохнуть! Рѣкъ и простерся на душистую траву. Вскорѣ темныя крылія свои разширилъ надъ нимъ сонъ.

Анамелехъ каждый уединенности его наблюдалъ шагъ, и днесь остановился при немъ. Тяжкій простерся на очи его сонъ, вѣщалъ онъ; лягу я подлѣ него, и мое преднамѣреніе возбуждающіе сны понятію его представлю. Хитрость, и ты воображеніе! вспомоществуйте мнѣ теперь всею силою своею; изобрѣтите всевозможные предмѣты, которые грызущую зависть, лютый гнѣвъ, и всѣ терзательныя страсти бѣснующей ярости въ душу его удобны вгромить. Тако отверженный вѣщалъ, и приползъ къ боку спящаго. Прилегъ, и дикій возсталъ на вершинахъ древесныхъ шумъ и ревущіи ветръ прорываяся сквозь кусты, развѣялъ Каиновы власы на чело его и на ланиты. Но тщетно лѣсъ шумѣлъ, тщетно ударялися власы о чело его и о ланиты; сонъ тяжко простерся на его очахъ.

Сномѣчтующій увидѣлъ днесь пространное поле уединенными хижинами

населенное, гдѣ простосердечная бѣдность обитала, и сыновъ и внуковъ своихъ разсѣянныхъ по оному, не укрывающихся отъ разкаленныхъ лучей полдневнаго солнца, запекшуюся наготу ихъ пожигающихъ; съ тяжкимъ трудомъ собирали они бѣдности своей избытки, или разрывали жесткую землю для новаго посѣва, или изъязвленными руками изторгали наклонясь колючую плеву, оплетшую нивные ихъ плоды, и алчно питательные соки оныхъ похищавшую; между тѣмъ жены ихъ въ шалашахъ о бѣдномъ хозяйствѣ и о невкусно-учрежденномъ пеклися столѣ. Елiель, первый изъ его сыновъ, (сновидѣцъ позналъ лице и движенiя его;) пришелъ съ поля подъ угнетающимъ бременемъ качаясь; съ досадою снялъ оное съ плѣчь своихъ, и утомленъ оперся объ него. Коль злополучна жизнь сiя! такъ тяжко вздыхая вопiялъ; какими нуждами и трудами наполнена она! Коль тягостно лежитъ проклятiе на Каиновыхъ сынахъ! Не уже ли Создавый землю сiю, во вся удалилъ ее по проклятiи отъ Своего взора? Иль можетъ быть проклятiе только на сыновъ первенца устремленно! Тамо, на оныхъ приятныхъ лугахъ,

которые Авелевы сыны населяютъ; (они вытѣснили насъ отъ толѣ, и въ степяхъ позволили только жить;) тамо, гдѣ они въ роскошныхъ живутъ приосѣненiяхъ, вся природа является всяческими красотами своими разслабленной праздности ихъ жертвующею; всѣ отрады злополучной жизни, всѣ нѣжныя утѣхи къ онымъ сладострастнымъ перешли обитателямъ; только бѣдность и работа при насъ несчастныхъ остались. Поднявъ бремя на рамена, подгибающимися стопами пошелъ Елiель къ хижинѣ своей. Сномѣчтующiй зритъ днесь по другую страну неплодной степи цвѣтоносные луга, орошаемые чистыми източниками, извивающимися резвымъ теченiемъ чрезъ густыя тѣни сводомъ склонившихся лѣсовъ; индѣ журчали они мимо зеленѣющихся бесѣдокъ протекая; индѣ между долгихъ рядовъ деревъ, и въ ихъ гладкихъ струяхъ зрѣлися злаки и многоразлично блистающiе плоды; индѣ сбѣгалися они въ тихой цвѣтоносными берегами осѣненной водоемъ; тамо въ зыблющейся лимоновой рощѣ рѣзвилися прохладные ветерки; здѣсь фиговыя дерева далекую на цвѣтки простирали тѣнь. Ни Темпейскiя поля и ниже Гни-

дійскій островЪ толико прекрасенЪ не былЪ, гдѣ на прозрачныхЪ столпахЪ Венерино воздвигнуто было капище, и гдѣ со всѣмЪ причетомЪ своимЪ баснословная владычествовала богиня. Снѣгу бѣлизною подобныя стада паслися вЪ высокой травѣ и пожинали благовонные цвѣтки; а нѣжный и розами увѣнчанный пастырь, воспѣвалЪ между тѣмЪ любовную пѣснь, половиною вЪ тѣни лежащей и страсть взорами кидающей отроковицѣ. И се собралися юноши и дѣвы, прекрасны какЪ божки любви и какЪ Граціи прелестны, вЪ высокосведенную бесѣдку. Тамо сладкіе напитки пѣнясь вЪ глубокія изтекали чаши, и злато видныя плоды на столѣ цвѣтками усыпанномЪ блистали; вЪ тожЪ время приятно восклицаемыя пѣсни, доброгласно брящающія струны и нѣжныя свирѣли далеко раздавались. ИзЪ срѣды ихЪ возсталЪ одинЪ юноша и рѣкЪ: Радуйтеся, возлюбленные мои, радуйтеся, и приклоните ко мнѣ слухЪ вашЪ! Хотя и благоприятствуетЪ намЪ природа, хотя и всѣ прелести свои совокупила она вЪ жилище наше, но попеченій требуетЪ она и работЪ; тяжкихЪ работЪ для насЪ, легкимЪ трудамЪ посвященныхЪ? Прискорбно той рукѣ воздѣлывать зе-

млю, которая къ тонкимъ доброгласныхъ гуслей струнамъ касаться приобыкла; тяжко сносить солнечный зной нѣжными власами приосѣняемой главѣ, свойство которыя только увѣнчанной розами въ прохладной почивать тѣни. О возлюбленные! я вамъ намѣренъ преподать мысль, и думаю, Ангелъ Хранитель въ разумъ мнѣ ея вложилъ. Во время темноты нощной, устремимся мы на то поле, гдѣ землепашцы обитаютъ; и когда они утомленны дневнымъ трудомъ въ крѣпкомъ пребываютъ снѣ, нападемъ на нихъ въ хижинахъ, свяжемъ ихъ и плѣнныхъ приведемъ въ жилище наше: дабы мужи намъ рабствующїе воздѣлывали ниву, а жены ихъ и дщери вамъ, дружелюбныя дѣвы, въ чертогахъ служили. Но нощїю! ибо хотя и превозходимъ мы ихъ числомъ, однако же лутче опаснаго избѣжимъ сраженїя. Рѣкъ, и одобряющая толпа радостно ему восплескала. По семъ зритъ сномѣчтующїй темноту нощную, и слышитъ вопль ужаса, стѣнанїя и побѣды, смѣшанно произходящей отъ зазженныхъ и высокимъ пламенемъ объятыхъ шалашей; пространно озарилась нощь, и въ далечайшихъ волнахъ отсвѣчивались очервленные берега. Озаренный пламе-

немъ увидѣлъ онъ связанныхъ своихъ сыновъ, и женъ ихъ и дѣтей, подобно ревущему стаду, Авелевымъ сынамъ предъидущихъ.

Тако мѣчталъ Каинъ и трепеталъ во снѣ, какъ Авель нашедъ его подъ навѣсившимся съ каменной крутизны кустомъ, спалъ предъ нимъ. Исполненными любленія очами взиралъ онъ на него, и тишайшимъ рѣкъ гласомъ: Проснись скорея, братъ мой! чтобъ мое любящее сердце изъявило тебѣ чувствованія свои; чтобъ руки мои обнять тебя могли! Но умолкни желаніе мое; умолкните, ветры, колеблющіе кустарники; не пойте близко птицы, дабы облегчительный не нарушился его покой: можетъ быть утомленные члѣны его требуютъ еще приятнаго втеченія сна. Но ... какъ блѣденъ онъ лежитъ ... встревоженъ, ... ярость на челѣ его начертанна. По что смущаете вы его, о страшныя мѣчты! оставьте въ мирѣ его душу. Придите прелестныя образованія любезныхъ семейственныхъ упражненій, нѣжныхъ объятій, и всего прекраснаго въ душѣ и благоприятнаго во всецѣломъ естествѣ! Исполните воображеніе его веселія и

утѣхъ, какъ вѣшній день; чтобъ радость играла на челѣ его, и когда встанетъ онъ, чтобъ пѣсни хвалѣнія изъ устъ его излетели. Тако вѣщая, взиралъ онъ пылающими нѣжною любовію очами, и робко ожидалъ пробужденія своего брата.

Яко свирѣпый левъ, при подножіи горы подъ тѣнію спящій, (котораго устрашенной путешественникъ взволновавшуюся видя гриву, возвѣщающую опасность, тихо удаляяся обходитъ) внезапно глубокую язву быстролетящей стрѣлы ощущая въ ребрахъ своихъ, подобно молніи вскочивъ и дикимъ рыкая гласомъ, яростенъ ищетъ врага своего, и раздираетъ незлобиваго младенца не далеко во травѣ играющаго цвѣтками: тако воспрянулъ вдругъ Каинъ ото сна; пѣна изъ устъ его клубилась; на челѣ его, яко черная туча, ярая сидѣла злоба; и онъ ударивъ ногою въ землю возопилъ: Разступись земля, и поглоти меня, въ глубокую пропасть поглоти! Злополученъ я, и... о страшное видѣніе! и дѣти мои злополучны суть! Но ты не разступишся, и тщетно я молю. Оный, Всемогущій Мститель запретитъ тебѣ, желая что бы я злосча-

стенЪ былЪ; и что бы наипаче всѣми ужасами поразить меня, открываетЪ ОнЪ завѣсу, и даетЪ мнѣ адЪ предЪидущаго увидѣть. ПроклятЪ, проклятЪ буди часЪ тотЪ, когда вЪ первыя мать моя сЪ болѣзнію рождала! Проклято будь то мѣсто, гдѣ она болѣзни рожденія ощутила! Да сгніетЪ растущее на немЪ, да пагубитЪ тамо сѣятель труды свои и преданныя землѣ сѣмена, и кто мимо идетЪ тамЪ, да ужасЪ потрясетЪ кости его!

Тако заклиналЪ несчастный, когда Авель блѣденЪ, какЪ вЪ смертный часЪ, колеблющимися приступивЪ кЪ нему стопами: Возлюбленный! запинаясь рѣкЪ; но нѣтЪ!... о!... я трепещу!... се одинЪ изЪ отверженныхЪ возмутителей, которыхЪ громЪ Божій низринулЪ сЪ небесЪ, обманчиво облеченной образомЪ брата моего, хулу отрыгаетЪ!... Гдѣ братЪ мой? ахЪ! бѣгу кЪ нему; гдѣ ты, о любезный братЪ! да благословлю тебя?

Се онЪ! громоподобно КаинЪ рѣкЪ, се онЪ! о ты смѣющейся, радостно слезящей любимецЪ Мстителя и всей природы! ты котораго аспидово порож-

деніе одно въ мірѣ нѣкогда блаженно будетъ! ... Но и для чегожъ ве быть? неминуемо надлежало матери родить единаго, которой бы благословенному сонму услужливыхъ произвелъ рабовъ; скотовъ рабочихъ, чтобъ благословенный тотъ сонмъ сладострастію посвященныя силы тяжкимъ не изтощилъ трудомъ! Га! адъ и всѣ муки его пылаютъ въ груди моей!

Каинъ, братъ мой! рѣкъ Авель съ робкимъ удивленіемъ и нѣжною любовію взоры къ нему обратившій; какое гнусное сномѣчтаніе тебя ослѣпило? Возлюбленный! съ утреннею зарею вышелъ я обнять тебя и съ наступающимъ поздравить днемъ; но о! какое обуреваніе въ душѣ твоей крутится! коль вражески приемлешъ ты нѣжную мою любовь! Когда .... ахъ! когда наступятъ блаженные дни, дни исполненные утѣхъ, водворяющіе между нами безмятежный миръ, непоколебимую любовь, сладкій въ душѣ покой, и всѣ милыя радости возвѣщающіе; тѣ дни, которыхъ сокрушенный отецъ и нѣжная мать наша съ такою горячностію воздыхая ожидаютъ? О каинъ, Каинъ! сколь яростно попираешъ ты ногами радость, которою

толико обольстилъ ты насъ, когда я возхищенный въ объятіяхъ твоихъ рыдалъ! Оскорбилъ ли я тебя, о любезный братъ мой! невѣденіемъ оскорбилъ, . . . то . . . всѣмъ что свято есть заклинаю тебя, оставь изступленную ненависть свою, прости меня, и позволь себя въ объятія заключить! Тако вѣщая Авель, приступилъ и хотѣлъ обнять брата своего; но Каинъ отскочилъ отъ него: . . . Га! змѣй! . . . ты ужалить меня хочешъ! Сіе вопія, яростно поднялъ тяжкой жезлъ, и съ свитомъ въ воздухѣ поразилъ Авеля во главу; невинный палъ предъ нимъ, имѣя черепъ раздробленъ; и прощая его замыкающимися очами, въ послѣднія на него взглянулъ и умеръ; кровь его текла по златовидным власамъ къ ногамъ убійцы.

Оцѣпененный ужасомъ стоялъ Каинъ, блѣденъ яко мертвъ; холодной потъ облилъ его трепѣщущіе члѣны; онъ увидѣлъ послѣднѣе убіеннаго потягающееся движеніе, и текущую и курящуюся къ нему кровь. Проклятой ударъ! возопилъ онъ. Братъ мой! . . . встань . . . встань, любезный! Сколь блѣдно его лице! какъ неподвижны его глаза! какъ кровь изъ главы его стремится! . . О я неистовый! . .

увы! что мнится мнѣ!... Адскій страхъ! Тако рыкая, отбросилъ онъ яростенъ далеко обагренный кровію жезлъ, и ударилъ сильнымъ кулакомъ во свое чело. По томъ наклоняся къ убіенному, тщился поднять его съ земли. Авель... братъ мой!... встань! Га!... адскій ужасъ меня обѣемлетъ! какъ повисла кровоточащая глава его! какъ безчувственъ онъ!... Мертвъ... о адскій страхъ! онъ мертвъ!... Убѣгу! спѣшите подгибающіяся колѣни! Тако ревелъ, онъ и въ ближній побѣжалъ лѣсъ.

Торжествующъ всталъ днесь надъ убіеннымъ изкуситель, возхищенною гордынею надменный, страшенъ и высокъ: такъ страшно взвивается черный столпъ дыма надъ громадою пепла уединенной хижины, которой обитатели спокойно трудясь на нивѣ, не вѣдаютъ что пламя всѣ домашнія пособія, все стяжаніе ихъ пожираетъ; тако стоялъ Анамелехъ; и адски осклабляясь въ слѣдъ бѣгущему, и на трупъ обращаяся, возгласилъ: О сладкое зрѣлище! радуюсь, первой крови грѣшника, поглощаемой землею! Столь приятно не видалъ я, доколѣ не удалося Громодержателю низ-

вергнуть насЪ сЪ неба, чтобЪ священные източники журчали; столь возхитительно не звучали во слухѣ моемЪ гусли пѣснопоющихЪ АрхангеловЪ, какЪ сїе хрипѣнїе, сей послѣднїй умирающаго вздохЪ днесь мнѣ слышались. О превозходный обитатель новаго мїра! о ты величественное послѣднѣе рукЪ Зиждителя лутчѣе творенїе! сколь постыдно поверженЪ ты лежишЪ! Встань, прелестный юноша, другЪ АнгеловЪ, встань! не будь столь небрегущЪ вЪ раболѣпномЪ Богу своему служенїи и колѣнопреклонствѣ! Но не подвиженЪ онЪ; единоутробный братЪ столь безчувственна его повергЪ. Таковыми-то подвигами вознесусь я изЪ мрака ничтожности, подвигами, которымЪ самЪ позавидовать долженЪ сатана . . . Теперь пойду я ко престоламЪ адскимЪ. Сколь сладко возгласитЪ мнѣ вЪ стрѣтенїе одобряющая хвала! при звукѣ во сводахЪ адскихЪ раздающемся, пойду я торжествующїй по срѣдѣ толпы злостраждущихЪ, которыхЪ никакой не прославилЪ подвигЪ! РѣкЪ и еще единожды хотѣлЪ вЪ кичливомЪ торжествѣ взглянуть на убїеннаго; но прегнусныя черты вступили мгновенно на мѣсто готовящейся язвительной его усмѣшки и киченїя

на лице. Господь повелѣлъ найти на него адскимъ ужасамъ; и море мукъ облило его. Тогда проклиналъ онъ часъ бытія своего, проклиналъ исполненную мученія вѣчность, и изчезъ.

Хрипѣніе умирающаго и послѣдній его вздохъ, достигли днесь ко превыспреннему престолу Всесущаго, и отъ вѣчнаго Правосудія требовали мщенія. Вдругъ произшелъ громъ изъ Святая Святыхъ, и умолкли златые гусли и вѣчная аллилуйя; три краты огласилъ громъ горніе своды, и утихъ; и се гласъ Всевышняго произшедшій изъ сребряныхъ, окружающихъ престолъ Его, облаковъ, наимяновалъ единаго отъ Архангеловъ. Покрывъ лице свое воскрайями крылъ, приступилъ онъ; и тако рѣче ему Господь: Смерть возхитила отъ человѣковъ первую себѣ корысть: и Я учреждаю тя отъ днесь къ дѣлу священному, да собиравши всѣ праведныя души. Я самъ, когда пораженный палъ Авель, глаголалъ къ душѣ его; а ты егда прерывается днесь умирающаго гласъ и послѣдній страхъ смерти объемлетъ его, предстани праведнику, хладнымъ потомъ смерти орошаемому,

и прорцы борющейся душѣ его обѣтъ вѣчнаго блаженства: да обрадованными очесами еще единождыы воззритъ онъ, и умретъ. Гряди убо въ обитель смертныхъ, къ душѣ убіеннаго братомъ; а ты, Михаилъ! препровождай его полетъ, и братоубійцѣ проклятіе изрѣки. Господь глаголати престалъ, и паки громъ три краты въ небесныхъ раздался высочайшихъ сводахъ. Днесь Архангели съ шумомъ пролетя молчащіе пѣснопѣвцовъ лики, и низрѣвающимся полетомъ, изъ мгновенно растворившихся вратъ небесныхъ, устремилися, безчисленныя мимойдя солнцы и міры, на удаленную землю.

И се Ангелъ смерти вызвалъ Авелеву душу изъ окровавленной плоти. Небеснымъ веселіемъ возхищенная вышла она; духовныя части тѣла слѣдовали ей, и со благовонными парами смѣсився, похищали тихіе вѣтры отъ цвѣтковъ, которые лучезарнымъ свѣтомъ Ангела производимые разцвѣтали, и обвивъ душу, въ еѳирномъ зрѣлись тѣлѣ. По семъ взирала она, никогда неощущаемо возхищенная, на служащаго Ангела.

Съ небеснымъ дружествомъ приступивъ онъ рѣкъ: Радуйся вышедшая изъ бренныя своея плоти! обними меня. Благо мнѣ первому привѣтствующему тебя во блаженствѣ; и Миріады ожидаютъ тя! Благо тебѣ, о праведниче! вѣчное бо веселіе, неизглаголанное блаженство, лицезрѣніе Господне въ награду добродѣтели твоей тебѣ уготованно. Радуйся и обними меня, о первенецъ изъ бренныя плоти блаженно изходящій!

Обниму тебя, о другъ небесный! обниму! рѣкла душа, и онѣмевающимъ чувствованіемъ счастія своего упоенная умолкла. О колико я блаженна!. . . тако возгласила по томъ; ежели я воплощенная во бреніи ощущала, при нощномъ блѣдной луны сіяніи, Божіе вездѣ присутствіе, ежели красоту добродѣтели чувствуя, рыдала я исполненная блаженства, то оное блаженство было только темный сумракъ противъ сего, которое днесь я вкушаю. Ахъ! уже я ощущаю превозходнѣе радости добродѣтели, уже ближе чувствую неизрѣченное Божіе вездѣ присутствіе. Какія помышленія!... приятны, какъ вѣшніе дни, ясны и лучезарны какъ солнцы. О другъ, другъ

небесный! я обниму тебя! безконечно бо вѣчно существо мое, и буду неутомленными прославлять устами Того, Который навсегда неисповѣдимымъ награждаетъ благополучїемъ любившаго то что красно и благо есть.

Тако разглаголствовали блаженные и въ нѣжныхъ объятїяхъ возхищались. Слѣдуй, другъ мой! рѣкъ Ангелъ, слѣдуй моему провождающему полету; оставь землю, и не стужай оставляя на ней любезнѣйшихъ тебѣ и добродѣтельнѣйшихъ смертныхъ; по прошествїи нѣсколькихъ годовъ и они послѣдуютъ тебѣ. Возлети въ обьятїя блаженныхъ друговъ, возлети къ вѣчному пѣснохвалѣнїю.

Слѣдую полету твоему, вѣчный другъ! отвѣтствовала душа. О какое веселїе, какая святость! Благословлю васъ, о возлюбленные мои, вы что въ бренїи остаетесь! Когда лѣта жизни вашей протекутъ, когда смерти вашей прїидетъ часъ, и когда ты, о другъ! пойдешъ во срѣтенїе умирающимъ, тогда предстану я Божїему престолу и молити буду, да благоволитъ мнѣ Всевышнїй слѣдовать за тобою: дабы

исполненъ священнаго восторга увидѣлъ я, какъ души ихъ изъ бренія выйдутъ ко блаженству. И тебя, о Ѳирсія! и тебя, любезнѣйшая! по долговремянномъ рыданіи надъ костьми моими, увижу я; когда сосущее днесь чадо наше подъ твоимъ руководствомъ тебѣ въ добродѣтеляхъ уподобится, тогда я и твою узрю смерть. Какое блаженство, какъ душа твоя изъ неключимаго тѣла выйдетъ въ объятія мои!

Тако имъ возлетающимъ отъ земли продолжалъ Авель; еще разъ по томъ благословилъ онъ сѣни, и обращаемый взоръ его встрѣтилъ брата, на лицѣ котораго отчаяніе гнуснаго порока было впечатлѣнно. Сбросивъ руки на главу свою, разъяренные взоры кидалъ онъ къ небу; по томъ ударивъ сильнымъ кулакомъ въ тяжкодыхающую грудь свою, съ страшнымъ отчаяніемъ ринулся на кустарникъ и вращался въ прахѣ. Сострадательныя протекли изъ очей блаженнаго слезы; по томъ скорбный взоръ его отвратился отъ ужаснаго зрѣлища, и въ сонмѣ препровождающемъ Архангела упокоился. Ангели Хранители земли преслѣдовали ихъ даже до воздушнаго круга, радуяся воз-

носящемуся ихъ полету. Здѣсь обняли они со блаженною любовїю небесныхъ путниковъ, и остались на аломъ воздухѣ, препровождая полетъ ихъ чрезъ еѳиръ пѣнїемъ похвалъ. Приятный гласъ свирелей и серебреныя струны гуслей совмѣшаны были поющему ихъ лику; и тако оные Хранители земли громогласную воспѣли пѣснь.

Се паритъ онъ выспрь, новый обитатель небесъ паритъ выспрь! прекрасенъ... Тако прекрасна вѣсна, приходящая на землю; и свѣтлыя утѣхи и всѣ радостныя возхищенїя ее окружаютъ. Воскликните, въ неизмѣримости разсѣяныя звѣзды, воскликните хвалу содружницѣ вашей землѣ! не прелестно ли украсилася она? она, которая хотя и проклята, но небожителей питаетъ въ своемъ прахѣ. Какъ сїяетъ она подъ нами! юнѣйшая зелень устилаетъ ея долины, и холмы ея блистаютъ свѣтлѣя.

Се паритъ онъ выспрь, новый обитатель небесъ паритъ выспрь! пѣснопоющїе лики предстоя у вратъ небесныхъ, взираютъ во срѣтенїе первому возходящему отъ земли; обнимутъ

его и вѣчноцвѣтущими розами увѣнчаютъ. О колико будетъ онъ блаженъ, когда въ небесныя внидетъ поля, и когда въ благовонномъ сумракѣ неувядаемой сѣни, вмѣстится въ поющіе сонмы, ко прославленію Того, Который сего блаженства есть източникъ.

О торжественный день! тебя мы праздновали, пѣсньми хвалѣнія праздновали мы тебя, когда юная душа низходила съ неба, ко обладанію своего тѣла. Зрѣли мы, какъ добродѣтели въ ея сіяніи возрастали, яко вѣшнія возрастаютъ лилѣи. Въ невидимомъ сонмѣ летая, всегда мы ее окружали; и мы, о веселіе! мы всякое дѣяніе, всякой помыслъ ея проницали, всякую зрѣли каплю слезъ, которую добродѣтель изъ очей тѣла извлекала; а днесь, летитъ она въ объятія вѣчной добродѣтели, и небесными розами ее увѣнчаетъ; днесь изторглась она изъ праха!

Тамо лежитъ плоть, яко увядшій цвѣтокъ она лежитъ! Воспріими прахъ его, о мать земля! да каждую вѣсну благоухащіе произрастутъ изъ него цвѣтки! Торжественный день! тебя мы будемъ праздновать каждую возвраща-

ющую тебя вѣсну; о день! въ который первый праведникъ вознесся отъ земли.

Тако воспѣвали они и низпускалися во свѣтломъ облакѣ на землю.

Каинъ заблуждался въ ближнемъ лѣсу; отчаянiе водило его. Хотѣлъ бѣжать; но куда могъ онъ отъ бѣдствiя своего убѣжати? Тако отъ шипящей змѣи путникъ убѣгаетъ, и тщетно убѣгаетъ онъ, тщетно борется съ ядоносною ехидною, которая круто обвивъ и чресла и выю его улзвляетъ; куды убѣжитъ онъ злополучный, когда уже грызетъ она судорогами стягаемую грудь его, и вливаетъ неизцѣльный въ сердце ядъ. О да не увижу я никогда окровавленнаго предмѣта! тако возопилъ онъ; бѣгу, но кровь его струями льется мнѣ во слѣдъ! Куда убѣгу я, куда? о злополучный! Послѣднiй взоръ его! . . . ахъ что я учинилъ? ... О злодѣянiе! ты тартарскими мученiями терзаешъ меня! .... Убiицъ чадъ моихъ я рожденiе уничтожилъ! ... Но что еще сквозь кустарники ударяетъ въ слухъ мой, подобное воздыханiямъ умирающаго? Удалитесь трепещущiя ноги отъ лiющейся крови, удалитесь

отъ ужасныхъ предѣловъ смерти! отвлеките меня, подгибающіяся колѣни, отвлеките кровію брата моего обагренна ... во адъ! Тако вопіющій, силился онъ бѣжать.

Черное облако страшно низпустилося предъ нимъ. Каинъ! гдѣ есть Авель братъ твой? ужасный изъ облака возопилъ гласъ. Не вѣмъ, я несчастный!... не есмь бо стражъ брату моему.... тако въ ужасномъ смятеніи препинаяся онъ отвѣщалъ, и смертною блѣдностію объятый отвратился. И се облако возгремѣло, огнь опалилъ траву и окрестные кусты, и выступилъ изъ облака Ангелъ; на челѣ его страшный Господень образовался судъ, въ дѣсницѣ его пылалъ пламенный перунъ, а вознесенную шуйцу простеръ онъ надъ преклоненнымъ во трепетѣ преступникомъ. Рѣкъ и возгремѣло: Стой, трепещи и внемли проклятіе свое! тако рѣчетъ Господь: Что сотворилъ еси? Гласъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли, и отъ нынѣ пребудеши проклятъ ты на землѣ, яже разверзе уста своя пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея. Егда дѣлаеши землю, и не приложитъ силы своея дати тебѣ плодъ:

стѣня и трясыйся, будеши ты на земли. Страхъ и ужасъ объяли трепещущаго грѣшника; наклоненъ потупилъ онъ взоръ въ землю; и стоялъ яко богохульникъ, когда грозный Судія въ нелицеприятномъ судѣ повелѣваетъ потряснись землѣ, когда разсыпаются своды непросвѣщеннаго храма и чертоги грѣшника низвергаются въ глубокую бездну, когда изъ смятенія природы раздается во кругъ его умирающихъ вопль, и изъ язвъ земныхъ черныя тучи и пламя высоко надъ нимъ крутятся; тако изгибался и трепеталъ братоубійца; тако обрѣтаяся нѣмъ и блѣденъ яко мертвъ, силился говорить, но трепещущія уста не возмогли отверзатися ко глаголу. По семъ припинаяся и не смѣя воззрѣть вопіетъ: Велико . . о! велико злодѣяніе мое, да не буду прощенъ во вѣкъ! Днесь проклялъ Ты меня на сей землѣ, и я... О! куды отъ лица Твоего сокроюсь? Стѣня и трясыйся буду я на земли! о да всякъ обрѣтаяй меня, убіетъ меня злодѣя!

Седмижды отмстится всякъ убивый Каина: рѣкъ гремящаго гласъ: присносущный ужасъ и грызущая совѣсть ознаменуютъ лице и движенія твои, да

каждый мимоидущїй рѣчетъ: Се Каинъ, братоубїйца; и со трепетомъ убѣжитъ отъ стѣзей, ими же заблуждающїяся стопы поведутъ тебя. Тако Ангелъ изрѣкъ проклинанїя и невидимъ бысть. Страшные исторглися громы изъ бѣгущаго облака, и порывистый вихрь, раздравъ окрестный лѣсъ, дикимъ ревелъ шумомъ, яко злопреступникъ въ геенскихъ мученїяхъ отчаянный реветъ.

Изступленно взирающїй, стоялъ неподвижно Каинъ; воспрянувшїе власы его неприязненные ветры порывали; въ безмолвномъ окаменении долго стоялъ онъ, и во ужасѣ звѣрообразно изъ подъ навѣсившихся бровей смотря, трепещущими рѣкъ устами: О ежели бы истребилъ Онъ меня, Всеконечно истребилъ, чтобъ ни единаго не осталось въ естествѣ отъ меня признака? Или . . . хотя бы часть грома поразивъ меня . . . глубоко втиснила раздробленна въ землю! Но Онъ хощетъ на безконечныя мученїя меня сохранить. Я... во всемъ созданїи проклятый, мерзость естества,... мерзость самого себя... О! чувствую уже я васъ, чувствую совершенно гнусныхъ моихъ спутниковъ, которые меня отъ Бога, отъ всѣхъ оста-

вленнаго, тартарскими муками вѣчно терзать будутъ, тебя страхъ адскій, отчаяніе, грызущую совѣсть! О что я чувствую! . . . Будь ты проклята простершаяся десница, ты что къ убіенію низпустила жезлъ, изсохни при тѣлѣ моемъ, какъ древесная изсыхаетъ вѣтвь! Проклятъ буди часъ, когда адомъ произведенное сновидѣніе изкусило меня! Стѣни земля, коликократно ни обратишся ты... Природа! по что не подаешъ ты гнусныхъ свидѣтельствъ омерзенія своего ко мнѣ? Гдѣ ни ступитъ нога моя на тебѣ, то мѣсто проклято. Гдѣ ты? да прокляну тебя! или возвратился ты во адъ, ты, что мнѣ представилъ сей сонъ? О да безконечно чувствуешь ты, что днесь я ощущаю; вяще не могу клясть тебя, я пребѣдный!... Га! тамъ вижу я... высоко курится его пламя... вижу адъ! какъ торжествующи манятъ они меня къ себѣ, прокляты! Ахъ! зовите, окаянные, зовите меня злосчастнаго къ себѣ! Или . . . буде можете вы чувствоватъ жалость, почувствуйте; ни одинъ такъ не страдалъ сатана, какъ я! Тако вопіющій, оперся Каинъ на обрушенный пень; по томъ сѣлъ подлѣ него безгласенъ и бездыханенъ. Но глубокими

размышленiями терзаемъ, вдругъ затрясся, и возопилъ: Кто шумитъ мимо меня?... убiенный! О! его я слышу хрипящаго, его кровь журчащую слышу! О братъ мой!... братъ! ради неизрѣченнаго мученiя моего, не гони меня бѣднаго! По семъ опять тяжкiе изпуская воздыханiя, безсловесенъ и безчувственъ сѣлъ.

Между тѣмъ отецъ человѣковъ, супругою своею провождаемый, вышелъ изъ сѣни своей. О какъ прекрасно сiяетъ утреннюющее солнце! вѣщала Ева; тихiй прозрачный туманъ облекаетъ позлащенную сiянiемъ даль: пойдемъ, любезный мой, на прекрасную долину гуляти по росѣ, доколѣ ожидающiй трудъ не отзоветъ меня въ сѣнь, а тебя на ниву. О возлюбленный! сколь преузорочна земля, хотя и проклята она! почти равно прекрасна тому, ахъ! моимъ преступленiемъ потерянному раю, и какъ ты, въ первыхъ дняхъ своей непорочности противу посѣщающихъ насъ Ангеловъ былъ прекрасенъ. Зри, любезнѣйшiй, какъ всякая радуется тварь, какъ со всякаго куста, съ каждой вѣтви раздаются пѣсни; какъ всякой домовитый скотъ ходя во кругъ

сѣней веселъ, и радостнымъ рыканіемъ или играющими прыганіями утренній поздравляетъ лучь.

Ей отвѣщалъ Адамъ: Да, Ева, прекрасна земля; хотя и проклята она, но и за тѣмъ являетъ доказательствы, неизчерпаемыя доказательствы присущности безконечнаго къ намъ Милосердія, къ намъ, которые по бѣдственномъ грѣхопаденіи, по злопреступной неблагодарности, всякаго требованія милости и сожалѣнія недостойными учинились. Истинно, что Всемогущій паче милосердъ и благодѣтеленъ, нежели языкъ изрѣщи и душа помыслить можетъ. Пойдемъ, возлюбленная! на цвѣтоносные луга, гдѣ Авелево стадо по росѣ пасется; можетъ быть найдемъ мы благочестиваго сына новое Творцу пѣснохвалѣніе поюща.

Позволь, говорила Ева, сказать тебѣ то, мой любезный, что я уже при восхожденіи прекраснаго помышляла солнца. Положа зрѣлыя фиги, преимущественно отъ прочихъ мнѣ понравившіяся, и изсушенный виноградъ въ корзину, мыслила: пойду я на ниву къ Каину, къ моему старшему сыну и отнесу

ему оныя овощи, дабы ими подкрѣпилъ онъ себя, когда послѣ работы подъ тѣнію ближняго дерева отдыхаетъ. О! да будетъ благословенно каждое помышленіе, каждый шагъ мой, который поможетъ прогнать отъ него вредную мѣчту, будто бы онъ не любезенъ намъ!

Сколь примѣчательно нѣжное попеченіе твое, любезная Ева, вѣщалъ Адамъ; и колико благодаренъ я мудрому твоему совѣту! Пойдемъ къ Каину, пусть не мыслитъ онъ, что Авель одинъ любимъ; можетъ быть при красотѣ утра найдемъ мы сердце его впечатлѣніямъ нѣжности отверзто. Сіе говоря спѣшили они рука за руку держащіяся на нивы; Ева несла корзинку. О сколь щастливы мы будемъ, говорили поспѣшая, ежели при красотѣ утра, когда веселая природа всѣ благородныя возбуждаетъ чувства, найдемъ сердце его нѣжности отверзто!

Проходили они по задь нѣкоего куста; Ева въ переди. Кто ето лежитъ? вскричала она, и ужаснувшаяся отступила ... Адамъ! ... кто ето ле-

житъ? .... Не какъ покойно почивающей, но подобно опроверженному, лице къ землѣ обращенно .... Ето Авелевы златовидныя кудри, ... Адамъ! ахъ! отъ чего я трепещу? ... Авель! Авель! мой любезный! проснись! обрати ко мнѣ исполненное дѣтскія нѣжности румяное свое лице! Встань, ахъ! милой сынъ мой! отъ неспокойнаго встань сна! Приближились къ нему. О страхъ! вскричалъ Адамъ и съ трепетомъ отскочилъ; кровь ... кровь льется изъ чела его ... по главѣ ... О Авель! любезнѣйшій! возопила Ева, и поднявъ оцѣпененныя руки упала смертно блѣдная на трепещущее Адамово сердце. Въ ужасѣ безмолвны пребывали оба, какъ отчаянный Каинъ бѣгая по кустарникамъ, незапно къ убіенному приближился; онъ увидѣлъ его, увидѣлъ и ужасомъ сраженнаго отца, и смертною блѣдностію покровенную мать на трепещущей груди мужа лежащую. Я убилъ его! возгласилъ онъ; бѣгите со трепетомъ отъ грома сего: я его убилъ! Проклятъ буди часъ, когда зачалъ ты меня жену свою лобзая! проклятъ буди часъ, когда ты, жена, родила меня! Я убилъ его! Рѣкъ и ялся бѣгу.

Тако совершенствомъ любви связуемыя супруги сидятъ одинъ близь другаго, какъ мрачная незапно воздвигается буря; они воздѣваютъ руки къ молитвѣ, но громовая стрѣла пролетаетъ мимо ихъ, разрушающїй слѣдомъ оставляя дымъ; опершись одинъ о другаго остаются они сидящи и живы зрятся: тако блѣдны, онѣмѣвши и неподвижны, только трепещущи, долго сидѣли прородители; но очувствовавшїйся прежде Адамъ: Гдѣ я? препинаяся возопилъ. О какъ внутренняя моя волнуется! Боже! . . . такъ ето онъ лежитъ! О я пребѣдный, злополучный отецъ! ахъ! колико отчаянїе мое умножается! Единоутробный братъ убилъ его; сїе вопїя, проклиналъ онъ насъ, и убѣгъ. Ужасъ, хладный яко ледъ ужасъ содрагаетъ меня! сей который клялъ меня, есть сынъ мой! сей поверженъ здѣсь въ крови убїенный, сынъ мой! Злополучный! какое бѣдствїе, какое мученїе навлекъ я на себя и на дѣтей своихъ! О Авель! Авель! . . . Ева! и ты не возбуждаешся къ горести? Не умерла ли и ты на рукѣ моей? . . . А я . . . увы! нещастный! я одинъ остаюся къ скорби! . . . Но благодарю Господа! . . . смут-

ный ужасъ смерти проницаетъ кровь мою и трепещущее охлаждаетъ сердце . . . померкаетъ око мое . . . О! ты медлишъ, смерть! со всѣми ужасами сопровождающими тебя обрадуюсь пришествїю твоему! . . . Но ты медлишъ. О Боже! . . . Авель! . . . сынъ мой! . . . дражайшїй сынъ мой! Тако вопїя, и взирая на трупъ рыдалъ; смертный потъ изтекъ со слезами его. И ты опять возбуждаешся, Ева! продолжалъ, ахъ! къ неизрѣченной горести оживаешъ! паки отверзаются твои очи! Какїе сквозь слезы свои мещешъ ты взоры, о дражайшая бѣдствующаго сопричастница!

Адамъ! рѣкла Ева полумертвыми устами . . . . Нѣтъ, не гремитъ болѣе гласъ клянущаго! Сей гласъ убїйцы проклиналъ насъ обоихъ! ахъ! проклинай меня, одну меня, о братогубецъ! ибо я ска нная! я первая согрѣшила! . . . О Авель! возлюбленнѣйшїй сынъ! Днесь отторгшись изъ рукъ Адамлихъ пала на убїеннаго. Сынъ мой! сынъ! вопїяла она, на охладѣвшемъ рыдая трупѣ. О Боже! неподвижный взоръ его не обращается ко мнѣ! Дражайшїй сынъ! проснись! . . . Но тщетно зову его, ахъ тщетно! онъ мертвъ! Се, се есть смерть! по согрѣ-

шенiи нашемъ въ проклятiи назначенная смерть! И я . . . о неизрѣченное страданiе! кости мои трепещутъ! я первая согрѣшила! А ты, о дражайшiй мой супругъ! всякая капля слезъ твоихъ есть мнѣ ужаснѣйшимъ упреканiемъ, ты согрѣшилъ мною обольщенный! . . . Отъ меня . . . отъ меня требуй сыновнiя крови, слезящiй отецъ! отъ меня требуйте брата, нещастныя дѣти! меня клини, о ты братоубiйца! я первая согрѣшила. О сынъ! сынъ! на меня вопiетъ кровь сiя, на меня злосчастную матерь! Тако она возклицала, и слезы ее лились на трупъ.

Взоромъ преисполненнымъ несказанной скорби, взглянулъ Адамъ на супругу свою и рѣкъ: Ахъ! Ева! какъ терзаешъ ты меня! Заклинаю тебя, Ева! горестiю нашею, ахъ! любовiю нашею, о супруга! заклинаю тебя! не смущай себя таковыми упреканiями! Я столь нѣжно тебя люблю, а ты терзаешъ меня, не сказанно терзаешъ ими! О страшныя послѣдствiя! мы оба согрѣшили: но еще призираетъ Господь на насъ въ бѣдствiи сущихъ. Такъ . . . о Боже! Ты соблаговолилъ намъ отъ проклятаго Тобою мiра взывать къ Тебѣ въ сѣто-

ванїи нашемъ! Не всеконечно истребилъ ты грѣшника; мы пребудемъ живы, Ева! хотя и умираетъ трупъ, но душа, ежели она добродѣтельна, къ вѣчной живетъ наградѣ. Такъ конечно!... и сїе было бы утѣшенїемъ, цѣлительнымъ утѣшенїемъ!... но ахъ! братомъ убїенъ! Боже! онъ братомъ убїенъ!

Да, любезный сынъ! возопила Ева, и слезы ее стремительнѣе лились; тебѣ ужасная смерть отверзла изъ бѣдствїя двѣри, по чтожъ не оплакивати намъ тебя? Мы еще въ бѣдствїи остались. О какъ безобразно лежитъ трупъ! увы! изчезли смѣхи дѣтской нѣжности съ поблеклыхъ его ланитъ, они блѣдны и собственною обагренны кровью! Сїи уста не будутъ болѣе ангельскїе провождать со мною разговоры; и сїи оцѣпененныя очи, ахъ! не будутъ болѣе проливать слезъ радости, какъ прежде они мою любовь, мою несказанную любовь и восхищенїе о добродѣтели твоей, видя проливали! Въ какое низверглися мы бѣдствїе! О грѣхъ, грѣхъ! въ какихъ гнусныхъ являешся ты видахъ... всегда паче и паче гнуснѣйшихъ! Я твоя мать, твоя злополучная мать... я мать и убїйцы твоего! Авель! Авель! возлю-

бленный! Тако рвалась, и по томъ безсловесная на бездыханный поверглась трупъ, и долго пребыла безъ чувствъ онѣмѣвша. О злополучный! тако прервалъ печальное молчанiе Адамъ; ахъ колико оставленъ я! сколь пусто, сколь прискорбно все во кругъ меня! Горесть неизрѣченная горесть во всемъ естествѣ окрестъ меня ужасно разпростерлась. Увы! онъ мертвъ! онъ что жизнь мою утѣшенiемъ, сладкою радостiю, блаженнымъ упованiемъ украшалъ! Изчезли вы, о подпоры! на которыхъ утверждалася моя надежда; и ты, любезнѣйшiй Авель! мертвъ! А ты... о! трепещутъ кости мои! Каинъ! скитающееся чудовище, мерзость естества!... О Господи! созерцающiй бѣдствiе наше, Боже! прости неутѣшной горести, когда рвемся мы и во бренiи какъ черви пресмыкаемся; (и что же мы иное предъ Тобою бренные грѣшники!) когда пресмыкаемся какъ черви въ прахѣ, которыхъ половина на камнѣ раздавлена! Тако стѣналъ Адамъ.

По семъ блѣденъ и безмолвенъ остановился онъ. Тако стоитъ истуканъ сѣтованiя надъ оброcшею мхомъ гробницею въ глухой и мрачной кипарисовой рощѣ! Глава его приклонилася ко

плачевному предмѣту; и въ ужасъ приводящее молчанïе царствовало окрестъ ихъ; днесь подошелъ онъ колебаясь къ Евѣ, и поднявъ томную руку ея отъ трупа, съ горячностïю прижалъ ко груди своей. Ева! дражайшая супруга! говорилъ къ ней наклоняся, проснись! Любезная! подними свое лице, обрати съ омоченнаго слезами трупа на меня; не допущай горести побѣдить себя! Неужели печаль твоя всѣ нѣжности, всякое возпоминанïе обо мнѣ, объ мужѣ твоемъ, изтребляетъ? Ахъ! обрати лице свое ко мнѣ, дражайшая супруга! Праведно мы чувствуемъ несказанный страхъ смерти, горесть, и всѣ ужасныя грѣхопаденiя нашего слѣды; но безъотрадно влачиться въ прахѣ, есть оскорбленïе и грѣхъ! Сïе будетъ грѣховнымъ упреканïемъ Предвѣчной Истиннѣ, яко бы она тяжко насъ наказала! О Ева! престань отчаянно сѣтовать, доколѣ Безконечное Милосердïе насъ недостойныхъ всякаго източника утѣшенïя не лишило! Тако взывалъ Адамъ; и Ева возведъ взоры свои отъ трупа, взрыдала смотря на своего супруга, а по томъ на небо. О Господи! прости меня окаянную! прости, о супругъ мой любезный! неизрѣченна горесть моя! И

ты еще меня любишъ, меня... виновницу всѣхъ бѣдъ, братоубiйства, сей пролiянной крови! Ахъ! позволь мнѣ, Адамъ, съ руки твоей на сей трупъ, на кровь сiю позволь проливать слезы!... Сiе говоря, уклонила орошенное слезами лице свое въ его руки.

Рыдающимъ тако имъ, тако сѣтующимъ обоимъ, одинъ о другаго опершись, свѣтоносный образъ приближался къ нимъ изъ дали. Нѣжныя стопы его изображалися мгновенно взросшими благовонными цвѣтками; миролюбiе обитало на пресвѣтломъ челѣ его, утѣшительное дружество въ сiянiи его очей, и небесная красота на устахъ и на ланитахъ. Бѣлая риза, свѣтлѣе сребровидныхъ луну окружающихъ облаковъ, блестящими сборами тонкiй облекала его станъ. Тако предсталъ имъ небесный житель, и свѣжую окрестъ себя освѣтилъ зелень. Ева! рѣкъ Адамъ, возведи слезящiя очи, и удержи воздыханiя свои; зри приближающiйся небесный образъ; зри сколь миролюбно, съ какимъ утѣшительнымъ видомъ онъ идетъ! Уже блистаетъ отрада во мракѣ горести моей. Не плачь, Ева! встань, пойдемъ во срѣтенiе Небожителю. По

семъ приподнялась съ помощїю супруга своего Ева, и Ангелъ имъ предсталъ.

Удивленъ взиралъ онъ на первенца смерти; по томъ съ небеснымъ дружествомъ обратился къ Адаму, и ко оперщейся на него женѣ. Отъ сїянїя его далеко простерся чрезъ нихъ приятный свѣтъ; и тако доброгласнымъ произношенїемъ онъ рѣкъ: Будьте благословенны, о вы на трупѣ сына своего рыдающїя! Всемогущїй благоволилъ, да посѣщу я васъ въ сѣтованїи вашемъ. Между Ангелами, всегда окружающими на сей землѣ васъ человѣковъ, ни кто столь нѣжно сына вашего не любилъ, какъ я. Всегда я былъ при немъ, ежели велѣнїя Всевышняго меня отъ него не отлучали. Часто, когда добродѣтель его возторгомъ высокихъ чувствованїй выспрь возносившаяся, изливалась въ радостныхъ слезахъ или въ пѣсняхъ похвальныхъ, (которыя не рѣдко Ангели ему совоспѣвали,) вдыхалъ я въ него ангельскїя мысли, по елику душа бренїемъ облеченная понять можетъ. Не рыдайте безутѣшно, какъ будто бы совершенно умеръ онъ; безутѣшное бо сѣтованїе душамъ безсмертнымъ не прилично. Смерть освободила душу его отъ

угнетающихъ веригъ тѣла; добродѣтель его, разумъ и побужденія совѣсти свободны днесь и непринуждены; и онъ блаженъ, блаженнѣе нѣжели душа во бреніи ощутить можетъ, въ обществѣ Ангеловъ, приближенъ къ Богу. Возплачте о немъ, любезныя, но не безотрадно; малое токмо время на сіе потратьте: скоро по немъ и васъ похититъ смерть, хотя и въ различныхъ видахъ, но благочестивому всегда она есть долго ожидаемый другъ. Адамъ! тако Предвѣчный повелѣваетъ, предай истлѣвающее тѣло сіе землѣ; изкопай могилу, и покрой его землею. Сіе глаголя Ангелъ, съ небеснымъ дружествомъ еще разъ на нихъ воззрѣлъ; и взоръ его извелъ изъ печали души ихъ. Тако подкрѣпляетъ утомленнаго путешественника прохладное изъ свѣтлотекущаго източника питіе; давно уже прохождая жаркіи въ степи песокъ, скоро бы отъ палящей жажды палъ онъ изнеможенъ; но вдругъ усматриваетъ потокъ сребряновидными струями къ нему журчащій; при немъ успокоевается онъ радостенъ: ибо извивающееся теченіе онаго ведетъ взоръ его въ такую страну, гдѣ всѣ красоты природы съ веселіемъ его ожидаютъ, и гдѣ гостепріимный хозяинъ возметъ его

въ свой покровъ, и всякимъ прелестнымъ усладитъ угощенїемъ.

Исполненный благодарственнаго чувствованїя, устремилъ Адамъ взоръ свой въ разпростертый блескъ. Буди благословенъ, о другъ небесный! тако возопилъ онъ отлетающему во слѣдъ Ангелу. О Боже! колико Ты милосердъ! Ты призирая на бѣдствїе наше, повелѣваешь Ангеламъ утѣшати насъ. Подобаетъ ли, когда Твоя Всесущность объемлетъ насъ, когда ты человѣколюбно низводишъ на насъ свои взоры, когда летающїе окрестъ насъ Ангели каждый примѣчаютъ нашъ вздохъ, подобаетъ ли намъ, яко отверженнымъ, въ прахѣ влачиться? Подобаетъ ли душѣ нашей сѣтовать неутѣшно; душѣ, которая вѣчносущна и къ нескончаемому предшествуетъ блаженству, быть нетѣшной, что краткїй путь ея противностями усѣянъ? Хотя и долженствуемъ мы слезами блаженному, который въ жизни сей изъ объятїй нашихъ отторгся; но наипаче слезами и молитвами грѣшнику долженствуемъ. О Боже! колико я возрадуюся, ежели не во все удалишъ Ты его отъ лица Своего! О милосердый Господи! онъ первый изъ нѣдръ моихъ,

первый, котораго съ болѣзнїю родила Ева. Но ежели мы неутомленно ко Господу взывать объ немъ будемъ, Ева, то можемъ ли тогда о помилованїи его усомнится? Не достойны бы мы были безконечной Его благостыни, которой не лишилъ Онъ насъ грѣшныхъ, и о которой толь неизрѣченные далъ намъ обѣты, когда трепетали мы .... и ахъ! не помилованїя, но вѣчныя ожидали казни. Немедлѣнно, Ева, повинуемся велѣнїю Всевышняго; я перенесу трупъ къ сѣнямъ нашимъ, и тамо прахъ блаженнаго предамъ землѣ. Возлюбленный, сказала Ева, душа моя изъ сѣтованїя исторглась; все упованїе мое на горнїя утѣшенїя, на твою твердую добродѣтель, я слабѣйшая, полагаю, какъ юный плющь на крѣпкой удерживается подпорѣ. Днесь поднялъ Адамъ на плѣчи свои трупъ и плакалъ подъ симъ печальнымъ бременемъ; и Ева опершися на него рыдала. Тако шли они къ сѣнямъ.

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ.

Пѣснь Пятая.

Ѳирсія отъ безпокойнаго пробудилась сна, и боязненно вскочила съ одра кожами устланнаго. Тако встаетъ ужаснувшійся странникъ, который изнеможенъ лежалъ подъ каменною горою, въ страшномъ сновидѣніи мѣчтавшій, что вершина оной горы на него опровергласъ, но что благодѣтельствующіи Ангелъ предостерегъ его; онъ со трепетомъ отбѣгаетъ и гора падаетъ; ищетъ сотоварища труднаго своего путешествія, и не вѣдаетъ что подавленъ онъ подъ камнями лежитъ. Въ такомъ трепетѣ вскочила она и рѣкла: Какіе ужасные во снѣ казалися мнѣ виды! мрачные, страшные виды; не могу ихъ наименовать. Благословенно буди, прекрасное дневное свѣтило! ты прогнало ихъ отъ воображенія моего. Здравствуйте пріятнѣйшія попеченія моего предмѣты, о вы растущіе здѣсь цвѣтки! различное ваше утреннее благовоніе усладитъ возмущенныя мои чувствы, и....

о вы, веселые обитатели воздуха! сколь радостно утреннѣе ваше пѣнїе раздается! глас мой присоединится к вашим пѣсням, и благодарное хвалѣнїе мое возкурится к Господу со благоуханным благодаренїем всего ободреннаго естества. Благодаренїе и хвалу гласит душа моя Тебѣ, о Творец и Вседержитель! Твоя Всесущность бдит над нами благословящим оком, когда нощь и сон объемлют нас. Ах!... благодаренїе мое и хвала возносится к Тебѣ со благодаренїем всего ободреннаго естества! По сем вышла она из сѣни своей к разпустившимся вновь цвѣткам, которых первое благоуханїе утреннїе ветерки похищали. Но еще, тако она продолжала, еще боязнь в груди моей вкорененна, еще сердце мое трепещет. Что значит сїя необычайная боязнь? Назвать ея не могу, но страшнѣя она туч, которыя подобно горам оризонт пробѣгают; тогда нѣмѣет радости глас и возмущенные луга ожидают бури. Гдѣ ты, Авель? брат мой! ты.... о часть души моей! я бѣгу в объятїя твои, трепетными смущенїями гонима, подобно как бѣжит, заблуждшїйся нощїю в удалѣнной и мрачной дубровѣ и боязненным

содроганіемъ къ поспѣшности понуждаемый человѣкъ.

Рѣкла и къ поспѣшности стопы свои поощряла, какъ Мегала изъ сѣни своей на встрѣчу ей вышла. Здравствуй, любезная сестра! возопила она къ ней. Куды устремляешъ ты поспѣшныя стопы, куды? и отъ чего съ разпущенными волосами и утренними цвѣтками не украшенная?

Я спѣшу, отвѣтствовала Ѳирсія, спѣшу въ объятія моего любезнаго: необычайные во снѣ встрѣвожили меня страхи, и до днесь еще тяжко грудь мою стѣсняютъ. Прекрасное утро ихъ не разогнало; и я спѣшу къ моему супругу. Ахъ! они изчезнутъ въ объятіяхъ дражайшаго, когда цвѣтущая весна, когда веселіе всей природы отъ меня ихъ не разточило.

Каинова супруга рѣкла воздыхая: А мнѣ въ комъ искать утѣшенія себѣ, благополучная сестра? только въ любящемъ меня родителѣ, въ нѣжной матери, въ тебѣ, Ѳирсія, и въ возлюбленномъ твоемъ я его обрѣтаю. Такъ, съ вами будучи освобождаюсь я мучитель-

ныхъ горестей, которыми строптивое Каиново свойство жизнь мою обременяетъ. Увы! вся прекрасная природа только ненавистнаго роптанія являетъ ему предмѣты; работа къ его обогащенію нивою требуемая, несносное предполагаетъ ему бремя; и о! колико мучитъ меня ненависть его ко кроткому брату!

Тако плачущая горько вѣщала Каинова супруга, на которую Ѳирсія взирая полными слезъ глазами, и обнимая ее, рѣкла: Сколь часто, любезная сестра! извлекаетъ сіе, изъ очей моихъ и супруга моего, въ безсонныя нощи, горькія слезы! Воздѣвъ руки молимся мы тогда ко Господу. О естьли бы лучь Его милосердія прогналъ изъ груди Каиновой мрачныя тѣни, въ которыхъ столь вредная возрастаетъ плева, и всѣ добродѣтели его уничтожаетъ! тогда бы сладостное спокойствіе во кругъ сѣней нашихъ паки процвѣло, и удалилась бы грусть отъ чадолюбиваго родителя и нѣжной матери нашей.

Проливая слезы отвѣтствовала Мегала: О семъ, ахъ! о семъ и я почти всякую молюся нощь! Когда же я вспле-

снувъ руки молюся и тихо рыдаю, и когда скорбныя воздыханія громко изъ устъ моихъ излетаютъ, тогда онъ подлѣ меня лежащій пробуждается, и громоподобнымъ гласомъ прогоняетъ меня укоряя, что я приятный нарушаю его покой, единое благо, вѣщаетъ, оставленное въ бѣдствіи на сей тяжко проклятой Мстителемъ землѣ. Ахъ! Ѳирсія! о томъ же молюся я съ воздыханіемъ и за домашними упражненіями въ сѣни своей пребывая; тогда невинныя дѣти мои бѣгая въ кругъ меня, и примѣтя скорбь и слезы мои, плачутъ и младенческимъ произношеніемъ съ ласкою единъ другаго вопрошаютъ: о чемъ плачетъ прискорбная матерь? Увы! Ѳирсія! я увядаю въ горести, какъ увядаетъ цвѣтокъ, котораго навѣсившійся густый кустъ, прохладительныя росы и согрѣвающихъ солнечныхъ лишаетъ лучей. Еще прежде возхожденія багряныя денницы, вышелъ онъ сегодни изъ сѣни; но ахъ! колико ужасенъ! никогда еще неприязненность такова на челѣ его не являлась; ярость сверкала изъ очей его густыми бровями осѣненныхъ; вышедъ за порогъ онъ проклиналъ, (я по слышала и трепетала) часъ рожденія своего проклиналъ. Тако поздравлялъ

онъ румяное утро. Правда что иногда просіяваетъ добродѣтель, (сіе и ты Ѳирсія часто видала) въ мрачномъ его нравѣ, и развеселяетъ его; разкаявшійся плачетъ онъ тогда, и проситъ прощенія, что оскорбилъ насъ; но увы! вскорѣ затмѣвается лучь сей добродѣтели, подобно какъ въ скучныхъ дняхъ зимнихъ съ пріятностію просіяваетъ солнце, и темными паки покрывается облаками. Однако же, о Ѳирсія! я всегда питаю надежду, что напослѣдокъ, ежели мы непрестанно молиться будемъ Господу, веселая весна разгонитъ мракъ сей совершенно.

Тако продолжала Мегала, какъ поблѣдневшая Ѳирсія устремила вниманіе свое въ кустарникъ: Какіе стѣнящіе вопли слышатся изъ сего лѣса? трепещущая рѣкла... Никакое, ахъ! никакое сѣтованіе, любезная сестра! подобно сему не выражалось . . . Отъ туда, Мегала, изъ лѣса....Ахъ!....вопль сей близится! . . . . Боже! . . . . При семъ упала Ѳирсія на руки своей сестры.

Адамъ колеблющимися стопами выходилъ изъ подъ деревъ: на плѣчахъ

своихъ несъ онъ горестное бремя, сына своего бездушный трупъ; печальная подлѣ него шла Ева; то взирала она на окровавленное тѣло, то возводила къ небу потемненное несказанною горестїю лице, то сокрывала его во власы свои капающїе слезы.

Смертно блѣдная лежала Ѳирсїя на трепещущей рукѣ своей сестры; но и Мегала, колеблющаяся и чувствъ лишенная, не могши удержать оперщееся на нее бремя, упала на землю. Какъ три любви достойныя подруги, (каковымъ въ нѣжномъ дружествѣ подобныхъ не бывало) обнявшїяся идутъ прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ на желтое класами озлащенное поле, но незапный громъ пролетаетъ предъ ногами ихъ, и онѣ сраженныя повергаются на землю; по томъ, когда двѣ изъ нихъ отъ пораженїя очувствуются дрожащи, и узрятъ пеплъ подруги своей предъ собою: тако устрашенныя сестры очувствовались и убїенаго узрѣли. Адамъ положилъ его на траву; между тѣмъ придерживалъ рыдающую жену свою, дабы и она не повергласъ . . . . Гдѣ я? возопила Ѳирсїя, гдѣ? О Боже! . . . . онъ лежитъ еще . . . . Авель! ахъ! почто очувствовалась

я? . . . ненавистный свѣтъ! . . . . Ахъ, я бѣдная! . . . . Мегала! . . . . увы! . . . . еще онъ лежитъ, ... мертвъ! . . . . О ужасъ! какъ громъ падаешъ ты на меня! . . . . Ненавистный свѣтъ! почто очувствовалась я?

Ѳирсія! трепещущимъ гласомъ вопіяла Мегала: . . . не устрашай . . . ахъ! не устрашай себя ужаснѣйшимъ помышленіемъ! . . . и меня . . . и меня поражаетъ оно какъ громъ! . . . Ѳирсія! увы! ты паки чувствъ лишилась! Опомнись, Ѳирсія! пойдемъ къ нему, не всѣ еще бѣдствія мы познали! не мертвъ онъ; . . . пойдемъ къ нему; твой гласъ, твои объятія разбудятъ его.

Тако вѣщали сестры, и опираяся одна о другую, въ силахъ изтощенны, приближались зыблющіяся ко трупу. О Адамъ! о Ева . . . ахъ! какъ вы обливаетесь слезами! . . . Трепещу! . . . тако вопіяла Ѳирсія и подошла ко трупу . . . . Авель! . . . Авель! . . . любезнѣйшій! . . . . блаженство мое, жизнь моя, все счастіе мое! . . . проснись! . . . О горесть! ты не пробуждаешся! . . . Авель! . . . услышь рыдающій мой вопль! услышь, ахъ! услышь свою супругу! Днесь пала она на трупъ

и хотѣла его обнять; но громко возопивъ съ трепетомъ отклонилась, язву и кровiю обагренное чело увидя. Безмолвна, оцѣпененна, какъ мертвая сѣла она по томъ, подобно мармору поблѣднѣвшая; отчаянiе на разверстыхъ и неподвижныхъ явилося очахъ. Подлѣ ней плакала Мегала, ломала руки, слезящими глазами взирала на небо, и рыдала по томъ ко трупу обратяся.

Адамъ возчувствовалъ ихъ скорбь, плакалъ, и тако ихъ утѣшалъ: Любезныя! о Мегала! о Ѳирсiя! могу ли я, злополучный, утишить печаль вашу! Ахъ! не плачте безутѣшно. Когда мы съ Евою надъ симъ трупомъ рыдали, тогда небесною красотою облеченный предсталъ намъ Ангелъ, возвѣстя утѣшенiе отъ Бога. Не плачте безутѣшно, рѣкъ онъ, какъ будто бы во вся Авель умеръ; но погребите бренный трупъ. Душа его освободилася отъ узъ плоти; онъ днесь блаженъ, блаженнѣе нѣжели душа во бренiи ощутити можетъ; краткое время пождете его, по томъ и вы будите съ нимъ блаженнѣе нѣжели душа во бренiи ощутити можетъ... Любезныя! ахъ! не оскорбляйте праведника сѣтованiемъ безутѣшнымъ!

Оцѣпененна и безгласна Ѳирсія сидѣла, а супруга Каинова, тако горесть свою выражала: О родитель! позволь намъ плакать! Увы! сколь жалостно лежитъ здѣсь тѣло твое, о ты утѣшеніе, о ты возхищеніе наше! Авель! ахъ! ты оставилъ насъ; и наше сладчайшее будетъ впредь упражненіе рыдати по тебѣ до самыхъ минутъ смерти нашей. Да, ты преселился днесь во блаженство, ожиданіе котораго священныя исторгало иногда изъ очей твоихъ слезы. Увы! ты покинулъ насъ; и сладкое упражненіе наше будетъ до вожделѣннаго часа смерти, плакать по тебѣ! О! Каинъ! Каинъ! гдѣ ты былъ какъ умеръ братъ твой? О естли бы тогда со братолюбною облобызалъ ты его нѣжностію, и благословеніе умирающаго изпросилъ: ахъ! съ какимъ бы возхищеніемъ обнялъ онъ тебя ослабѣвающими руками, съ какою бы любовію умирающими устами благословилъ! Сколь сладкимъ утѣшеніемъ, сколь цѣлебною отрадою было бы сіе тебѣ въ предбудущіе дни!... Но... о Боже!... какая еще новая печаль въ безчувствіе повергаетъ тебя?... ты упадаешъ Ева! ... И какое, увы! отчаяніе простирается на лицѣ твоемъ, родитель мой? Спра-

шная мысль! Гдѣ онъ! Адамъ! Ева! ахъ! гдѣ Каинъ? гдѣ супругъ мой?

Падшая возопила Ева: Куда, куда всесильное Мщеніе загнало его? О Боже! сей злодѣй! . . . О! удались изъ памяти моей гнусное возпоминаніе! или одну меня терзай, о ты мерзкое, противное возпоминаніе! какъ адъ грудь мою терзай! О я злосчастная! что должно мнѣ сказать! . . . Мегала возкликнула: Ударь симъ громомъ на одну меня, о матерь! опрокинь бурю сію на меня! Ахъ! уже свирѣпствуетъ въ груди моей громоподобная мысль! Родитель мой! мать моя! ахъ! не щадите! . . . . Увы! Мегала! Ѳирсія! . . . Каинъ! сей злодѣй, . . . о неизрѣченное страданіе! . . . онъ убилъ его! Тако возопила Ева, и отъ чрезмѣрной скорби онѣмѣла.

Въ безмолвномъ отчаяніи Каинова трепетала супруга; ни единая слеза не протекла изъ неподвижныхъ ея очей, только хладный съ лица ея лился потъ, и блѣдныя уста дрожали; по томъ возопила она: Онъ убилъ брата своего! Каинъ, мужъ мой, брата своего убилъ! Мерзость! . . . Гдѣ ты, братоубійца! Куда! . . . куда злодѣяніе тебя прогнало? Не Божій ли . . .

ахЪ! не Божій ли отмстилЪ брата громЪ? НѣтЪ уже тебя, несчастный? Гдѣ ты? по какимЪ мѣстамЪ отчаяніе гонитЪ тебя? Тако вопія, рвала власы.

Братоубійство! воскликнула Ѳирсія. АхЪ!... какЪ возмогЪ онЪ... какЪ возмогЪ онЪ добродѣтельнаго, сего благочестиваго умертвить? Конечно умиленнымЪ любовію окомЪ онЪ на него взглянулЪ! КаинЪ! о! проклятЪ, . . . проклятЪ буди .... АхЪ, Ѳирсія! не кляни его, возопила Мегала, не кляни злополучнаго; онЪ братЪ твой, онЪ мой мужЪ! Не кляни, но помолимся о грѣшникѣ. Когда палЪ окровавленЪ добродѣтельный, то конечно сЪ сожалѣніемЪ на него взглянулЪ и благословилЪ его; а днесь молитЪ онЪ за него, предЪ БезначальнымЪ престоломЪ. ПошлемЪ и мы изЪ праха молитвы наши, кЪ горнему моленію его присоединяя. О! не кляни его, Ѳирсія! не кляни брата!

Куда влечетЪ меня горесть! рѣкла Ѳирсія. Я не проклинала его, Мегала! не проклинала я, злосчастнаго!... Днесь повергласяна трупЪ, и долго вЪ безволвной горести лобызала она кровію окропленныя ланиты и охладѣвшія уста; по томЪ

прерывчиво продолжала: Ахъ! по что не могла я, когда изпустилъ ты духъ, сїи увядшїя облобызать уста, и еще разъ тебя услышать вѣщающаго мнѣ о своей любви! Тогда, ахъ! тогда смыкающїяся твои очи еще бы разъ на меня взглянули; и... о ежели бы тогда въ разлучныхъ объятїяхъ твоихъ душа моя съ тѣломъ разлучилась! . . . . и ежели бы теперь блѣдное тѣло мое подлѣ твоего лежало! Но ахъ! я къ неизрѣченной остаюся скорби; и что до днесь было прелестно, то будетъ впредь умножать мою печаль. Тѣнистыя бесѣдки! въ васъ слышаться мнѣ будетъ, какъ будто бы вопрошающее меня осѣненїе ваше: гдѣ тотъ, который предъ симъ въ тѣни нашей съ возхищенїемъ тебя лобзалъ? Журчащїе източники вопросятъ: гдѣ онъ? Но увы! оставленная!.... подъ тѣнїю обросшихъ васъ деревъ, на брегахъ вашихъ впредь только горесть свою оплакивать я буду. Навсегда, ахъ! навсегда онъ меня оставилъ!.... Увы! вѣчно будутъ мнѣ мѣчтаться сїи неподвижныя, померкшїя очи, сїя мертвая бѣлизна, и сїя кровь на челѣ его и на блѣдныхъ ланитахъ! Теките, о слезы! теките непрестанно на бездыханное тѣло, Оно... ахъ! сей прекрасный трупъ, бла-

городнѣйшую душу свою унижалъ къ сожитію со мною. Сколь ощутительно блистали добродѣтели въ прелестной его красотѣ, блистали въ милыхъ взорахъ, осклаблялися на ланитахъ и на устахъ! а днесь разлучилися они съ тѣломъ, ставъ пречисты, преблаженны для пребыванія со смертными, для сожитія со мной. Теките, о слезы, теките непрестанно на бездыханный трупъ, доколѣ стремящаяся къ нему душа моя не оставитъ прахъ свой при прахѣ его!

Тако сокрушалася Ѳирсія, рыдая на убіенномъ. Ева со усугубленною печалію горесть дщерей своихъ зрящая: О дѣти! рекла, сколь мучительно я чувствую скорбь вашу съ моею совокупно, и колико терзаютъ меня ваши слезы! Ахъ! ваши жалобы угрызающія суть мнѣ упреканія;... мнѣ, которая грѣхъ, проклятіе и смерть привлекла на свѣтъ. Простите, увы! простите меня бѣдную, простите мать вашу съ болѣзнію васъ родившую! Дщери обняли колѣни ея и взывали къ ней тако: Ради тѣхъ болѣзней, съ которыми ты насъ раждала, Ева! не помышляй о таковыхъ упреканіяхъ, не умножай горести нашей новыми страданіями! О ты болѣзненно насъ рождшая!

не помышляй.... не имянуй упреканїями сихъ стоновъ, сихъ слезъ! О ежели бы возмогли мы превозмочь печаль нашу, то бы ни единый не изторгся изъ груди нашея вздохъ, и ни единая изъ очей слеза. Но какъ можемъ мы противостояти естеству, нѣжной противустоять любви? Они требуютъ сихъ слезъ. Когда они тако обнимали колѣни матерни, и слезящими глазами нѣжно на нее взирали, тогда рѣкъ Адамъ: О мои любезныя! не будемъ медлить въ исполненїи велѣнїя Всевышняго; сей трупъ, сей предмѣтъ слезъ и сѣтованїя нашего предадимъ матерней земли утробѣ. Изцѣляющее время и торжествующїй разумъ облегчатъ нашу горесть: она будетъ тогда, какъ вожделѣнїе невѣсты того дня, который приведетъ ея въ объятїя дражайшаго жениха. Предай его матерней земли утробѣ, рѣкла Ѳирсїя, и плача на отца взирала. Но любезнѣйшїй родитель! позволь мнѣ въ послѣднїя оплакать его, и по томъ предай землѣ. По семъ разпростерши руки повергласа на трупъ.

Адамъ началъ копать могилу; Ева и Мегала плачущїя стояли подлѣ него. Между тѣмъ невинныя Каиновы дѣти,

держася за руки со трепетомъ приближалися изъ своей сѣни. Любезный Іосія! златовидными кудрями украшенный Еліель рѣкъ, что значитъ плачь сей? Подойдемъ ближе; видишь ли Авеля? . . . отъ чего онъ лежитъ блѣденъ, волосы окровавленны? Такъ, любезный братъ! лежитъ агнецъ на жертву убїенный. Любезный Еліель! юнѣйшїй Іосія вѣщалъ; взгляни какъ плачетъ Ѳирсїя надъ нимъ; видишъ ли, что его неподвижныя глаза и не смотрятъ на нее? Отойдемъ; меня ужасаетъ такое зрѣлище; пойдемъ скорѣе къ плачущей матерѣ нашей. По семъ пробѣжавъ дѣти мимо трупа и ласкаясь къ Мегалѣ: Любезная мать! вопрошали, о чемъ всѣ вы плачете? для чего лежитъ тамъ Авель, какъ жертвенный агнецъ? Мегала обнявъ чадъ своихъ, и проливая на нихъ слезы, рѣкла: Любезныя дѣти! смерть взяла душу его изъ праха и пренесла ко Ангеламъ въ вѣчное блаженство. Такъ онъ не проснется, возопилъ Еліель плача, онъ не проснется болѣе; онъ, что насъ священнымъ училъ пѣснямъ, который толь нѣжно насъ любилъ . . . онъ, Іосія! который сажая насъ другъ противъ друга на колѣни свои, и о Творцѣ и объ Ангелахъ, и о чудесахъ

природы намъ разказывалъ; онъ не проснется болѣ! О родитель нашъ! какъ ты будешь плакать возвратяся съ поля! Такъ говоря завертывалися плачущія въ сборы одежды матерней, во кругъ колѣнъ ея развѣвающейся.

Днесь изкопалъ Адамъ могилу. Встань, Ѳирсія, встань, любезная! не принуждай медлить насъ преданіемъ праха сего землѣ: Господь сіе повелѣлъ, Ѳирсія! не будемъ медлить! Тако взывая Адамъ приступилъ къ ней и нѣжно взялъ ея за руку; она встала; безмолвна лежала она на трупѣ, но нѣкіимъ священнымъ видѣніемъ обрадованная встала. Да, я видѣла его, въ лучезарномъ сіяніи предсталъ онъ мнѣ; сколь величественно! я видѣла блаженнаго.... Не рыдай, Ѳирсія; блаженъ бо есмь; вскорѣ преселишся ты ко мнѣ, и тогда не разлучитъ насъ ни какая смерть. Рѣкъ, и небеснымъ веселіемъ озаренный сокрылся; лучезарное сіяніе по стопамъ его протекая удалилось. Тако вѣщала Ѳирсія, и превозходное утѣшеніе просіяло на лицѣ ея. Погреби, любезный родитель! погреби бренный сей трупъ! По томъ встала она и приступила къ матерѣ своей и сестрѣ. Мать и сестры укрыли

свои лицы въ разпущенные власы; а Адамъ плача облекъ трупъ кожами, положилъ его въ могилу и наметалъ землею. Помолимся теперь Всевышнему, рѣкъ Адамъ; дражайшая супруга, и вы любезныя дщери! преклонимъ здѣсь колѣни при могилѣ его. По семъ они спали у могилы на колѣни; Елїель и Іосїя, то же возлѣ матери своей учинили; и тако молился праотецъ, сложивъ на персяхъ свои руки.

О Ты, во превыспреннихъ обитающїй небесахъ, о Творче! Господи! превѣчно Правосудный! нескончаемо Благїи! Се поверженые предъ Тобою, се при гробѣ первоуспшаго, мы бренные грѣшники молимся Тебѣ. Внемли, о Боже! молитву нашу! обрати милосердые Свои на насъ взоры, въ сїю смерти юдоль, во обиталище грѣшниче! Велико преступленїе наше, но наипаче превѣчное Милосердїе Твое велико! Нечисты, ничтожны мы предъ Тобою; но Ты не отвращаеши лица Своего отъ насъ. Мы стѣнаемъ въ скорби, которую сами на себя проїяли; но Ты человѣколюбно услаждаешъ скорбь нашу. Ты позволяешъ намъ молитися Тебѣ; ибо не во все оставилъ, Ты грѣшника. Буди вѣчно прославляемъ,

о Ты горнихъ Царь! не точію приятная прославляетъ Тебя вѣсна, не точію безоблачныя благовѣствуютъ небеса, но и благовѣститъ Тебя громъ, когда онъ во мрачныхъ мчится облакахъ; порывистые возвѣщаютъ Тебя ветры, надъ землею въ ревомъ носящіеся, ярящаяся буря и жузжащій дождь. Да возхвалитъ Тебя осклабляющееся веселіе, да возхвалятъ и слезы скорбящихъ! Узрѣли мы днесь изчадіе грѣха, узрѣли смерть; лютообразна явилася она въ сѣняхъ нашихъ; ужаснѣйшее преступленіе (и не стѣнала тогда земля, и мрачная не закрутилася надъ ними буря?) гнусное преступленіе за руку ея провождало; первенецъ изъ нѣдръ моихъ.... увы! кости мои содрагаются!... предалъ смерти брата своего! О! не отврати лица Своего отъ меня дерзающаго молити за него! Не отрини его всеконечно отъ Себя, о благоутробный Господи! Возри на преступника, да содрогнется душа его, преступленіе свое созерцая, да падетъ онъ предъ Тобою на землю, и да со слезами о прощеніи молитъ Тебя непрестанно; и когда будетъ онъ непрестанно молитися Тебѣ, когда преступленіе неизрѣченными муками терзати ею начнетъ, тогда, ахъ! тогда разсыпь

сѣмяна утѣшенія во страданіе его! О Боже! Боже! не отрини дерзостныя сея молитвы! Я изкопалъ землю, и орошенную слезами наметалъ ее на тѣло убіеннаго; внуши молитву нашу; она возносится къ Тебѣ отъ гроба первенца тли! Внемли, о Господи! молящихся насъ со плачемъ за первороднаго, и ахъ! не истреби его гнѣвомъ Своимъ! Внемли насъ слезно просящихъ за него въ часы безсонныхъ нощей, внемли при возхожденіи солнца и при захожденіи его! Но, о спасеніе наше! вѣчная буди Тебѣ хвала! Ты возприялъ душу убіеннаго къ Себѣ. Первую жертву получила смерть; и мы последуемъ ему, единъ по единому во мрачный гробъ, въ вѣчность перейдемъ. О Ты! Котораго мановеніе создало небеса, Котораго Слово сотворило міръ; земля и небо прейдутъ, но Ты Безконеченъ есть. Мы въ прахѣ живемъ, и потребится прахъ нашъ; но Ты вѣчно Неизмѣненъ, и соберешь насъ въ царствіе Свое; и разкаявшагося грѣшника и праведника, которой скорбитъ, что его добродѣтель противу желаній его немощна, и что еще имѣетъ она образованія человѣческія слабости; Ты соберешь ихъ къ Себѣ, да вѣчно радуются,

что они чисты суть яко Ангели. Ибо... о неизповѣдимое обѣщаніе! сѣмя жены поперетъ главу зміину! Ликовствуй земля! пѣснословь все естество! и мы да возхвалимъ Его, хотя злополучіе и греметъ днесь надъ нами. Человѣкъ съ сотвореннаго достоянія низко палъ; но въ томъ спасеніе наше, что не на вѣки Господь отринулъ человѣка, и милосердо призираетъ его, хотя и строгій, содержитъ судъ. Онъ палъ, онъ, котораго Богъ столь блаженна сотворилъ; и когда онъ согрѣшилъ, тогда трепещущій, стоя до лица земли преклоненъ, не сказаннымъ страхомъ одержимый, ожидалъ вѣчнаго проклятія, вѣчныя казни; и чего менѣе ожидати онъ могъ? Но все естество торжествуетъ великое таинство: Онъ поперетъ главу зміину! Великое таинство, хотя и покрытое священнымъ, всякой твари не проницаемымъ мракомъ, о ты предивное грѣшника съ Богомъ примиреніе!... И мы еще въ бренномъ обиталищѣ нашемъ беззаконныя проливая слезы стужаемъ, что сонъ жизни сей, доколѣ ближущаяся смерть разлучитъ душу отъ грѣховныя плоти, и отъ оковъ заслуженнаго проклятія освободитъ, премѣнно радость и скорби представляетъ? Но

разлученная душа съ тѣломъ, ежели она, хотя и бренїемъ облеченная, первоначальное достоянїе свое сохраняла, ежели она любила Господа, безконечнымъ милосердїемъ къ любви ея возпламенявшаго, пойдетъ тогда къ Богу. Ахъ! я проницаю священное будущее, и вижу тѣхъ, которые смертїю преселятся въ небеса, вижу многочисленный ихъ сонмъ, чистыхъ, подобно огню, который Ангели на жертвенникѣ предъ Всевышнимъ престоломъ возжигаютъ; между Ангелами они стоятъ, и вѣчную поютъ алилуйю во славу Сѣдящаго на престолѣ мїровъ! О что я чувствую! какимъ восторгомъ душа моя возхищенна! сего никогда она не ощущала. Хвалу произноситъ она Тебѣ, о безконечно Милосердый! во священномъ восторгѣ плаваетъ она; и хотя бы съ равною первымъ Ангеламъ силою помышляла, то бы не могла сего изрѣщи; могла бы токмо хотѣть... токмо ощущать!

Адамъ умолкъ, и долго во священномъ безмолвїи пребылъ; подобно какъ и стоящїя съ нимъ у гробницы, на долго же въ безмолвїи остались. Величественною окрестъ ихъ тишиною торжествовала природа дѣйствїе сїе, и на лазуре-

вомъ небѣ, ни единый не промчался надъ ними облакъ.

Вскорѣ наступилъ прохладнымъ сумракомъ и спокойною тишиною препровождаемый вечеръ. Робкимъ страхомъ и угрызающею совѣстїю гонимый Каинъ, заблуждался въ пустынѣ; по семъ утомленный сѣлъ онъ противъ грядущїя луны, и страшный его гласъ тако по вечерней раздавался тишинѣ. Се изъ зачерныя горы возходитъ по мрачному небу полная луна, и изливаетъ блѣдный свѣтъ и тишину; все дыхаетъ спокойствїемъ и прохладою подъ сводомъ усѣяннымъ частыми звѣздами; все, кромѣ человѣка: скорбный стонъ и сѣтованїе произходятъ отъ сѣней его. Я, я злодѣй! внесъ въ сѣни ихъ сїю печаль! На меня жалобу творятъ сїй воздыханїя, сей бѣдствующїй стонъ, который отъ нихъ изторгаяся по нощному раздается небу! Въ сей день... внемлите звѣзды! внемли луна, и измѣнися и закройся въ облакахъ! въ сей день... да будетъ проклятъ онъ! сестра твоя земля упилася кровїю первоубїеннаго; и я злосчастный, здѣсь трепещущїй, я пролилъ на землю сїю кровь... кровь брата моего! Увы! лишите меня впредь вашего благотвор-

наго влїянїя, лишите онаго пашню, которую я удобряю, и страну обитаемую мной; я убилъ брата своего! Облеки меня мрачная тьма! скрой меня отъ очей природы! Подъ кровомъ твоимъ невидимъ, бѣдствїе свое неся убѣгу я туда, гдѣ ни чїи стопы по поблекшей травѣ не проходятъ, убѣгу обитати въ каменныхъ ущелїяхъ, гдѣ зловонныя воды, какъ слезы капаютъ съ крѣмнистыхъ горъ глубоко въ тиноватую обитель гнусныхъ гадовъ; гдѣ жилище хищныхъ птицъ дикїй, сплетшїйся кустарникъ высоко надо мною растущїй, лице неба похититъ отъ меня; тамо стѣнать, вопить и влачиться буду я по землѣ. И ежели тамъ съ темныхъ крылъ своихъ разсыплетъ ужасы на меня сонъ, то и тогда предстанетъ мнѣ образъ его съ раздробленною главою и кровоточащими власами.

Тако трепеталъ, тако стѣналъ Каинъ въ нощной тьмѣ; по томъ на долго сокрушающейся умолкъ. Устрашенная плачевнымъ воплемъ его нощная птица тихо пѣла въ далекѣ, и токмо легкое жузжанїе по всей около его раздавалося странѣ; днесь со страхомъ озираясь, паки началъ онъ. Пожалѣйте, о вы возвышающїеся здѣсь холмы! о дубравы!

пожалѣйте обо мнѣ: я злосчастенъ, не вообразимо злосчастенъ я; а злосчастный состраданія достоинъ. Скорби о мнѣ, о ты прекрасное естество! для меня, ахъ! для меня больше не прекрасное! О вы свидѣтели Всесущности милосердаго Бога, но ко мнѣ уже не милосердаго; симъ быть не можетъ мнѣ вѣчный Мститель! Еще умолкъ, и паки продолжалъ: Ахъ! теперь плакать я могу, но прежде не могъ; теките слезы, о вы дражайшія знаменованія смягчающагося бѣдства! Прежде токмо отчаяніе было, днесь сѣтующая и слезящая скорбь. Ахъ! теките, слезы! Удостой ихъ принять земля! я проклятъ отъ тебя, но . . . пріими благосклонно слезы неизрѣченнаго бѣдствія моего!... Какая раждается во мнѣ мысль!... Слезы льются усугубленно!.... Такъ, ... сокрытый теперь нощію, пойду я къ сѣнямъ скорбящихъ, еще единожды увидѣть ихъ, единожды благословить ... Благословить!... мнѣ? Гнѣвные вѣтры развѣютъ отъ устъ моихъ мерзкое благословеніе. Увы! несчастный! я не могу болѣе благословити ихъ! Однако же я пойду, благословлю и оплачу ихъ; и по томъ... ахъ! по томъ на всегда удалюсь отъ нихъ; отъ тебя, Мегала! отъ

дѣтей нашихъ удалюся я .... на вѣкъ! Горькiя слезы пресѣкли гласъ его; и орошая ими уединенный путь свой, приближался онъ къ сѣнямъ.

Проходилъ онъ зеленѣющуюся беседку, которую убiенный на приятномъ навѣсѣ высокаго насадилъ холма. Возрастай, рѣкъ онъ ея насаждая, высоко съ прохладною тѣнiю возрастай, да поздные наши потомки во осѣненiи твоемъ сѣдящiе повѣствуютъ: здѣсь первенца своего родила Ева, здѣсь благословила она его слезящая въ первый на свѣтѣ разъ; его, первую утѣху уединенно провождаемыхъ дней; Каиномъ наимяновала она его, и съ неизрѣченнымъ возхищенiемъ лобзая рѣкла: Богомъ стяжу тебя. Братоубiйца проходилъ ее отвратя лице; ужасомъ произведенный потъ лился съ его чела, и едва несли его подгибающiяся колѣни. Тако проходя гробницу отца своего беззаконный трепещетъ сынъ, который алчущему старцу, во утомленiи возвратившемуся съ нивы, вмѣшалъ во брашна ядъ; приятное благовонiе сплетенныхъ вѣнцами цвѣтковъ, благочестивыми сестрами его во кругъ урны отчей обвѣшенныхъ, и шумъ пригробныхъ древесъ ими на-

сажденныхъ, ужасный въ слѣдъ ему мимоидущему гонитъ страхъ. Трепещущїй Каинъ прошелъ оную и приближился къ сѣнямъ. Лунное сїянїе ударяло на нихъ блѣдный свѣтъ проницающїй сквозь густыя древесныя вѣтьви, и печальная тишина окружала ихъ. Увидя сѣни, прослезился онъ, и ломая руки долго былъ безгласенъ; чрезмѣрная скорбь надмила грудь его; оцѣпененъ остановился онъ въ пустынной тишинѣ. Сколь тихо обитаетъ здѣсь печаль! томно рѣкъ; или сїе шепетанїе ... не вздохили? Или безъ сонной нощныя горести вопль отъ сѣней произходящїй? . . . Здѣсь ... здѣсь трепещетъ онъ во мракѣ, гонимый адомъ, который васъ обиталищемъ скорбнаго учинилъ вопля;.... который ... ахъ! злодѣй! спокойствїе и всякое семейственное веселїе отъ васъ прогналъ. И я дерзаю дышати воздухомъ, въ которомъ стѣнанїя скорбящихъ раздаются; въ тѣ мѣста дерзаю я вступать, которыя сѣтованїю праведниковъ чрезъ мое злопреступство посвященны!... Бѣги, не оскверняй священныя страны!...Ахъ!.. я убѣгу, злосчастный! но хотя нѣсколько мгновенїй устремлю на нихъ отчаенный свой взоръ; да позволится мнѣ, окаянному, хоть мало пролити

слезъ, хотя единожды смертоносныя всплеснуть руки, и по томъ я убѣгу! Будьте благословенны!... вы... о злополучный! едва не осквернилъ я священныхъ имянъ, которыя священнѣйшіе, достопочтеннѣйшіе узлы, человѣковъ соплетающіе, носятъ; будьте благословенны! Да со мракомъ нощи всѣ печали отъ васъ удалятся и приобщатся къ моему вѣрному сожитію въ проклятомъ для меня мірѣ! Да забудите вы на вѣкъ того, котораго образъ мученіями васъ терзаетъ; да на вѣкъ забудете меня! О ужасное желаніе премногозлополучнаго!

Каинъ остановился днесь во мракѣ, и дрожащія ломая руки плакалъ, какъ нѣкто въ темнотѣ косными проходилъ стопами. Хладный потъ, яко потъ смертный, облилъ его внутреннюю; трепещущъ силился онъ бѣжать, но не могъ, и безчувственъ палъ на кустъ.

Въ горестную нощь сію оставила Ѳирсія овдовѣвшее свое ложе, и въ горькихъ слезахъ вышедъ изъ своего жилища, сѣла на орошенную траву возлѣ насыпи надгробной; всплеснувъ руки, оцѣпененный взоръ устремила на звѣздное небо, по томъ повергшися на могилу

пролила потоки слезъ во взрытую землю. Здѣсь . . . тако она рыдая вѣщала, ахъ! здѣсь лежитъ спокойствїе и всѣ радости мои; здѣсь, подъ сею землею слезы мои поглощающею, лежитъ . . . Увы! неужели ни малѣйшаго успокоенїя, ни малѣйшїя отрады не осталося мнѣ въ ночахъ кромѣ слезъ? Теките, о слезы! вы будите мнѣ скорбною отрадою, когда я долгїе часы на гробѣ его проливать васъ стану, когда я долгїе часы въ печальной, смертообразной тишинѣ здѣсь стану воздыхать. Хотя . . . о возлюбленный! и видѣла я тебя небеснымъ сїянїемъ величественно облегченнаго; но ахъ! не должна ли я жалѣть тебя? Въ сей плача исполненной жизни на всегда, увы! на всегда ты со мною разлучился! . . . Безчувственна рыдала я подлѣ дражайшаго залога любви нашей; сладкое успокоенїе разпростерлося на его очахъ; и ахъ! приятно во снѣ улыбаясь, не вѣдаетъ еще онъ бѣдъ поразившихъ смертныхъ человѣковъ, не вѣдаетъ еще своей утраты. Вотще бросалась я на опустѣвшее брачное ложе, вотще призывала сонъ; страшное уединенїе, и мучительное безпокойствїе, увы! на всегда водворившїяся тамо, гдѣ супружеская любовь и сладчайшее успокоенїе въ объятїяхъ

твоихъ обитали, на вѣкъ въ сей исполненной сѣтованія жизни похитили его отъ меня! .... О бѣдствіе! братомъ отъ меня, похищенъ! .... Гдѣ онъ! .... гдѣ злощастный? куды загнало его преступленіе? О! Боже милосердый! ... не отжени слезныя моея молитвы, неутомленно о помилованіи его творимыя; не отжени, когда разкаеттся онъ, и повергшійся на землю, возрыдаетъ къ Тебѣ о помилованіи моля! Рѣкла, и тяжкое стѣнаніе и слезы пресѣкли ее слова. Сколь часто... ахъ! сколь часто бывала ты безмолвною свидѣтельницею, тако продолжала возведъ очи на небо, о ты приятная луна! сколь часто бывала ты нѣжности нашея свидѣтельницею, когда мы обнявшіяся руками ходили при сумрачномъ твоемъ свѣтѣ и когда сладкоглаголивыя уста его добродѣтели меня учили! Нынѣ успшее тѣло его лежитъ здѣсь, и твое печальное сіяніе освѣщаетъ его гробъ. Здѣсь сладчайшее утѣшеніе благочестиваго отца и нѣжныя матери погребенно; здѣсь! ахъ! здѣсь лежитъ дражайшій мой супругъ! По семъ долго она въ глубокой печали была безгласна; на конецъ скорбнымъ окомъ на спокойную взглянувъ окресность: Сколь освѣщенна, паче всѣхъ прочихъ освѣ-

щенна блистаетъ тамо бесѣдка! Святая, великая отъ сѣтованія моего раждается мысль, тако продолжала она, свѣтла какъ и ты, луна! грядущая во тьмѣ нощной; сколь освѣщенна тамо бесѣдка, гдѣ ты, о мой Авель! при сіяніи вечернія зари лобзалъ меня! Коль благо, вѣщалъ ты въ объятія свои меня заключая, коль благо быть добродѣтельнымъ! коль благо любить Того, Котораго созданія суть всѣ сіи красоты! коль благо, когда всякое дѣяніе наше одобреніе надзирающихъ ангеловъ приобрѣтаетъ! Какая роскошъ можетъ уподобиться чувствованію Всесущности Божіей, въ семъ красотъ преисполненнымъ мірѣ; чувствованію добродѣтели извлекающей изъ очей нашихъ благоговѣйныя слезы! Кто тако дни свои поживетъ, тому не ужасна смерть, каковая бы она ни была; къ томужъ мы вѣдаемъ, о безприкладное ко грѣшнику Милосердіе! вѣдаемъ, что отдѣлится отъ тѣла безсмертная душа, и вознесется въ горняя къ безконечному блаженству. Ѳирсія! тако вѣщалъ ты, съ горячностію прижимая меня къ персямъ своимъ: когда я отойду прежде тебя изъ бренія, отойду ко блаженству, тогда не плачь, дражайшая! долго на прахѣ

моемЪ! ибо, не кратко ли сїе предопредѣленное тебѣ ТворцомЪ разлуки время, вЪ разсужденїи того, которое насЪ паки вЪ безконечности совокупитЪ и вЪ вѣчное введетЪ блаженство? Любезнѣйшїй! отвѣтствовала я, и сЪ нѣжностїю прижимала тебя ко груди своей: а есть ли смерть возметЪ меня прежде тебя изЪ бренїя, тогда не рыдай и ты долго на прахѣ моемЪ; за дверями гроба паки мы соединимся кЪ вѣчному блаженству.., О! не унывай душа моя, вЪ сѣтованїи безутѣшномЪ! Возложи упованїе свое на Всесильное утѣшенїе; помни безсмертїе свое, и изЪ горести своея взирай на предЪидущее блаженство, которое приближаясь прогоняетЪ отЪ себя скорбныя жизни сей премѣны. Ежели бы умерла и душа, и сЪ тѣломЪ вЪ ничтожество обратилась, то можно ли бы утѣшиться мнѣ? Безнадеждна рыдала бы я тогда на гробѣ твоемЪ, и о уничтоженїи своемЪ молила; но душа безсмертна, и не подобаетЪ ей постыдно печалїю быть низложенной. О Ангели! вы, которые тихимЪ помаванїемЪ крылЪ днесь во кругЪ меня летаете, не подобаетЪ душѣ постыдно печалїю быть низложенной: она безсмертна якоже и вы! Но еще лїются слезы! Увы! теките,

слезы! будьте его праху посвященны; онъ прежде меня отшелъ къ вѣчному блаженству... На гробницѣ твоей, любезнѣйшій!... (но слезы стремительнѣе текутъ;... о! не унывай душа моя, въ сѣтованіи безутѣшномъ!) на гробницѣ твоей возращу я бесѣдку; и хотя мало пролью слезъ на прахъ твой, но въ ея осѣненіи препровождать буду сладчайшіе мои часы, и во священныхъ возторгахъ ожидать вѣчность! Тако вѣщая встала она подлѣ могилы. Теперь душа моя получила отраду. Но ахъ! грызущая скорбь! братъ его умертвилъ! О Всемогущій! сіе вопія пала на колѣни, внуши молитву мою! умилосердися надъ грѣшникомъ! умилосердися надъ Каиномъ! О семъ молиться буду я, когда вечерняя просіяетъ звѣзда, и когда румяное взойдетъ утро.

Между тѣмъ трепеталъ въ кустарникѣ Каинъ, и отчаяніемъ пораженный тако потомъ возгласилъ: Бѣги, бѣги, гнусный! отъ священнаго сего зрѣлища! ... Но увы, несчастный! почто бѣжать я не могу? ... Не толпитеся окрестъ меня вы... о адскія страшилищи воспящающія мой побѣгъ!... Пустите меня... пустите меня бѣжать... увы! пустите

отъ священнаго зрѣлища сего убѣжать, о адскія страшилищи! . . . Какъ рвется она! а я, злополучный, не въ силахъ убѣжать!... Не рвется она болѣе...о добродѣтель! Какое упованіе, какое утѣшеніе вѣчно я потерялъ! и ахъ! безъ надежды, безъ малѣйшія надежды злополученъ я! ... Днесь ощущаю я, колико злополученъ есмь! днесь чувствую свои мученія! новыя, невообразимыя мученія, каковыхъ во глубочайщемъ тартарѣ ада нѣтъ ужаснѣе! . . . . И она молитъ . . . увы! молитъ за меня!... и не гнушается мною, и не проклинаетъ меня, злодѣя! О безпримѣрное благодѣяніе! какимъ чувствованіемъ смущаетъ душу мою блескъ такой добродѣтели! Бѣдствіе мое съ сильнѣйшимъ представляется мнѣ страхомъ; мрачно, черно какъ глубокія ущелія въ отверстіи ада; вящше, съ адскими страданіями я чувствую, грызущее злопреступство! . . . И ты молишъ о мнѣ, Ѳирсія? ... умолкни, трепещи отъ толь дерзновеннаго желанія! Нѣтъ, Богъ не можетъ услышать сей молитвы, Богъ правъ!... Она удаляется отъ гроба убіеннаго . . . О естьли бы смѣлъ я, злополучный, влещися по ея стезямъ, и пролить на стопы ея неизрѣченнаго бѣдствія своего

слезы! Нѣтъ... бѣги со трепетомъ: тамо холмъ сей луною освѣщаемый, гробница его! со трепетомъ отъ священныя страны бѣги, злодѣй! Рѣкъ и содрагаяся обратился вспять; но паки остановился, и всплеснувъ отчаянъ омоченныя слезами руки, возопилъ: Увы! не въ силахъ я бѣжать! И какъ возможно, ахъ Мегала! ахъ дѣти мои! какъ возможно на вѣкъ оставить васъ, не оплавши ни единожды предъ вами бѣдствія своего, не повергнувшися предъ вами на землю? предъ тобою, любезная Мегала! Можетъ быть проливаешъ ты сострадательныя обо мнѣ слезы, можетъ быть благословляешъ ты меня... И я... Богомъ проклятію преданный, я желаю благословенія отъ тебя? Мерзи мною, кляни меня; злодѣяніе мое заслуживаетъ все! и тогда убѣгу я, обремененъ проклятіемъ всей природы, и проклятіемъ твоимъ. О горесть! адская, терзательная горесть! не могу удалиться я. Любезнѣйшая супруга! любезнѣйшія дѣти! иду днесь оплакать предъ вами бѣдствіе свое, повергнуться предъ вами на землю; и по томъ, убѣгу отъ васъ. Умолкъ, и далеко гробъ братній обходя, слѣдовалъ къ сѣни своей. Шелъ, содрагался, останавливался, и на конецъ

колеблющейся достигъ сѣни. Долго трепеталъ предъ оною, блѣденъ какъ мертвый, по томъ дрожащія стопы ободря, переступилъ со ужасомъ порогъ.

Мегала сидѣла въ ней при блѣдномъ сіяніи луны, сама блѣдна какъ облаками потемненная луна; сокрушалась она и плакала на уединенномъ ложѣ своемъ; а скорбящія дѣти всхлипывали подлѣ ней; но узрѣвъ мужа и громко возопивъ безчувственна поверглася на одръ. Между тѣмъ плачущія прибѣгли дѣти, и Каиновы колѣни обнимая вопили: Отче! ахъ!... отче! утѣшъ ее, утѣшъ плачущую матерь! Увы! какая горесть населяетъ сѣни наши! Радуемся пришествію твоему, родитель нашъ! по что умедлилъ ты возвращеніемъ своимъ? Такъ произносили Каиновы дѣти, и бросалися въ объятія его; онъ колебался по средѣ ихъ, и слезы его на нихъ лилися. Превозможенный несказанною горестію, не имѣлъ онъ силъ говорить, и палъ на землю къ ногамъ супруги своей; дѣти усугубленный изпустили вопль; а очувствовавшаяся Мегала увидѣла мужа своего у ногъ ея поверженнаго и орошающаго прахъ слезами: О Каинъ! Каинъ!

возопила она плача и терзая волосы на головѣ. Мегала! запинаяся Каинъ къ ней вѣщалъ, прости! увы! прости мнѣ злосчастному, брата нашего убійцѣ, что дерзаю я плакать предъ тобою, что повергнуться на землю осмѣливаюсь предъ тобой? Не отринь сей послѣдней прозьбы, сего послѣдняго утѣшенія въ несказанномъ бѣдствіи моемъ не отрѣки! Не кляни меня, Мегала! что дерзаю я повергнуться предъ тобою! Я удалюсь въ пустынный свѣтъ, проклятъ Богомъ, нестерпимымъ страданіемъ гонимъ. Ахъ! не кляни меня, несчастнаго мужа своего! Каинъ! рѣкла горестію пораженная Мегала, убійца наилучшаго брата! мужъ мой! о Каинъ! злополучный! что ты сотворилъ? Возведъ къ ней скорбный взоръ, всѣ мученія его объясняющій: О! проклятъ будь часъ тотъ, отвѣщалъ Каинъ, въ который адское сномѣчтаніе меня изкусило! Увы! я хотѣлъ сихъ плачущихъ дѣтей отъ предбудущей бѣдности избавить, и убилъ его; проклятъ будь часъ тотъ! и убилъ благочестиваго брата. А днесь, ... ахъ! вѣчно будетъ терзать меня адскимъ мученіемъ ужасное злодѣяніе мое! Забудь меня, Мегала! забудь мужа своего; но не кляни меня, дражайшая супру-

га, не кляни нещастнаго! Теперь же удалюсь я на вѣкЪ отЪ тебя, отЪ васЪ, дѣти мои! проклятіемЪ БожіимЪ обремененЪ! Дѣти начали больше плакать и рваться, а Мегала бросясь кЪ нему: Пріими сіи слезы, пріими знаки состраданія моего! рѣкла слезами его обливая. Ты удалиться хочешЪ КаинЪ! вЪ пустынный убѣжати хочешЪ свѣтЪ; но увы! какЪ могу я обитать вЪ сихЪ сѣняхЪ, между тѣмЪ какЪ ты одинЪ безЪ помощи вЪ степяхЪ сокрушаться станешЪ? НѣтЪ, КаинЪ!... сЪ тобою удалюся я, сЪ тобою вмѣстѣ. Можно ль мнѣ одного вЪ стѣпи тебя отпустить! Какое бы безпокойство меня терзало! жалостной гласЪ, нощію до слуха моего достигшій, ужасалЪ бы меня мучительными боязньми: не ты ли можетЪ быть, не ты ли страждешЪ тамо вЪ безпомощномЪ отчаяніи? СмущеннымЪ восторгомЪ обрадованный КаинЪ взглянулЪ на нее... Боже!... что слышу я?... ты ли? да, ты Мегала, не сонЪ обольщаетЪ меня; ты!... О Боже! какія слова! Но нѣтЪ, довлѣетЪ и того утѣшенія мнѣ злополучному, что не мерзишЪ ты мною, не проклинаешЪ меня! ПодобаетЪ ли тебѣ, о добродѣтельная жена! сно-

сити со мною казнь величайшаго злодѣянія моего? АхЪ! останься сЪ праведниками, гдѣ благословеніе водворенно! НѣтЪ! тебѣ не должно быть со мной злосчастною! Забуди бѣднаго, который проклятЪ всѣмЪ естествомЪ, который ни единаго на землѣ спокойнаго не имѣетЪ мѣста; забудь меня бѣднаго; только не проклинай! НѣтЪ! КаинЪ! нѣтЪ, сЪ тобой пойду я, отвѣтствовала ему Мегала, сЪ дѣтьми нашими устремлюся за тобой вЪ пустыни; сЪ тобою скорбѣть, сЪ тобою бѣдствіе твое сносить буду: можетЪ быть оно тебѣ облегчительнѣе чрезЪ то станетЪ. Слезы мои совокупно со слезами покаянія твоего проливаться будутЪ, молитва моя вознесется сЪ твоею кЪ Богу; и сіи чада, во кругЪ насЪ преклоненныя, о помилованіи твоемЪ взывать станутЪ. Не презираетЪ Господь покаянія грѣшниковЪ; сЪ тобою, КаинЪ, молиться буду я. Непрестанно будемЪ мы плакаться предЪ ГосподемЪ и молить Его, доколѣ лучь утѣшенія, отЪ умилостивленнаго Судіи низпосланный, уповающую не просвѣтитЪ душу; . . . и конечно Господь вкушитЪ молитву кающагося грѣшника.

О ты! возопилъ Каинъ, какъ назову тебя?... яко святый ангелъ! какое утѣшенїе просвѣщаетъ мракъ души моея? Мегала! супруга моя! Теперь я смѣю обнять тебя. О ежели бы могъ я впечатлѣть чувствованїя мои въ тебя, которыхъ горячайшїя объятїя, ниже слезы мои изобразить не могутъ! Рѣкъ и уклонилъ ко груди ея свою главу; душа его не могла благодаренїя, не могла чувствованїя его изобразить; оставя ее, обнималъ онъ дѣтей своихъ, и паки обратився къ Мегалѣ, нѣжно прижималъ ее къ персямъ своимъ. По томъ опираяся дѣсницею на мужа своего, приняла нѣжная супруга юнѣйшаго сына своего ко груди, а другой шелъ одесную отца; а Елїель и Іосїя сотря слезы, радостно выступили предъ ними изъ сѣни. Мегала плача обратила послѣднїй на отеческую обитель взоръ: Будите благословенны, рѣкла, о вы оставляемые нами! скоро приду я оттолѣ, гдѣ мы созиждемъ себѣ сѣнь, и ваше благословенїе прїиму, себѣ и моему молящемуся о помилованїи мужу. По томъ остановилася и плакала, какъ бы нерѣшима, къ сѣнямъ обратяся. Но се благоуханїе, яко вѣшнїй воздухъ, окружило ихъ. Иди благодѣтельная жена! тако рѣкъ неви-

димо нѣжный гласъ; въ приятномъ снѣ я повѣдаю матери твое великодушіе, и что ты съ кающимся мужемъ, о помилованіи его молить Всемогущаго Судію, удалилась.

По семъ пошли они при лунномъ свѣтѣ; часто обращалися слезящи, и удалялися отъ хижинъ въ пустынный край, гдѣ ни единая не заблуждалася человѣческая стопа.

═══

